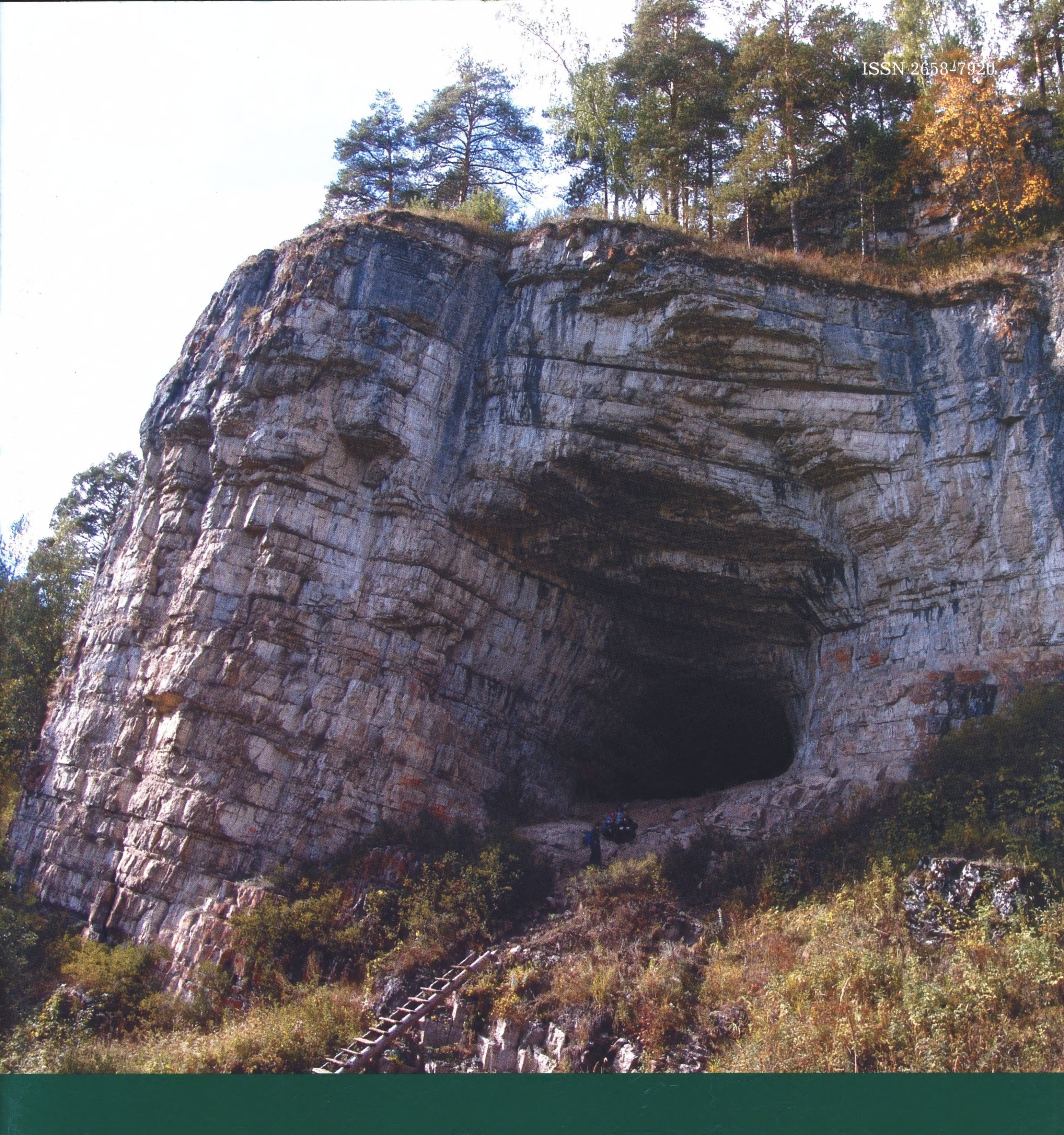
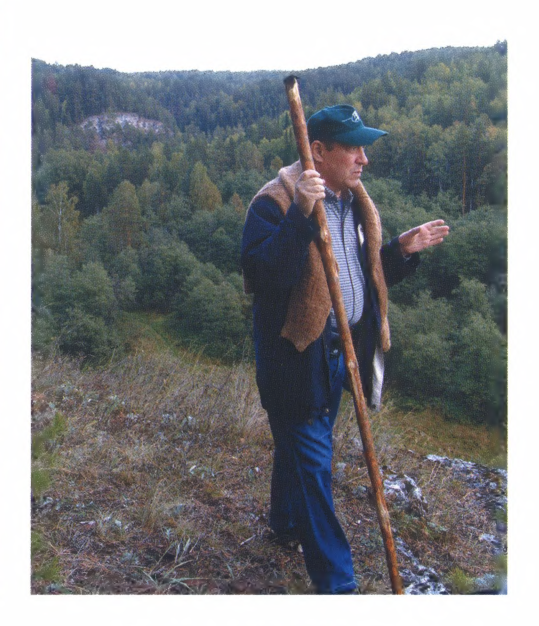

ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 8, 2021

Начало экскурсии.

Исследователь края, ученый, поэт, автор фундаментальной «Мировой истории женщины» Салим Фатыхов возле Игнатиевской пещеры.

Мадонна тайного грота.

Вход в тайный грот.

Возле Игнатиевской пещеры.

ИГНАТИЕВСКАЯ ПЕЩЕРА

Чтобы попасть в Игнатиевскую пещеру, сначала нужно 100 метров спускаться по почти отвесному склону и, низко поклонившись памяти предков, войти под ее своды. Но не торопитесь отправляться в путешествие. С 2018 года туристам вход в нее закрыт.

Пещера находится на особо охраняемой природной территории «Серпиевский природный заказник», она – уникальный памятник природы. Сокровищница древних палеолитических фресок, всемирно известна.

Не удивительно, что вокруг такого объекта рождается множество легенд. Одна из них, что в этой пещере жил старец Игнатий, он же Федор Кузьмич, он же император Александр I. Звучит красиво, но мало правдоподобно. Ведь по другой легенде, старец Федор Кузьмич жил в Сибири. А историки вообще молчат о тождественности Федора Кузьмича и императора. Если же верить геологу Ф.Н.Чернышёву, который побывал в этих краях в конце XIX века, то Игнатиевской пещеру назвали в честь отшельника Игнатия, жившего в ней в начале XIX столетия и врачевавшего местных жителей.

Можно, конечно, верить или не верить во все легенды, но пещера во все времена притягивала внимание ученых, путешественников, любопытствующих. Еще в 1760-х годах здесь побывал Петр Иванович Рычков, географ и историк, он сделал первое описание этого места. Следом за ним свои впечатления от пещеры оставил П.С.Паллас.

Всемирную известность пещера получила благодаря открытию археологов В.Т.Петрина, С.Е.Чаиркина и В.Н.Широкова. В 1980 году они обнаружили в пещере палеолитические фрески – рисунки древних людей. Сегодня их насчитывается более 180 мотивов, созданы они более 18 тысячелетий назад. Здесь изображены лошади и мамонты, фантастические существа, похожие на верблюдов и носорогов, множество знаков, фигур, линий и точек. По мнению ученых, с помощью всего этого разнообразия древние художники пытались выразить свое представление о мире. Использовали охру и уголь.

Глубокие смыслы фресок рождают различные гипотезы. Возможно, Игнатиевская пещера была храмовым местом, возможно – использовалась для инициаций. В многочисленных ответвлениях пещеры находят то угол мертвых, то «женскую комнату», то зал для обрядов и ритуалов, то древний иконостас.

В дальнем зале пещеры, попасть в который можно только ползком по узкому длинному ходу, кроме яркой охристой живописи есть так называемая палеолитическая Венера и древние Волхвы.

Игнатиевская пещера, пожалуй, самая известная из российских в мире. По уникальности она стоит рядом с пещерой Альтамира в Испании, пещерами Ляско, Шове, Пеш-Мерль во Франции.

Ученые УрО РАН разработали программу научных исследований пещеры и древних рисунков, в которую входят изучение различных факторов, влияющих на сохранность рисунков, составление полного каталога фресок и лазерное сканирование пещеры, исследование красочных пигментов, техники их изготовления и нанесения с целью возможности реставрации.

Хочется верить, что в будущем каждый человек, живущий в любом уголке планеты, сможет своими глазами увидеть уникальную Игнатиевскую пещеру – Национальное достояние России.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

Корректор номера
Дмитрий Андреев

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком ◉, печатаются на правах рекламы.

На обложке: (1) У входа в Игнатиевскую пещеру.
Подписано в печать 28.10.2021 г.

Отпечатан в АО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз. Заказ № 92.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Прошлой ночью в 3 часа 52 минуты около ноутбука, за которым в это время я еще работала, неожиданно появились два необычных существа. Приказав мне: «Слушай и запоминай!», они начали столь же необычным способом, без слов, передавать мне информацию. Суть ее заключалась в следующем: «Оказывается, что наша Земля, как и миллионы других планет, входит в определенную систему с центром на Сириусе. Примерно, как флешка в компьютер. Таких систем множество во Вселенной, и у каждой – своя миссия. Но около 15-ти тысячелетий назад Сириус вдруг потерял нашу Землю, на которой к тому времени завершался уникальный эксперимент по созданию идеального общества. Для выяснения причин на Землю послали существ. USB-порт с пирамидами и сфинксом для соединения с Сириусом находится в долине Гиза. Но приблизительно в 12121 году до нашей эры в Землю врезался огромный астероид. От удара образовалась не только Марианская впадина, но сама земная кора сдвинулась на несколько градусов. И наша флешка-Земля тут же была захвачена воинствующей системой звезды Альдебаран. Вражда и агрессия поселились в людях. Начались войны, голод, болезни. Вирусы, один страшнее другого, стали уничтожать человечество. Чтобы спасти цивилизацию Земли от уничтожения, необходимо вернуть наш USB-порт в исходное место. Для этого с Сириуса был послан специальный астероид № 52Anat01, который должен упасть в противоположную Марианской впадине точку в океане недалеко от Лос-Анджелеса, чтобы передвинуть земную кору на прежнее место. И тогда связь с Сириусом восстановится. Люди перестанут воевать, убивать друг друга, уничтожится даже самый новый и страшный вирус, и можно будет снова создавать идеальное общество. Но чтобы пережить последствия удара астероида № 52Anat01, люди должны прислушаться к существам и строго выполнить их требования».

Я внимательно выслушала все указания существ и поняла, что нужно срочно писать книгу. Захватывающую и увлекательную, чтобы каждый землянин ее прочитал, запомнил и выполнил. Срочно вышла в Интернет и тут же обнаружила предложение: «Как написать и издать книгу за 30 дней. Для начинающих авторов». Прослушав трехчасовой вебинар с кучей бесполезной информации о гениальности создателей сайта и двумя десятками фамилий совершенно неизвестных, но столь же гениальных людей, живущих на Кипре, которые каждую минуту будут помогать писать книгу начинающему автору, я наконец-то узнала стоимость этого предложения – 190 тысяч рублей. Такой суммы у меня не было. «Это знак!» – подумала я.

С первыми лучами Солнца в голову закралась мысль: «Ну, напишу я книгу... А вдруг виной случившемуся было полнолуние или крепкий редакторский сон с видениями... Я ведь этих существ даже не потрогала – были ли они?..» А книга останется. И лет через 200 вдруг историки начнут на нее ссылаться и цитировать как исторический документ... Чего ведь только не бывает в нашей жизни.

А страницы этого номера журнала мы полностью предоставили археологам. Они-то каждый свой артефакт не просто подержали в руках, а досконально исследовали. Читателям же желаю увлекательного времяпровождения.

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСИ

№ 8 (176)` 2021
октябрь

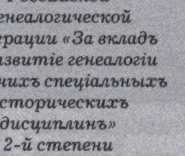
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

К 300-летию Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

World Federation of UNESCO clubs, centers and associations

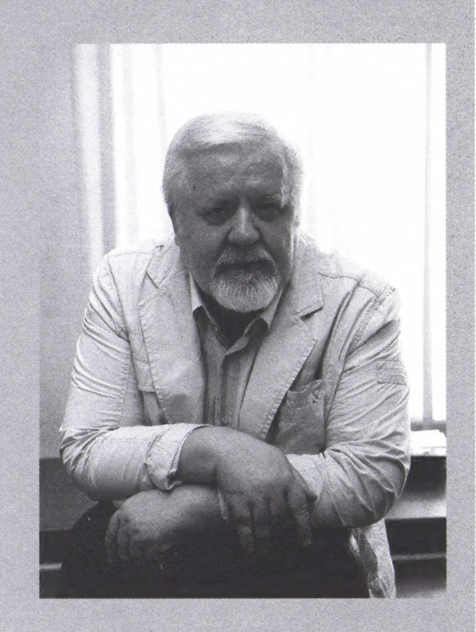
РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

МИСТИКА КУРГАНОВ

Евгений ЯРОВОЙ

Археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии Естественных наук (РАЕН). Профессор, руководит кафедрой древнего мира и средних веков в Московском государственном областном университете (МГОУ). Автор 10 монографий и более сотни научных и научно-популярных статей, организатор Международных конференций и полевых семинаров, проведенных в Кишиневе и Тирасполе, основатель Музея археологии Приднестровья, лауреат Государственной премии ПМР.

МОГИЛЫ, ЗОЛОТО И ГРАБИТЕЛИ

Прекрасная амазонка из Буджакской степи

Здесь царство амазонок. Были дики
Их буйные забавы. Много дней
Звучали здесь их радостные клики
И ржание купавшихся коней.

И.А.Бунин, 1897

Своеобразный угол – самую юго-западную часть Советского Союза когда-то занимала Буджакская степь. Сейчас это юго-западные регионы суверенной Украины и независимой Молдовы. Политическая карта Европы может и далее меняться, но Буджак всегда останется неизменной и составной частью огромного степного пояса, протянувшегося от равнин Калмыкии до предгорий Балканского полуострова. Что же мы знаем об этой территории? Находясь на границе земледельческого и скотоводческого миров, она была связующим звеном между различными народами Восточной Европы и сыграла особую роль в межплеменных контактах и миграциях древнейших племен. Поэтому следы различных культур, многие из которых давно исчезли с исторической карты континента, в изобилии сохранились в этой суровой и, казалось бы, пустынной земле.

«Буджак на татарском языке означает «угол», эта область простирается между Дунаем и Тирасом по направлению к Черному морю и оканчивается острым углом. Нам кажется, что слово «Буджак» намекает на древнее название бессов, которое дали этой области древние географы и историки. Возможно, что от них происходит и наименование Бессарабии», – писал в 1716 году выдающийся молдавский ученый Дмитрий Кантемир. Свой фундаментальный труд «Описание Молдавии» Д.Кантемир подготовил по просьбе Берлинской академии и собрал в нем множество исторических, географических и этнографических сведений о стране. Однако Буджак он упоминает лишь трижды, а приведенная цитата является самой развернутой. И это не случайно. Удивительно, но факт: этот один из самых важных и интересных регионов восточноевропейских степей не привлекал должного внимания античных и средневековых историков и географов, а позднее и профессиональных археологов.

По правде говоря, и сегодня это малопривлекательная земля: холмистая равнина, изредка пересекаемая балками и пересохшими руслами небольших рек, изнуряющая летняя жара с пыльными лесополосами и сырые южные зимы с промозглыми ветрами. Если еще добавить постоянные проблемы с пресной водой, то становится понятным почему этот регион длительное время не вызывал энтузиазма у исследователей. Однако мнение о том, что здесь практически не было постоянного населения, оказалось ошибочным. Ошибочным с точностью наоборот: на этих прокаленных зноем землях всегда жил человек, и как это не покажется странным, она оказалось подходящей не только для скотоводческого хозяйства. Но об этом стало известно лишь после первых раскопок. До начала же 70-х годов прошлого столетия Буджакская степь оставалась еще былым пятном на археологической карте страны.

Это положение не могло удовлетворять ученых, и уже в 1971 году в Тараклийский район приехал сам «патриарх» молдавской археологии, любимец детей и женщин Георгий Феоктистович Чеботаренко. Представитель первого послевоенного поколения археологов, человек незаурядной энергии и обаяния, он сумел убедить руководство Академии наук в необходимости проведения в Буджаке археологических исследований. В результате ему выделили скромную сумму на раскопки. Получив мизерные средства, Г.Ф.Чеботаренко умудрился не только проработать на них два года, но и раскопать за это время 24 кургана – результат немыслимый в наше время! Но «патриарха» никогда не останавливали трудности, и его работа завершилась замечательной археологической находкой. А связана она была с раскопками скифского кургана у села Балабан в северной части Буджакской степи.

Первые пять исследованных курганов оказались возведенными в эпоху бронзы и были частично разграбленными в древности. Обнаруженные находки также были весьма скромными: шесть грубых лепных сосудов и несколько кремневых орудий. Однако Георгий Феоктистович не унывал и продолжал раскопки с присущим ему размахом и оптимизмом.

Курган 6 поначалу также показался ограбленным. В его центре были обнаружены две крупные погребальные ямы и материковый выброс из них, лежавший под насыпью на уровне древней степи. Расчистка первой ямы показала, что в ней сохранились лишь разбитая в древности греческая амфора и череп лошади. Но обнадежило то, что не было зафиксировано следов ограбления. В то же время амфора, изготовленная в причерноморском городе-колонии Гераклея, недвусмысленно указывала, что этот комплекс был оставлен скифами. Не видно было следов ограбления и во второй яме, поэтому за ее расчистку принялся сам Г.Ф.Чеботаренко. Было ясно, что первая яма, скорее всего, является ритуальной и в нее были сброшены остатки погребальной тризны. Значит основное захоронение рядом. И «патриарх» не ошибся. Как обычно, удача улыбнулась именно ему: вскоре под лопатой появились непотревоженные кости погребенного. Ее тут же заменили на кисточку и нож, и началась осторожная расчистка черепа. Буквально сразу же под ножом сверкнуло золото: у левого виска лежала изящной формы массивная серьга! Еще одна, точно такая же, была обнаружена через несколько минут у правого виска. Значит, в этом захоронении была погребена женщина.

Обе серьги были изготовлены из дутого золота и украшены сканью и зернью. Их верхняя часть была увенчана с лицевой стороны головой грифона – легендарного скифского животного, а с тыльной – шестилепестковой розеткой. Интересно, что грифон был изображен с высунутым языком, длинными ушами и короной на голове. Древний мастер искусно выделил роговицу клюва, глаза и некоторые детали, которые придали ярко выраженную экспрессивность обеим головкам. Сравнение серег показало, что они практически идентичны и, безусловно, составляли пару. Не вызывал сомнения и тот факт, что они были изготовлены одним, скорее всего, греческим ювелиром.

Более детальное их изучение позволило установить, что эти украшения носили долгое время. Об этом свидетельствовала сильная стертость орнамента и следы ремонта на одной из серег. У нее была сломана дужка, которую в древности заменили золотом более низкой пробы. У этой же серьги были сломаны язычок и частично нижняя часть клюва грифона. У другого экземпляра в древности была оторвана головка грифона, и, чтобы ее приладить на место, были наложены небольшой «воротник» вокруг шеи и маленькая заплата у правых виска и глаза, которая полностью их закрыла. Ремонт, по всей видимости, был проведен менее искусным мастером, скорее всего, скифским ремесленником. Об этом говорит неумелая, а порой и просто небрежная ювелирная работа. Однако тот факт, что серьги сохранялись столь длительное время, возможно не одно столетие, указывает на то, что этот ювелирный набор высоко ценился современниками и представлял для них огромную материальную ценность. Значит, в данном захоронении была погребена знатная скифянка, вероятно, жена или наложница вождя. Однако это мнение показалось сомнительным, когда погребальный комплекс был полностью зачищен.

У черепа женщины лежали двадцать тонких золотых пластин треугольной формы с амфоровидными подвесками от головного убора. Здесь же находилось целое бронзовое зеркало в форме диска отличной сохранности. Оно имело прямоугольную ручку, которая заканчивалась овальным навершием. У левой ноги погребенной стоял редчайший сосуд на ножке усеченно-конической формы. Он представлял собой курильницу с крышкой и был изготовлен на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Черная внешняя поверхность курильницы была тщательно залощена, а на крышке и венчике имелись симметричные дырочки, позволявшие наглухо закрывать ее содержимое. Закономерными для женщины были и находки костяного веретена для изготовления пряжи, и амулета из нижней челюсти молодого волка. Однако остальные находки преподнесли археологам сюрприз: в этом же погребении были аккуратно сложены... два длинных железных копья, два железных подтока от копий для предохранения деревянных древков, и тубусный колчан из бересты. В нем оказалось более 150 бронзовых боевых стрел различной формы! Получалось, что эта женщина была в первую очередь воином!

В очередной раз старинные легенды об амазонках, кочевавших в этой части причерноморских степей, получили свое полное и несомненное подтверждение. Безусловно, у села Балабан в Южной Молдавии была погребена молодая женщина-воин. Антропологи-

ческое изучение черепа показало, что она имела явно скифский облик, и ее возраст колебался в пределах 20–25 лет. Правы были античные писатели и историки, которые повествовали о воинственных женщинах-амазонках, ни в чем не уступавших воинам-мужчинам!

Само понятие амазонок пришло к нам из греческой мифологии: так назывались женщины-воительницы из Малой Азии. В частности, знаменитый греческий врач Гиппократ сообщал, что легендарные девы-воительницы – амазонки – «ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами...» Они не терпели мужчин и вступали с ними в близкие отношения только для продолжения рода. Сохранились предания, в которых рассказывается, что они даже выжигали девочкам правую грудь, чтобы потом она не мешала им стрелять из лука.

Легенды об амазонках – одни из самых известных и романтичных в античном мире. Согласно греческой мифологии за далеким Понтом Эвксинским (Черным морем) лежит таинственная страна амазонок, где нет мужчин. В ней живут лишь воинственные женщины. С колыбели они учатся воевать. Их игрушки – острые мечи и луки со звонкими стрелами. Совсем еще маленькими девочками они садятся в седла и вскоре становятся непобедимыми всадницами. Никогда еще враг не пробирался в их столицу – знаменитый и таинственный город Фемискиру. Он находится там, где бурная река Фермодонт впадает в Черное море. В центре города возвышается пышный дворец, в кладовых и амбарах которого хранятся драгоценные камни, золотые кольчуги, хрустальные сосуды и другие сокровища.

Греческие легенды донесли имена некоторых из них: быстрая как вихрь Аэлла, женщина-герой, семь раз побеждавшая храбрейших воинов Протоя, предводительница Меланиппа. Все они пали от руки Геракла, который выступил против амазонок. В результате царица Ипполита передала ему свой волшебный пояс, который потребовала капризная дочь царя Эврисфея – Адмета. Другой легендарный герой Тесей во время одного из походов похитил царицу амазонок – красавицу Антиопу, которая вскоре умерла в Афинах. В знаменитой Троянской войне амазонки выступали на стороне троянцев, и в одном из сражений их царица Пентиселея была убита самим Ахиллом.

Донесенная до нас Геродотом и другими древнегреческими историками легенда гласила: когда в сражении на реке Фермодонт эллины разбили войско амазонок, они на трех кораблях отплыли домой, захватив с собой пленниц. Однако в открытом море амазонки напали на мужчин и перебили их. Но они не умели обращаться ни с парусами, ни с веслами, а потому понеслись по волнам, которые прибили корабли к землям скифов – Кремнам на Меотийском озере (Азовском море). Здесь амазонки сошли на землю и первое, что они сделали, – завладели случайно попавшимся табуном лошадей, сели на них верхом и занялись грабежом скифских владений. Затем амазонки и скифы стали жить вместе...

К образу этих легендарных женщин обращались такие прославленные ваятели античного мира, как Фидий, Поликлет, Кресилай и Фрадмон. Одно из семи чудес света – храм Артемиды в Эфесе был украшен изображениями раненных амазонок, их облик дошел до наших дней в многочисленных копиях с античных скульптур. Изображения воинствующих амазонок нередко можно встретить и в более поздние периоды. Долгое время мифы о них считались красивыми сказками. Считались до тех пор, пока археологи не стали открывать многочисленные захоронения женщин-воительниц и не пришли к выводу, что исторической основой греческих мифов, очевидно, являлась их борьба с теми племенами «варваров», у которых сохранились еще остатки матриархальных отношений.

Амазонки... Мы с детства привыкли, что это только красивая и поэтичная легенда. Древняя сказка, рожденная под безоблачным Эгейским небом, где смуглые красавицы опоясывают своих героев мечами, благословляя их на подвиги, а козлоногие боги, пахнущие веселым милетским вином, отплясывают с длинноногими нимфами. Но вот раскопан осевший под тяжестью лет буджакский курган, заросший жесткой степной травой, а под ним оказалась легенда, ожившая в наконечниках копий и десятках безжалостных бронзовых стрел. Спустя тысячелетия после своего рождения она обрела осязаемую и зримую реальность.

Оказывается, неустрашимые амазонки существовали в реальной жизни. Открытие женских захоронений с мечами и копьями на Дону и Днепре, Южном Буге и Ингуле, на Днестре и в Буджакской степи показывает, что женщины-воины не являлись фантазиями древних авторов. Судя по своеобразному набору сопровождавшего их инвентаря, они занимались не только войной, но и домашним хозяйством, выполняя, таким образом, двойную по сравнению с мужчинами работу. Графическая реконструкция черепа из села Балабан, проведенная в московской лаборатории, показала, что эта молодая женщина обладала редкой красотой. В обрамлении массивных золотых серег она выглядела неотразимо. Как жаль, что ее жизнь оборвалась так рано!

Сокровище, упущенное грабителями

В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,
Спят наши грозные цари: во сне
Им грезятся пиры, бои, победы.
Но, в стороне от очага присев,
Порой, когда хмелели сладко гости,
Наш юноша выделывал для дев
Коней и львов из серебра и кости.

В.Брюсов, 1916

Я еще не знал об этой сенсационной находке, когда в последний августовский день приехал в Кишинев оформлять экспедиционные документы на следующий месяц. Возвращаясь из Академии,

я неожиданно встретил на улице Николая Антоновича Кетрару, крупнейшего специалиста по каменному веку Молдавии, который в последние годы, как и я, раскапывал курганы в Поднестровье. Но если у меня эта работа полностью совпадала с научной тематикой, то Николай Антонович вынужден был временно переквалифицироваться и стать «курганщиком», чтобы вместе с нами вытягивать план хоздоговорных работ. Благодаря своему организаторскому таланту, он развернул широкие раскопки на левобережье Днестра и по количеству исследованных памятников всегда был в первых рядах по итогам года.

– Ну как, ты уже слышал о моей находке? – первое, что спросил он вместо приветствия. Я недоуменно пожал плечами.

– Пойдем, покажу, – сказал он, самодовольно ухмыльнувшись, и увлек меня в ближайшую, подозрительную подворотню. Мы прошли вглубь двора и там, возле покосившихся деревянных сараев и заброшенной помойки он стал копаться в своем разбитом, дерматиновом портфеле. Я с интересом наблюдал за его телодвижениями. Но когда, подпирая ногой портфель, он достал из него содержимое, я временно потерял дар речи. Неожиданно в его руках оказалась удивительной красоты... массивная золотая гривна! Золото соломенного светло-желтого цвета благородно блестело в лучах полуденного солнца и в запыленном кишиневском дворике казалось пришельцем из иного и сказочного мира.

– Ну, как? – поинтересовался Николай Антонович, оставшись явно довольным произведенным эффектом. Я стоял потрясенный. Такая находка возможна только раз в столетие, и не покривлю душой, если скажу, что каждый археолог втайне мечтает о подобном открытии. Да и сама находка весила почти килограмм! Позднее установили ее точный вес – 814,9 грамма. До настоящего времени это самое крупное золотое изделие, найденное когда-либо в Молдавии.

Удивительно, но почти месяц Н.А.Кетрару спокойно таскал с собой это сокровище, нисколько не беспокоясь за свою безопасность. Естественно, что и в те времена это было неосмотрительно. Но в наше это было бы просто безумием! В научных кругах ходили слухи, что закрытая экспертная комиссия оценила ее с учетом музейного коэффициента почти в миллион советских рублей. Не говоря о чисто материальной стоимости, гривна представляла собой редчайшее произведение древнего ремесленного искусства.

Изготовленная из толстого литого прута золота, она завершалась на концах двумя небольшими головками львов с оскаленной пастью, реалистично выполненных в строгой, лаконичной манере. Некоторые детали этих литых изображений были искусно проработаны чеканом, а непосредственно примыкающие к ним части гривны украшены треугольными рядами зерни. Но самое уникальное заключалось в том, что львиные головки были соединены изящной пластиной в виде плоских изображений плывущих друг к другу уточек. Судя по композиции и технике исполнения, они были припаяны к гривне значительно позднее ее изготовления.

После тщательного изучения находки удалось установить, что уточки появились во время одного из трех ремонтов, которым было подвергнуто это уникальное украшение. Значит, им долго пользовались и, скорее всего, передавали по наследству. Даже беглого взгляда на находку было достаточно, чтобы понять, что в археологии региона произошла сенсация. Мне повезло – я первым из археологов случайно встретил автора находки и сумел подержать ее в руках, ощутив всю энергетику этого удивительного изделия. В этот же день гривна была официально сдана в фонды, и теперь ее можно увидеть, только получив специальное разрешение. Вскоре во всех экспедициях только и говорили об этой потрясающей находке. Николай Антонович был героем дня. Президиум Академии наук МССР наградил его премией в размере двух окладов. В итоге за это открытие он получил 500 рублей – сумма немалая по тем временам. Но как мы вскоре узнали, это открытие могло и не состояться, но удивительным образом в одном месте и в одно время сошлись несколько случайностей...

Небольшие распаханные курганчики недалеко от приднестровского городка Дубоссары в большинстве своем содержали захоронения скифской культуры. Из-за богатства погребального инвентаря все они были профессионально разграблены, скорее всего, еще самими скифами. Некоторые насыпи были ограблены даже дважды! Однако это не разочаровало исследователей. Сами погребальные конструкции в этом регионе Днестра представляли собой несомненный интерес. Дело в том, что в отличие от восточных скифских памятников здесь не было обнаружено огромных погребальных камер, в которых находились костяки людей и животных. Местные скифские племена использовали совсем иной погребальный обряд. Из крупных дубовых бревен они сооружали сложные круглые конструкции наподобие шалашей, внутри которых помещали умерших. Затем эти мощные сооружения поджигались со всех сторон, и огромный костер полностью уничтожал тела людей, туши лошадей, овец и других жертвенных животных. Сгорал также и многочисленный погребальный инвентарь, который должен был сопровождать умерших в загробном мире. Лишь после этого ритуала вокруг кострища выкапывали два полукруглых ровика, в которые бросали остатки тризны, а сожженные конструкции засыпали землей и на их месте возводили курганы.

Такой элемент погребального обряда был впервые отмечен в данном ареале скифской культуры. Оказалось, что встречается он в основном в районе Среднего Днестра. Поэтому, несмотря на малочисленность археологических находок, ученые были очень довольны столь важным и инте-

ресным научным открытием. Но никто из них не мог ожидать, что дубоссарские курганы подготовили еще одну археологическую сенсацию! И она все же произошла – у Н.А.Кетрару оказалась легкая рука!..

Еще десять лет до раскопок этот курган выделялся своими размерами, и поэтому никогда не пахался. Но в начале 70-х годов прошлого столетия его насыпь была почти полностью снесена тяжелой техникой: по мнению местных «просвещенных» властей, многочисленные курганы края «портили» окружающий пейзаж. Остатки этого памятника удалось обнаружить лишь по огромному прожогу, который был хорошо виден на распаханной поверхности поля. В нем часто встречались фрагменты греческих амфор и изредка – поливной молдавской керамики. Этих находок было достаточно, чтобы еще до раскопок установить, что курган возведен скифами в IV веке до нашей эры и ограблен приблизительно два столетия назад. Грабительская яма начиналась с поверхности кургана и имела в профиле колоколовидную форму, расширяясь у дна до... 18 метров в диаметре! Искатели сокровищ прекрасно знали конструкции курганов данного типа, так как, достигнув прожога, глубже уже не копали. Тщательно проверяя пережженную почву, они находили множество драгоценных изделий, и их не смущало, что некоторые из них были оплавлены в огне. Золото есть золото!

В этом кургане было обнаружено особенно крупное кострище. Оно находилось на уровне древней степной поверхности. Толщина пережженной почвы достигала полуметра, а диаметр – около 20 метров. Какой же силы костер должен был бушевать на этом месте, чтобы после него остался столь гигантский прожог! Когда-то на вершине насыпи возвышалось трехметровое каменное изваяние скифа-воина. Оно было изготовлено из очень крупного блока известняка – местного камня, в изобилии встречающегося в русле Днестра. Археологи нашли эту статую в самом центре грабительской ямы, куда она была сброшена местными искателями сокровищ. На ее шее была изображена гривна, а сложенные на животе руки держали ритон – своеобразный сосуд с вином и скифский короткий меч – акинак. Статуя отлично сохранилась и в очередной раз подтвердила, что данный курган был возведен скифскими племенами над одним из своих вождей.

Когда с помощью бульдозера был приблизительно обозначен район прожога, в ход пошли лопаты, и началась его ручная зачистка. Вероятно, кладоискатели очень спешили или были избалованы более ценными находками, но множество интереснейших предметов оказались нетронутыми. В кострище были найдены бронзовые наконечники стрел, серебряный нащечник от узды лошади, чернолаковый греческий канфар – особый сосуд для вина, костяные ручки от железных ножей и множество фрагментов различных оплавленных предметов. Сохранились также крупные части обгоревших дубовых конструкций. Видимо, деревянное сооружение начали засыпать, когда еще вовсю бушевал огонь.

Раскопки уже заканчивались, и Николай Антонович все реже и реже посещал курган, решая многочисленные организационные вопросы. Кострище было почти полностью изучено и предстояло лишь запланировать вырытый котлован. Но в последний день раскопок начальник экспедиции решил лично проконтролировать завершение работ. Чтобы не простаивала землеройная техника, Н.А.Кетрару дал команду зачищать бульдозером материк вокруг кострища. Неожиданно он почувствовал странное волнение и на всякий случай остановил работу мощных машин, отправив рабочих-школьников вручную выбрасывать грунт из котлована.

Пока Николай Антонович следил за расчисткой центра, один паренек прекратил работу и стал что-то с интересом рассматривать в земле. Наконец, он вытащил из отвала какой-то желтый предмет и с недоумением повертел его в руках. Н.А.Кетрару случайно обратил на него внимание и сразу же понял, что это золото. Подойдя ближе, он увидел, что рабочий пробует на зуб совершенно целую... золотую гривну! Еще минута, и любознательный школьник попытался бы ее «разогнуть». Руководитель раскопок оказался на месте как никогда вовремя! Как же случилось, что это прекрасное произведение древнего ювелирного искусства не погибло в огне и не попало в руки грабителей? А дело было так...

На берегах Днестра хоронили вождя крупного скифского племени. Для него была сооружена особенно крупная шатровая конструкция. Специально для нее были вырублены самые мощные дубовые деревья в пойме реки. Одновременно местные мастера изготовили из камня его монументальную скульптуру, которая должна была выситься на вершине кургана и напоминать сородичам о своем знаменитом предке. Внутри построенного на уровне степи сооружения поместили тело умершего, сосуды с едой и множество различных изделий, необходимых ему в загробной жизни. Когда разожгли огромный погребальный костер, в него стали бросать и наиболее ценные вещи: золотые и серебряные украшения, бронзовое и железное оружие, сосуды с едой и вином. Была брошена в огонь и принадлежавшая ему шейная золотая гривна. Однако, упав на ребро, она выкатилась из костра и была тут же засыпана пеплом. Так, благодаря первой случайности, она оказалась погребенной под насыпью за пределами кострища. Находясь в непосредственной близости, гривна почему-то совершенно не пострадала от огня.

Спустя столетия произошла вторая случайность. Во время ограбления кургана в XIX веке края грабительской ямы не дошли до этой находки всего лишь... пять сантиметров! Чуть-чуть ошиблись бы местные крестьяне в выборе центра насыпи, и мы никогда не увидели бы этой замечательной

находки. Им не хватило два-три удара лопатой в стенку вырытой ямы...

Наконец, третья случайность произошла уже в наши дни. Надо же было так случиться, что именно в этот день и час на раскопках оказался их руководитель. Именно он прекратил работу техники, и первый понял значение находки. Поработай бульдозер еще пять минут, и уникальное изделие вновь бы оказалось в земле. Не окажись его возле работающих школьников, и кто знает, как повели бы себя юные любители археологии? В лучшем случае изуродовали бы находку, в худшем – попытались бы скрыть. Подобные прецеденты хорошо известны! Однако и на этот раз судьба оказалась благосклонной к археологам, а гривна спустя более двадцати веков попала в руки ученых и была спасена для потомков! В данном случае произошла просто мистическая цепь случайных совпадений, которая привела к уникальному открытию. Создается впечатление, что золото вновь «хотело» попасть к людям и «делало» все, чтобы это случилось. Не зря же существуют народные поверья, что оно обладает удивительными свойствами и не каждому человеку дается в руки!

Когда я посетил однажды известный вино-коньячный завод «Квинт» в Тирасполе, то был поражен рассказом виноделов о коньяке. Они говорили о нем как о живом существе: «Этот напиток отдыхает в бочках. При розливе он испытывает потрясение и на время теряет свои вкусовые качества. Необходим год, чтобы он успокоился и вновь стал набирать крепость и аромат». Иногда складывается впечатление, что и уникальные золотые изделия имеют свой характер, сформированный его бывшими владельцами, и индивидуальную, неповторимую судьбу. Они как бы отдыхают от людей и сами решают, когда стоит вернуться. Сколько их еще хранится в земле, под водой и в специально подготовленных тайниках, ожидая своего «звездного часа»?

Когда с этой находкой ознакомились ученые-скифологи и искусствоведы, они пришли к единодушному заключению, что она является уникальным экземпляром среди древнего золота. Если изображения львов достаточно часто встречаются в искусстве скифов, символизируя победоносного царя, то их связь с плавающими уточками впервые отмечена на символах царской власти. По их мнению, она была изготовлена по заказу местной аристократии греческими ювелирами, работавшими в одной из боспорских мастерских в IV веке до нашей эры. Однако изображения уточек появились уже позднее, и были изготовлены, скорее всего, самими скифами. Их появление на этом ценном и очень дорогом украшении не случайно и наверняка связано с верованиями той группы населения, которая жила в районе Среднего Днестра. Возможно, на ней отразилось влияние идеологии ближайших соседей скифов – гетских племен. Эта находка еще долго будет привлекать внимание исследователей, но уже очевидно, что археологам удалось установить не только новую, своеобразную группу скифских памятников, но и посчастливилось обнаружить уникальное и прекрасное произведение древнего искусства.

Еще одно удивительное открытие ожидало археологов в другом кургане, возведенном на берегу другой реки – на левобережье Прута. Но оно оказалось связано не с золотыми изделиями, а с трагической судьбой древнего кочевника.

Смерть в могиле

Мертвый проснется в могиле,
Черная давит доска.
Что это? Что это? – Или
И воскресенье тоска.

Г.Иванов, 1943

Это погребение сразу же привлекло к себе внимание. Когда была проведена только черновая зачистка, все обратили внимание на странную позу погребенного: судя по всему, он лежал в узкой погребальной яме на груди. Кроме того, найденный в захоронении сероглиняный сосуд с ручкой был круглодонный, а вся его поверхность украшена рядами квадратных штампов. В тот день я не был на кургане, и когда заместитель по экспедиции Андрей Чирков показывал мне на базе находку, он высказал предположение, что найден ранний погребальный комплекс сарматской культуры. То, что это погребение было сарматским, сомнений не вызывало: слишком уж типичным был сосуд – изготовленный на гончарном круге кувшин с петлевидной ручкой. Но почему в таком случае умерший был уложен на грудь, а кувшин изготовлен с округлым дном? Эти вопросы необходимо было решать на месте, и на следующий день я со всеми сотрудниками Прутской новостроечной экспедиции выехал на курган.

В тот год раскопки велись у села Тецканы Бричанского района, в нескольких километрах от левого берега Прута. Исследуемый курган был самым крупным в округе и пользовался недоброй славой у местных жителей. По многочисленным рассказам, вершина насыпи нередко светилась по ночам тусклыми мерцающими огоньками, а в особенно темные и безлунные ночи, обычно в ненастную погоду, на ней появлялись облачки белого дыма и неясная мужская фигура в остроконечной шапке. Несколько человек убеждали меня, что видели эту фигуру лично, но никто из них не рискнул в тот момент приблизиться в безлюдном месте к одинокой насыпи. Однажды по этой причине даже перевернулся легкий колесный трактор. Возвращаясь уже затемно домой, тракторист вдруг увидел, как из кургана появился человек и медленно направился в его сторону. С перепуга он резко вывернул руль и свалился в кювет. Несколько километров до села он пробежал с хорошей спринтерской скоростью, однако начальство увидело причину этого рекорда в найденной наутро в кабине пустой банке из-под вина. Мы уже не первый раз встречались с подобными рассказами,

поэтому приступили к раскопкам без особого трепета.

Исследование кургана уже завершалось, и странное погребение было одним из последних. В недочищенной погребальной камере был хорошо виден костяк взрослого человека, лежавший в узкой длинной яме на правом боку с поворотом на грудь. Через несколько часов зачистка была полностью закончена, и мы могли убедиться, что, действительно, погребенный лежал в неестественной позе с прижатыми к лицу руками и резко согнутыми ногами. Под ступнями находилось отбитое в древности дно кувшина в виде кольца. Когда его приставили к ранее найденному сосуду, оно прочно встало на предназначенное ему место. Светлые сломы керамики показали, что сосуд был частично поврежден уже в могиле – в противном случае керамика на месте излома имела бы качественно иной цвет. Этот факт позволил нам ответить и на второй вопрос – объяснить странную позу погребенного. Дело в том, что он был помещен в могилу... живым! Форма ямы и найденного в ней кувшина, а также ориентировка костяка позволили четко датировать это захоронение серединой II века нашей эры – периодом наивысшего расцвета на этой территории культуры сарматских племен. На принадлежность погребенного к сарматам указывал и его яйцевидный череп – результат обряда, распространенного только у этого кочевого народа пастухов и воинов.

Тщательный осмотр всего захоронения показал, что погребенный был уложен в могилу случайно, а не преднамеренно. Скорее всего, в результате морального потрясения или нервного стресса этот сарматский мужчина заснул летаргическим сном. Такие случаи неоднократно описаны в медицине, и можно привести немало фактов, когда заснувших людей принимали за умерших и хоронили. В свое время эта тема была модной и особо актуальной в литературной среде. Хорошо известно, что оказаться живым в могиле очень боялся Н.В.Гоголь. Этой теме посвящена одна из замечательных новелл Эдгара По, к ней обращался поэт Г.Иванов и другие известные литераторы. Именно при летаргическом сне замедляется пульс, почти не слышно дыхание, и очень сложно установить: жив ли еще человек?

Как оказалось, почти две тысячи лет назад в одном из сарматских племен произошло непоправимое. Увидев, что молодой и здоровый мужчина заснул и не подает больше признаков жизни, сородичи признали его умершим от неизвестной болезни, и спустя некоторое время захоронили в большом древнем кургане. Погребальный обряд был полностью соблюден, и его даже снабдили пищей для потусторонней жизни, положив в ногах сосуд с едой. Однако когда яма была засыпана многометровым слоем насыпи, мужчина проснулся и попытался выбраться из могилы. Но это оказалось невозможным: слишком глубокой была яма, и слишком большой слой земли перекрывал ее деревянное перекрытие. Ко всему прочему, по сарматским обычаям погребальная камера была узкой, и в ней нельзя было даже повернуться. Да и ее дубовое перекрытие находилось всего лишь в 40 сантиметрах от дна. Тем не менее, мужчина сумел развернуться на грудь и с помощью левой ноги подтянуть к себе сосуд с едой. При этом и отлетело кольцевое дно кувшина. Но мучения заживо погребенного, видимо, были недолгими: в яме явно не хватало воздуха, и он погиб от удушья в позе, свидетельствующей о его желании сдвинуть спиной бревна перекрытия. Но увы... Так мы впервые узнали страшную тайну этого сарматского захоронения и установили роковую ошибку родных и близких внезапно заболевшего сармата.

Вероятно, многочисленные случаи летаргического сна у различных народов древности привели к рождению легенд о встающих из могилы мертвецах, которые бродят ночами по кладбищам и даже нападают на оказавшихся поблизости людей. Я уверен, что легенды о вурдалаках, упырях и вампирах наверняка имели под собой реальную основу и связаны, скорее всего, со случаями летаргического сна. В современной криминальной хронике зафиксированы эпизоды, когда грабители будили недавно похороненных людей, спавших летаргическим сном. До сих пор помню услышанный в детстве рассказ об «умершем» гармонисте. Ему якобы положили в гроб гармонь и уже в первую ночь после похорон нашлись охотники достать эту редкую в те годы вещь. Но когда они подняли крышку гроба, гармонист внезапно проснулся и стал вылезать из могилы. Вернулся в село он перед рассветом, при этом пел и играл на гармошке, чем страшно перепугал всех жителей. Прошли десятилетия, а бабки все еще вспоминали эту давнюю историю, коротая на лавочках летние вечера в компании подруг и внуков. К сожалению, две тысячи лет назад эта рядовая могила грабителей не заинтересовала.

Но почему же тогда легенда о странном светящемся человеке оказалась связанной именно с этим курганом и получила широкое распространение у жителей окрестных сел? Думаю, произошло это не случайно. Я крайне далек от веры в сверхъестественные силы, магию и чародейство, но тем не менее считаю, что человеческие возможности, его духовная и телесная жизнь еще далеко не познаны современной наукой и содержат многие загадочные и необъяснимые в настоящее время явления. В одной из книг я неожиданно встретил воспоминания, поразительно напоминающие услышанные в Тецканах рассказы. Действующим лицом в них оказался великий Федор Шаляпин. Происшедшее с ним событие настолько удивительно и загадочно, что его следует рассказать особо.

Как-то вместе с двумя приятелями Ф.И.Шаляпин гостил на даче у художника Константина Коровина под Владимиром. Радушный хозяин рассказал гостям о достопримечательности этого места – кургане, который пользовался

дурной славой. Говорили, будто в полночь на нем появляются огоньки и тень женщины в белом. Друзья сразу же решили проверить эти рассказы и, дождавшись позднего часа, отправились на курган. Вернулись они растерянные. Все трое ясно видели огоньки, которые неожиданно вспыхнули на вершине насыпи, но горели странным пламенем, не давая света вокруг себя. В полночь же на кургане появилось белое облачко, постепенно принявшее очертания женской фигуры.

На следующий день к гостям присоединились три соседских помещика и хозяин. Ночь была ясная. Расположившись в нескольких шагах от подножия, все семеро отчетливо увидели, как вдруг зажглись огоньки, и у вершины заклубилось небольшое облачко. Спустя некоторое время оно превратилось в женскую фигуру, которая начала медленно и бесшумно спускаться вниз по направлению к людям. Все невольно попятились, а Ф.И.Шаляпин неожиданно бросился навстречу призраку. В тот момент, когда они соприкоснулись, певец упал как подкошенный, а фигура исчезла. Все бросились к нему. Ф.И.Шаляпин лежал в глубоком обмороке и спустя некоторое время не мог ничего объяснить...

Скорее всего, этот случай действительно произошел в жизни великого артиста. Я узнал об этой истории после проведенных раскопок и сразу же вспомнил о тецканском захоронении. Вдруг и в небольшом славянском курганчике под Владимиром была случайно захоронена спящая летаргическим сном женщина? Спустя два года мне пришлось вновь побывать в этом районе на Пруте, и я специально интересовался видением у местных жителей. Но светящегося человека в остроконечной шапке никто уже не видел: он бесследно пропал вместе с раскопанным курганом. Произошло то, что описано в одном из стихотворений украинского археолога Николая Рычкова:

Стоял в степи курган высокий, стройный,
И любовалась степь его красой.
Казался издали он серебристо-черным,
А, между прочим, был он золотой.
И каждый вечер, в час после заката,
В его останках светятся огни,
То привиденья робко, воровато,
Уныло бродят, делая круги.
Лишь археологи его от сна пробудят,
Изрывши степь лопатою своей.
Исчезнет все. И ничего не будет:
Ни сна, ни привидений, ни огней.

Еще одно странное совпадение! Эти строки появились за десять лет до наших раскопок, а такое впечатление, что автор работал в экспедиции на Пруте. Были ли эти привидения на самом деле, или же они плод народной фантазии, сказать трудно. Но однажды неожиданно для себя в этой роли выступил мой коллега – тогда еще совсем молодой и неопытный археолог.

Как рождаются легенды

Что ты видишь, что ты помнишь в непробудном сне?
Тени темные все ниже клонятся ко мне.
Я пришел к тебе в гробницу через черный сад,
У дверей меня лемуры злобно сторожат.

В.Я.Брюсов, 1905

Народные рассказы о «ходячих» покойниках можно и сегодня услышать по многих славянских странах. Как правило, рассказывают, о встающем из могилы мертвеце, который начинает преследовать оказавшегося рядом путника. Существует множество объяснений их появления, но практически все ученые склоняются к мысли, что эти предания и легенды уходят своими корнями в глубокую древность. Это действительно так. Мало того, думаю, что в большинстве случаев причиной их зарождения стал летаргический сон современников. Но однажды я стал случайным свидетелем того, как подобная легенда родилась нетрадиционным образом почти у меня на глазах.

Эта история произошла в старинном молдавском селе Бурсучены, расположенном вдали от шоссейных дорог и крупных городов. Раскопки крупного кургана затянулись до ноября, и в конце месяца я выехал в Кишинев, чтобы решить вопрос с их продлением. Через несколько дней вернулся и сразу же понял, что что-то произошло. По селу ходили упорные слухи, что на месте почти раскопанного нами кургана появился вампир. Он якобы поднимается из могилы по ночам, нападает на случайных прохожих и наводит порчу на скот. По мнению местных жителей, мы разрыли его в одной из могил, и теперь оживший мертвец угрожает всему селу. Я только посмеялся над этими слухами, но они продолжали упорно циркулировать, доходя до меня в различных интерпретациях. Уважительное к нам отношение не изменилось, но появилась какая-то настороженность и определенная опаска. Кто знает, что мы за люди, и с какой нечистой силой можем общаться? Так бы рождение слуха и осталось загадкой, если бы не случайное признание Сергея – вчерашнего студента, одного из членов экспедиции.

Одним из долгих осенних вечеров мы принимали очередную группу местных гостей. Когда после застолья, уже глубокой ночью мы проводили их и остались вдвоем, Сергей неожиданно спросил:

– А знаешь, откуда появился вампир? – и, хитро сощурившись, в упор посмотрел на меня. Выдержав паузу, сам же ответил на вопрос: – Это я!..

Удовлетворенный внезапным признанием, он почему-то вполголоса поведал весьма комичную историю. Дело в том, что в город вместе со мной уехали все сотрудники экспедиции. На базе остался лишь Сергей. Делать в селе было решительно нечего, поэтому он пошел на обнаруженный рядом с курганом средневековый могильник и занялся расчисткой очередного захоронения. Но именно в то утро сельчане отмечали большой местный праздник – храм – день святого покровителя села. Вскоре торжества

переместились за его пределы. Благо с окраины было видно, что, несмотря на праздник, кто-то продолжает трудиться. Работа в этот день была нарушением вековых традиций, и празднично одетые молдаване направились в сторону раскопок. Сергея долго упрашивать не пришлось, и работа была оперативно свернута. Возле раскопанного погребения началась обильная трапеза с обязательной дегустацией различных сортов молодого вина. Было весело, но чем все закончилось, Сергей не помнил...

Очнулся он от холода, когда понял, что примерзает спина. Открыв глаза, увидел над собой глубокое черное небо, яркие звезды, а по бокам стенки глубокой ямы. Сергей не сразу понял, где находится. Повернув голову, сообразил, что лежит в могиле, рядом с зачищенным костяком. В его сторону смотрел череп погребенного, который как бы улыбался неожиданно очнувшемуся соседу. Было ясно, что уже глубокая ночь, но не понятно, как долго он спал. Может быть день, а может и больше? Болела голова, тело затекло от неудобной позы и очень хотелось пить.

Могила с ее хозяином совсем не испугала Сергея. Гораздо больше его волновал вопрос, сколько времени он провел в «объятиях» скелета. Выглянув из ямы, он очень обрадовался, когда увидел двух старушек, тяжело ковылявших мимо кургана. Как выяснилось позже, они возвращались далеко за полночь с церковной службы из соседнего села. Когда они поравнялись с могилой, Сергей вылез из ямы и очень деликатно поинтересовался временем. Немая сцена длилась всего лишь несколько секунд. Затем бабушки показали чудеса старта в забеге на короткую дистанцию. Они побежали так резво, что отбросили палки, на которые только что тяжело опирались. От неожиданности еще не протрезвевший Сергей побежал за ними, но догнать их не сумел и вовремя остановился. Виляя из стороны в сторону и поднимая густую пыль на грунтовой дороге, старушки резво скрылись в темном переулке. После этого Сергей понял, что не стоит больше искать приключений, и тихонько пробрался на базу. К моему возвращению, он уже пришел в себя, но не торопился с рассказом об этом маленьком приключении. Лишь время и благодушное настроение после нескольких стаканов вина развязали ему язык.

В селе все бурно обсуждали появление вампира. Нисколько не сомневаюсь, что именно этот эпизод послужил причиной рождения местной легенды о курганном привидении. Легко представить, как были поражены набожные бабули, когда увидели вылезающего из могилы помятого бородатого мужчину с длинными до плеч волосами, одетого к тому же в вывернутую мехом наружу безрукавку. То, что он еще что-то кричал и пытался их преследовать, лишний раз подтверждало появление опасной нечисти на древнем кладбище. Думаю, что если бы они даже и узнали истинную причину появления «привидения», то вряд ли бы в нее поверили. Слишком сильным и очевидным был перенесенный стресс! Но именно он и рождает страшные легенды!

Через два года нам довелось почти в том же составе вновь побывать в этом селе. Когда экспедиционная машина проехала по центральной улице, то большинство местных знакомых были сильно удивлены, увидев нас здоровыми и невредимыми. Местные же мальчишки вообще смотрели на нас с отвисшей челюстью. С крестьянской непосредственностью они рассказали, что вскоре после нашего отъезда прошел очередной слух: все работавшие на кургане археологи или неожиданно умерли, или погибли. Я не догадываюсь о причине, но благодарен появлению этого слуха. Ведь согласно народному поверью, если тебя похоронили при жизни, то жить будешь долго!

Но не всегда так легко можно выскочить из древней могилы, как это сделал Сергей. В археологической практике мне пришлось еще раз столкнуться с трагическим случаем гибели в кургане. Погибшим и на этот раз оказался сармат, но попал в погребение он уже по собственной воле.

Зловещая тайна захоронения

Молчат далекие могилы, –
Темницы тайн не выдают.
Я.П.Полонский, 1866

В разгар рабочего дня меня позвали на соседний курган 16 – самый последний в курганной группе у села Оланешты.

– Посмотри на это пятно, – указал на центр кургана экспедиционный чертежник Алексей Шведов, – не след ли это грабительского хода?

Я прошел по только что зачищенной бульдозером глине и увидел, что в крупное черноземное пятно центральной погребальной камеры ведет неровная узкая траншея. Ее заполнение было относительно рыхлым и содержало много древесных угольков, однозначно указывая на следы искателей сокровищ. Сомнений больше не оставалось: в очередной раз нас опередили древние грабители!..

Работы у села Оланешты продолжались уже третий год, и все обнаруженные археологами материалы показывали, что эти плодородные приднестровские земли населяли самые разные народы. Но вот раскопки предпоследнего в группе кургана не оправдали возлагавшихся на него надежд. Два обнаруженных под насыпью основных захоронения были настолько виртуозно ограблены, что нам достались лишь девственно чистые погребальные камеры и остатки грабительских ходов. В них не было найдено даже ни одной косточки, не говоря уже о каких-либо изделиях! Ничего...

Начало же раскопок последнего кургана было многообещающим. Здесь вновь были обнаружены два центральных захоронения. И хотя первое из них тоже пострадало от грабителей, но работали они не так тщательно, как в предыдущем кургане. Поэтому мы обнаружили разбросанные по дну и в заполнении человеческие ко-

сти и около 30 различных находок. Среди них были фрагменты костяных и железных изделий, бронзовые заклепки и пластины и даже две римские амфоры. После полностью разграбленного предыдущего кургана эти результаты показались неплохими, а находки позволили достаточно четко датировать весь комплекс II веком нашей эры и отнести его к сарматской культуре.

Античные авторы неоднократно отмечали, что сарматы хоронили своих умерших с особой пышностью, помещая в могилу не только оружие и орудия труда, но и множество драгоценных изделий. Здесь же оказались лишь жалкие остатки пышного погребального инвентаря – вещи, которые древние грабители выбросили или просто не заметили в спешке. Поэтому, когда было установлено, что в кургане имеется еще одно центральное захоронение, многие из сотрудников экспедиции воспрянули духом: «А вдруг!?» Ведь неинтересно исследовать только следы побывавших до тебя «специалистов». Но обнаруженный ход развеял робкие надежды самых убежденных оптимистов. Судя по всему, на этом курганном поле орудовала организованная группа грабителей, которая не пропустила ни один из курганов, содержавших ценности. Оставалось лишь надеяться на очередную небрежность древних искателей сокровищ.

Не удивительно, что зачистка этого погребения началась «без огонька», как обычная рутинная работа, результат которой заранее известен. Рабочие стали копать яму, а художники приступили к фиксации постепенно открываемых строительных конструкций. Но как часто бывает в работе археолога, именно это захоронение и оказалось одним из самых интересных и принесло совсем уж неожиданное открытие. Спрессованное веками заполнение с трудом поддавалось лопатам и содержало множество илистых прослоек. Это свидетельствовало о том, что после ограбления яму не засыпали, и она стояла открытой под дождями и снегом несколько лет, пока ее вновь не поглотила земля.

Расчистка погребения продолжалась несколько дней. Одни только его размеры в полтора раза превышали все известные в этом районе сооружения сарматской культуры. Значит, оно предназначалось для весьма влиятельного члена племени. Глубина захоронения превысила три метра, и землю из него приходилось вынимать при помощи спущенных на веревках ведер. Наконец, показалась поверхность двух продольных уступов вдоль стен, на которых сохранились следы от плотно подогнанных плах перекрытия. Под ними должен находиться сам погребенный с сопровождающим инвентарем. Но что нас ждет?

Третий день работы на этом центральном сооружении принес самую сенсационную находку. Прямо под деревянным перекрытием в углу ямы лежал скелет мужчины. Сразу же обратила на себя внимание и первоначально вызвала недоумение его поза: мужчина, скорчившись, лежал на груди у стенки, упершись головой в угол погребальной камеры. Обе его руки были резко согнуты и кистями прижаты к горлу, а ноги неестественно вывернуты коленями влево. Складывалось впечатление, что он неудобно лежал, привалившись к стене. Собственно, так оно и было!

Осмотрев зачищенный скелет, антрополог Ираида Васильевна Каширина уже на месте раскопок установила, что мужчине было 25–30 лет, и он имел хорошо развитую мускулатуру. Она сразу же обратила внимание на следы искусственной деформации черепа и определила, что мужчина, несомненно, был сарматом. Ираида Васильевна много лет работала с выдающимся советским антропологом М.М.Герасимовым, основателем научного метода реконструкции лица по черепу, поэтому сомневаться в ее выводах не приходилось. Да и мы сами видели столь характерную яйцевидную форму черепа. Именно сарматы перевязывали плотным кольцевым жгутом затылки своих маленьких детей, после чего черепа взрослых сарматов принимали изысканную, по их мнению, вытянутую овальную форму. Та далекая эпоха имела собственные представления о прекрасном и диктовала свои каноны красоты!

Но сразу же возник вопрос: если этот человек сармат, то почему он лежит в столь неестественной позе? Ведь сарматские племена хоронили своих умерших только в вытянутом положении на спине. Раскопки погребения продолжились, и через несколько часов все встало на свои места: были найдены разбросанные кости еще одного мужчины! Теперь можно было без труда и с мельчайшими подробностями восстановить трагическое событие, случившееся здесь почти две тысячи лет назад.

...Грабители работали ночью. Они отлично знали расположение этого богатого погребения и копали наверняка: ход безошибочно вел в погребальную камеру. Охотники за сокровищами вскоре достигли центра кургана, пробили ломами уже тронутые гниением плахи и, согнувшись, проникли в узкое захоронение. Не теряя времени, они тут же стали срывать с погребенного расшитые золотом одежды, разбрасывать кости и выносить ценности, положенные в могилу. Времени оставалось мало: необходимо было успеть до рассвета, иначе их могли застать на месте преступления. Тогда расплата была бы неминуемой. Единственным наказанием за осквернение могил предков являлась смерть. Работать под землей в низкой и узкой погребальной камере было страшно неудобно, дым факелов ел глаза, не хватало воздуха, но грабители были профессионалами и быстро «очищали» захоронение. Работа уже близилась к концу, когда случилось непредвиденное.

Едва наступил бледный рассвет, как подгнившие доски перекрытия, потревоженные людьми, неожиданно затрещали и стали медленно оседать в могилу. Грабители бросились в ведущий на поверхность ход, но один из них, находившийся в углу ямы, не успел опомниться, как был придавлен

плахами и осыпавшейся землей. Испугавшись обвала, он еще больше забился в угол, но двигаться уже не мог. «Коллеги» не стали его спасать: посчитали, что внизу уже не осталось ценностей, да и в любой момент их могли обнаружить сородичи. К тому же доля погибшего автоматически увеличивала добычу оставшихся. Как бы там ни было, но не одно столетие пролежал неудачливый сарматский грабитель в неудобной позе, в которой застала его смерть. В данном погребении как бы застыло время, и мы впервые увидели финал случившейся трагедии, проникнув почти на два тысячелетия в прошлое.

Внезапно рухнувшее перекрытие помешало грабителям вынести всё из захоронения и археологам досталось около трехсот находок: десятки изделий из бронзы, железа и кости, мелкие серебряные украшения, пряжки, две монеты-подвески, фрагменты золотой фольги, которой была расшита одежда, посуда римского производства и более сотни астрагалов для игры в кости. Видимо, погребенный был большим поклонником этой азартной игры: часть астрагалов оказалась обработанной, а один из них – изготовлен из бронзы. Обнаруженные находки позволили датировать этот комплекс рубежом I–II веков нашей эры. Приблизительно в это же время и было ограблено большинство сарматских курганов Поднестровья. Причем, как правило, разорялись они сородичами. Некоторые из них принимали участие в погребальном обряде, и следовавшей за ним поминальной тризне: ели баранов и овец, пили привезенное римское вино, тут же, возле могилы, разбивая пустые амфоры, вспоминали заслуги умершего. При этом они внимательно запоминали конструкцию погребального сооружения и расположение наиболее ценных вещей. Запоминали, чтобы под покровом ночи опять сюда вернуться...

Но грабили сарматы не только собственные могилы. Не пропускали они и богатые захоронения своих когда-то грозных предшественников. Мне пришлось еще раз столкнуться с подобным редчайшим в археологии случаем. Произошло это во время исследования могильника позднескифского времени у села Глиное. Мы только приступили к его изучению и раскапывали первый курган некрополя.

Этот курган был почти полностью распахан, но все же еще выделялся на колхозном поле. В центре небольшой возвышенности на черноземе были видны следы материковой глины из заполнения древней катакомбы. Скорее всего, первоначально курганная насыпь была небольшой, поэтому очень быстро ежегодные распашки привели к почти полному ее уничтожению. Ограбить такой комплекс не составляло труда. Хотя погребальное сооружение и было огромным, но оказалось практически полностью ограбленным. Фрагменты железа и разбитой в древности посуды – вот, пожалуй, и все основные находки, дошедшие до нашего времени. Грабительский шурф был заложен в центре насыпи и безошибочно вел в катакомбу. Почти сразу же в ней мы обнаружили человеческий костяк. Однако это было не погребение! Погибший лежал в рыхлом заполнении под углом в 45 градусов, головой вверх. Руки были вытянуты вперед, а ноги расставлены в стороны. Этот скелет был найден всего на глубине полутора метров от поверхности и, как оказалось, находился в узком грабительском ходе. Когда мы увидели его яйцевидный череп, все стало ясно: еще одному сарматскому грабителю не повезло!

Скорее всего, рыхлый грунт заполнения сделал стенки хода крайне ненадежными, и они в итоге не выдержали давления. Случилось это как раз в тот момент, когда из погребения выбирался последний грабитель. Показательно, что рядом с ним не было найдено никаких вещей. Вероятно, он окончательно проверял уже ограбленное захоронение, но ничего достойного внимания не нашел. Упираясь ногами в стенки хода, он сам мог спровоцировать их обрушение. Еще чуть-чуть, и он бы остался жив: ведь до поверхности оставалось всего полтора метра!.. Гораздо позже антропологи установили, что погибшему едва исполнилось 18 лет, он был небольшого роста и хрупкого сложения. Наверное, поэтому практически все грабительские ходы имеют такой маленький диаметр. Думаю, что достать его живым не составляло труда, но и в данном случае алчные подельники не стали спасать товарища.

Случаи внезапной гибели древних искателей наживы хотя и редко, но все же встречаются в археологии. Пожалуй, самый первый и знаменитый из них был установлен в 1863 году при раскопках огромного скифского кургана Чертомлык. В нем был случайно найден грабительский туннель, рухнувший во время ограбления и навсегда похоронивший одного из воров вместе с похищенным золотом. Как установили несколько позже, грабителем оказался... скиф! Действительно, во все времена были «рыцари наживы». Их не пугали ни гнев богов, ни суровая кара соплеменников, казнивших любого, кто осмелился осквернить священные для них могилы. Жажда быстрого обогащения сметала все религиозные и моральные преграды. Но кара все же настигала некоторых из них! Как видим, не всем грабителям удалось вырваться из «объятий» курганов. Сегодня же мы можем только гадать, какие ценности они когда-то хранили.

Наиболее опытные археологи считают, что 90 процентов скифских, сарматских и более поздних курганов степной знати было ограблено еще в древности своими же соплеменниками. С открытием скифского золота в XVIII–XIX веках «золотая лихорадка» прокатилась опустошительной волной по пустынным пространствам Сибири и Северного Причерноморья. Многие курганные насыпи оказались ограбленными дважды. Это нанесло огромный ущерб науке и национальной культуре. Безвозвратно погибли уникальные произведения древнего ремесла и

искусства, были изуродованы тысячи ценнейших курганных комплексов, навсегда исчезли останки погребенных в них людей.

Но ведь должны же существовать курганы, оставшиеся нетронутыми с тех далеких времен?! Последние открытия на Украине привели к блестящему подтверждению этого прогноза. Результатом явилось создание уникального Музея исторических драгоценностей в Киево-Печерской лавре. Подобные курганы наверняка еще есть в Украине, Молдавии и России. Их нелегко отличить от десятков похожих на них земляных насыпей, и они могли не попасть в поле зрения древних грабителей. Сейчас они и вовсе еле заметны. Существуя тысячелетия, они продолжают хранить нетронутыми уникальные драгоценные и художественные изделия. Чтобы их найти, необходимо хотя бы немного научного везенья. И хотя другой сарматский курган, расположенный в сотнях километров от Нижнего Приднестровья, был начисто ограблен в древности, удача все же улыбнулась археологам.

«Небесный олень» сарматской жрицы

Не мрак. Не свет. Не час. Не ночь. Не день.
На вышнем небе ковш из желтой меди,
И смотрит ввысь, подняв рога олень.
К.Бальмонт, 1921

Северная легенда об олениятах, рождающихся на небе, впервые была записана новгородским летописцем еще в XII веке. У различных народов мира вплоть до XIX века сохранились легенды о двух священных оленях и связанных с ними жертвоприношениях. На русском Севере, например, есть кокошники – женские головные уборы, украшенные изображением лучистого солнца, по обеим сторонам которого стоят два оленя. На гуцульских пасхальных писанках очень часто можно увидеть рисунки двух оленей среди звезд. Наконец, бесчисленное множество молдавских домов украшено парными изображениями этих животных, застывших в грациозном прыжке по направлению друг к другу. Кстати, точно такое же изображение «летящего» латунного оленя украшало старые модели когда-то очень знаменитой и престижной в СССР «Волги». Сами того не понимая, мы часто воссоздаем образы, которые своими корнями уходят в глубокую древность. Думаю, что эта память сохраняется человечеством на генетическом уровне и насчитывает десятки и даже сотни тысячелетий. Ведь до сих пор горящий ночной костер мало кого оставляет равнодушным, вызывая у нас сложные завораживающие чувства, в которых переплетаются тепло и покой с неосознанной легкой тревогой и почти физическим ощущением вечности под звездным небом.

Сюжет «летящих» оленей испокон веков встречается в искусстве различных народов. Но, например, русские вышивальщицы или молдавские мастера, украшающие дома, даже не подозревают, что изображаемые ими олени являются «небесными» и связаны с одним из древнейших культов человечества. Согласно старинной легенде, где-то на краю мира, у безбрежного моря, у очага-солнца две женщины-прародительницы с оленьими рогами выпускают в небо оленят на пищу людям и зверям. Начальный период этого культа уходит в глубочайшую древность. Но то, что он был известен и исчезнувшим народам, жившим когда-то на берегах Прута, на территории современной Молдовы, показала уникальная находка в одном из курганов.

Прутская новостроечная экспедиция начала исследование памятников у села Токиле-Рэдукань на Среднем Пруте с раскопок небольшой курганной насыпи, попавшей в зону мелиоративного строительства. В первый же день работы в кургане стали встречаться фрагменты желтоглиняных амфор римского производства, свидетельствующие, что древняя насыпь была возведена воинственными племенами сарматов в I–II веках нашей эры. Через несколько дней работы в центре кургана было зачищено громадное ямное пятно основного захоронения. Его длина составляла пять, а ширина три метра. Однако надеяться на интересные находки не приходилось – нас и на этот раз опередили древние грабители. Несколько столетий назад они уже побывали в погребальной камере: от пятна шла длинная узкая траншея грабительского хода. Интересно, что рядом с ней в материке, буквально в полуметре, была обнаружена неглубокая круглая яма от вертикального хода. Таким образом, действия грабителей удалось восстановить в мельчайших деталях.

Первоначально они пробили ход с вершины насыпи, но, наткнувшись на чистую глину, поняли, что совершили ошибку – промахнулись – и сразу же прекратили работу. Вторую траншею уже рыли наверняка – с полы кургана, под углом к погребальной камере. Судя по небольшому диаметру ходов, в ограблении принимали участие очень щуплые люди – в наше время в него мог бы пролезть лишь подросток. Но они явно были виртуозами своего грязного и опасного ремесла и очень «качественно» выполняли свою работу. Когда центральное погребение было полностью зачищено, археологам достались лишь несколько мелких костей животных и множество угольков от грабительских факелов. В яме не оказалось даже скелета погребенного – его также унесли грабители!..

Однако раскопки на этом не завершились. В то утро я проснулся от гулких ударов сложенной газетой по стенам. С брезгливой миной на лице мой помощник Сергей Курчатов уничтожал многочисленных мух, облюбовавших нашу комнату. Работа эта вряд ли могла закончиться победой, так как именно в это время колонии мух и огромных комаров в пойме Прута достигли своего апогея, вероятно, переживая период любовного экстаза. Но Сергей с маниакальным упорством уничтожал всю летающую живность и по-прежнему пребывал в плохом настроении. Стало ясно, что выспаться мне уже не удастся.

Дело в том, что я вернулся в экспедицию прошлым вечером и

по пути заехал на раскопки. Смеркалось, работы уже закончились. Красиво заходило багровое солнце, и в низинах стал собираться вечерний туман. С водораздела, где еще несколько дней назад возвышался курган, открывалась незабываемая панорама на пойму Прута и соседние окрестности. Посреди вырытого котлована стояла пустая яма центрального погребения, и никаких новых сооружений не наблюдалось. Значит, в мое отсутствие ничего интересного не произошло. Осмотрев курган, я обнаружил на бровке сложенную в кучку гончарную керамику, но в сумерках показалось, что она очень похожа на молдавскую поливную посуду. Это же мнение безапелляционно высказал и мой зам на базе:

– Ничего интересного здесь нет, и никогда не было! Только тратим зря время. Вот и на средневековый мусор напоролись, – Сергей вечером был явно не в духе. Причина, безусловно, крылась в отличной работе опередивших нас грабителей. Было понятно, что у него совсем пропал интерес к завершению раскопок. Так как новых погребений уже не ожидалось, утром я оставил его на базе продолжать сражение с мухами, а сам поехал со школьниками на курган.

Тот августовский день запомнился сильной жарой и уверенностью, что работа на «пустом» кургане вскоре будет закончена. Ученики 10-го класса из села Токиле-Рэдукань с энтузиазмом заканчивали зачистку профиля насыпи, а я приступил к его зарисовке. Неожиданно раздался крик. Один из школьников – Саша Гуцул – держал в руках и с интересом рассматривал какой-то необычный предмет зеленого цвета. Мне уже издали стало ясно, что он нашел нечто редкое. Действительно, Саша держал в руках бронзовую фигурку необычного животного и явно не знал, что с ней делать.

Сразу же к месту находки были направлены все рабочие, и началось кропотливое обследование этого участка. Землю стали перебирать руками, и находки не заставили себя долго ждать. Первым был найден бальзамарий – стеклянный римский флакон для благовоний. И хотя он был разбит в древности на мелкие осколки, школьники работали с таким азартом и интересом, что почти все его фрагменты удалось собрать. Здесь же были обнаружены почти целый сероглиняный кувшин, фрагменты небольшого лепного сосудика и несколько кусочков от краснолаковой чаши римского производства. Когда я взглянул на бровку, то увидел, что обнаруженная вчера керамика лежала напротив наших находок. Осмотрев «средневековый мусор» более внимательно, я без труда нашел недостающие детали сосудика и римской миски. Они практически полностью подобрались. Стало ясно, что не имевший еще достаточного опыта Сергей принял эти фрагменты за молдавскую посуду, оставшуюся от грабителей, и окончательно потерял интерес к раскопкам. К счастью, он ошибся.

Все обнаруженные в тот день находки дали возможность четко определить дату появления этого небольшого кургана. Его возвели в I веке нашей эры. Но почему же тогда эти вещи оказались в курганной насыпи так далеко от единственного захоронения? Тщательная проверка этой части памятника позволила однозначно установить, что к моменту раскопок все они находились в… грабительском ходе.

Видимо, события развивались следующим образом. Хорошо зная конструкцию кургана, грабители начали копать вертикальный колодец глубокой ночью. Но, промахнувшись первый раз, они попали в погребение только к рассвету и очень торопились, выползая с многочисленными вещами. Чтобы не терять времени, они даже вытащили на поверхность тело с многочисленными украшениями на одежде. Последний из них, продираясь сквозь узкий горизонтальный лаз, потерял у выхода часть добычи и в спешке даже не заметил этого или не захотел возвращаться. Его оплошность помогла нам установить не только грабителей, но и кому принадлежало это монументальное захоронение.

Когда киевский реставратор Лариса Дубровская искусно восстановила найденную керамику и склеила хрупкий и изящный бальзамарий, она взялась за бронзовую фигурку. Но здесь ее умение не понадобилось: фигурка сохранилась настолько хорошо, что ее достаточно было лишь тщательно промыть в теплой воде. Когда находка была очищена от земли и глины, перед нами предстала реалистичная скульптура сказочного животного. Его удлиненное тело, высокая изогнутая шея, форма морды и ног убеждали, что это изображение оленя. Но его рога очень напоминали рога быка. Самым интересным было то, что на его спине было грубо приковано бронзовое кольцо для подвешивания.

Безусловно, эта фигурка была не простым изображением животного, а служила амулетом в виде почитаемого божества – «небесного» оленя, и несла в себе элементы солнечной символики – рога быка. Фигурка была изготовлена значительно раньше сооружения кургана. Скорее всего, она была отлита в мастерских Северного Кавказа. Ведь там известны подобные прекрасные изображения животных. Эта фигурка бережно сохранялась и передавалась из поколения в поколение, пока не попала к сарматским племенам. Возможно, она висела на специальном сооружении наряду с другими изображениями почитаемых животных – покровителей племени. Можно предположить, что эта скульптура была не единственной в данном сарматском кургане.

Судя по набору вещей, их ценности и уникальности, у старинного молдавского села на берегу Прута была погребена знатная жрица. Можно только догадываться, какие сокровища были положены вместе с ней, если даже утерянные грабителями вещи представляли в то время значительное богатство. Их находка позволяет считать проведенные раскопки исключительно удачными. Однако загадку происхождения и жизни этой, видимо, очень вли-

ятельной женщины уже никогда не удастся разгадать. Наверняка можно лишь сказать, что сарматские племена среди множества божеств поклонялись и «небесным» оленям, культ которых тщательно оберегала богатая и высокопоставленная жрица.

И опять возникает вопрос: почему эти находки все же попали в руки археологов? В очередной раз нельзя отрицать, что произошла цепь случайностей. Утерянные вещи оказались возле оставленной археологами бровки, где работы велись вручную. В противном случае вряд ли бы их удалось найти. В то же время, если через узкий лаз вытаскивали тело жрицы, то наверняка в земле должны были остаться хоть какие-то украшения, которыми она была расшита. Если бы их не было, то и не было бы смысла выносить тело из могилы. Но ни одной золотой нашивки найти не удалось. Возможно, грабители потеряли и другие вещи, но обнаружить их также не удалось: грабительский лаз в основном проходил через насыпь, а насыпь снималась бульдозером.

Мне почему-то кажется, что этот памятник также проявил свой «характер». Неизвестная для нас женщина не захотела полностью уйти в небытие и «послала» потомкам весточку о себе, о своем когда-то пребывании на земле. Спустя годы, это предположение не кажется мне уж столь фантастическим. Ведь в результате находки небольшой бронзовой фигурки мы сумели точно установить, что в этом регионе когда-то жила и властвовала над умами соплеменников, вероятно, незаурядная женщина и облеченная властью жрица.

С еще одной знатной женщиной этих же племен столкнулись археологи несколько лет спустя. Ее последнее пристанище также пострадало от алчных грабителей. Но здесь им или что-то помешало, или же подвел «профессионализм», но в руки ученых попало гораздо больше информации о другой знатной представительнице этого давно исчезнувшего народа.

Сокровища аланской «царицы»

Что было там, за далью синей?
Каких кочевий горький дым,
Мешаясь с запахом полыни,
Плыл по кустарникам сухим?
Вс. Рождественский, 1975

С этим договором сразу же не заладилось. Когда археологи приехали в старинное украинское село Мокра Рыбницкого района, председатель колхоза принял их как родных. Но вскоре возникли проблемы. Председатель просил раскопать в первую очередь самый крупный курган, который стоял в центре поля и не позволял использовать несколько поливных установок. Из зоны орошения, таким образом, исключалось несколько гектаров плодородных земель. Но этот курган выделялся своими гигантскими размерами – его высота достигала почти двадцати метров, а диаметр превышал двести! К концу XX века таких рукотворных земляных пирамид почти не осталось в степях Восточной Европы. При этом вся его поверхность была покрыта необработанными камнями, а полы укреплены огромными каменными блоками, каждый из которых весил не менее тонны. Естественно, что такой степной великан с крутыми склонами невозможно было ни распахать, ни быстро снести тяжелой техникой – уж слишком много камней пришлось бы вывозить с поля. Поэтому председатель и главный агроном очень рассчитывали на археологов, но совершенно напрасно. Оказалось, что во время разведок его просто не включили в предстоящий план раскопок: специалистам было понятно, что за один год, отведенный на исследования, изучить такой комплекс невозможно.

Начальником Рыбницкой археологической экспедиции, которая выехала в Мокру, была назначена Татьяна Александровна Щербакова – один из самых опытных археологов и самая красивая женщина в Академии наук. Несмотря на то, что ее научная специальность совсем не предполагала курганных раскопок, бурное развитие новостроечных работ требовало привлечения в эту область практически всех археологов. К тому же я рассчитывал, что человеку, который впервые будет раскапывать курган, обязательно должно повезти, и не ошибся!

Татьяна Александровна начала раскопки с маленькой насыпи, стоявшей у самого края поля, недалеко от гигантского кургана. И ей сразу же повезло. В насыпи было обнаружено непотревоженное захоронение сарматской женщины довольно хорошей сохранности. Ее правая кисть была украшена бронзовым браслетом с реалистичными головками змей на концах, а левая – браслетом из стеклянных пронизей и 13 фаянсовых бусин в виде жуков-скарабеев, привезенных из Египта. У правой руки женщины стоял миниатюрный ритуальный сосудик-курильница со сквозными отверстиями по тулову и совершенно целый сероглиняный кувшин. И как бы в награду археологам у черепа лежало изящное височное кольцо из золотой проволоки, украшенное двумя пирамидками зерни. Без сомнения, эта женщина принадлежала к родоплеменной сарматской знати I века нашей эры.

Как оказалось, это был первый своеобразный «звонок», который мы могли и не услышать. Вскоре по плану было раскопано еще три насыпи, которые попали в зону орошения, и раскопки надо было завершать. Но председатель настаивал на продолжении работ, и мне пришлось приехать в Мокру. После долгих переговоров, мы все же убедили его, что раскопать огромный курган за месяц нереально и на это не предусмотрено средств. Но пришлось все же согласиться исследовать еще одну средних размеров насыпь, которая также мешала мелиорации. В результате Татьяна Александровна продолжила работы и вновь не прогадала! Поразительно, но если бы не настойчивость председателя, мы так бы и остались в двух шагах от открытия. А ведь местные курганы как бы давали аванс в ожидании дальнейших раскопок!..

Спустя две недели я вновь посетил это село. Раскопки находились в самом разгаре. Курганная насыпь была наполовину исследована, но каких-либо находок не содержала. Рабочие зачищали профиль, чтобы установить строительные горизонты. Но даже не завершенный профиль однозначно показывал, что курган однослойный, то есть был возведен в один прием. Мало того, в нем отчетливо виднелся крупный грабительский ход, шедший с вершины насыпи прямо к центральной погребальной камере. Картина была достаточно ясной и перспективы исследований особых надежд не вызывали.

Целый месяц из Мокры не было известий. А когда в конце сентября Татьяна Александровна приехала в Кишинев, она сразу же пригласила меня к себе в кабинет и достала из шкафа несколько коробок из-под конфет. Судя по названиям, конфеты были дорогие, но новое содержание коробок оказалось намного дороже. Когда их открыли, в них заблестело золото и бирюза, матово засветились гранаты и древний янтарь... Действительно, археология тем и прекрасна, что всегда непредсказуема! Никогда нельзя быть уверенным ни в каких прогнозах или ожиданиях. И на этот раз наша наука преподнесла очередной и крайне приятный сюрприз. Вот что я узнал о результатах раскопок.

Когда курганная насыпь была полностью снесена, на фоне материка отчетливо проявилось квадратное ямное пятно, вокруг которого был возведен вал из чистой глины, плавно переходящий в круглую площадку диаметром почти 34 метра. Глина была плотно утрамбована и на ней совершалась заупокойная тризна. Об этом свидетельствовали многочисленные скопления разбитых амфор и костей домашних животных. Сама погребальная камера была перекрыта двумя слоями крупных плах, а в ее центре находилась колода с погребенным, выдолбленная из цельного ствола дерева. Как и ожидалось, захоронение было ограблено еще в древности, но что-то помешало грабителям и множество вещей они почему-то не забрали. Возможно, очень торопились, опасаясь рассвета, а возможно были так нагружены сокровищами, что уже не разменивались на мелочи. Как бы там ни было, но столь грубая работа древних атеистов привела к тому, что в руки археологов попали уникальные изделия, привезенные сюда из различных частей мира.

Наиболее ценные и красивые находки были сделаны в колоде. В спешке выгребая из нее драгоценности, часть из них грабители не заметили, и они стали трофеями археологов. Здесь находилось множество золотых бляшек от одежды в виде колокольчиков, стилизованных цветков и фигурок лежащей лошади. Из ювелирных изделий случайно сохранились и два очень тонкой работы золотых перстня с камнедержателем в виде амфорки. Корпусом каждой из них служило вставленное зерно бирюзы, а ножкой – шарик зерни. Не менее ценным явился и потрясающей красоты перстень в виде спирали, края которого были украшены стилизованными головками дракона. Они были расцвечены гнездами кроваво-красных гранатов и голубой непрозрачной пастой. По непонятной причине, эти украшения так и остались на руках погребенной.

Большой удачей явилась находка остатков деревянного ларца, инкрустированного слоновой костью с резьбой и рельефными изображениями Эрота-Купидона – шаловливого посланца богини любви Афродиты. Обнаруженные пластинки были найдены в различных местах захоронения. Скорее всего, в ларце находились основные драгоценности, которые и отвлекли внимание грабителей от других вещей. Судя по стилю изображений, ларец был изготовлен в мастерских Боспора как подражание более ранним античным образцам. Особенно хорошо сохранилась пластинка, изображающая Эрота в отрочестве. На ней можно увидеть стоящую в полный рост фигурку крылатого мальчика-подростка с факелом в правой руке. Контуры фигуры округлые, а все детали тщательно проработаны, что свидетельствует о высоком мастерстве резчика. Другие пластинки изображают сцены из жизни Эрота в младенчестве.

Интересно, что в погребении не было найдено оружия, но находились предметы, связанные с культом огня: ритуальный сосуд на трех ножках, заполненный золой и мелкими угольками. В нем лежали еще две миниатюрные лепные курильницы со сквозными отверстиями на тулове. Анализ показал, что в курильницах находились остатки травы и семян редких ароматических растений. Здесь же стоял бронзовый светильник с остатками органического фитиля и кубок с ручками в виде фигурок горных козлов. Грабители не обратили внимания и на некоторые изделия, изготовленные в римских провинциях: бронзовый кованый кувшин галло-римского производства, гончарную позднеантичную миску, бронзовый таз полусферической формы и три деревянных сосуда. Интересно, что один из них представлял собой небольшой бочонок с фигурной бронзовой ручкой на крышке. Остается лишь догадываться, чем он был заполнен. Все импортные вещи попали сюда либо в качестве военных трофеев, либо в результате торговых связей и представляли для того времени большую ценность.

Обнаруженные находки показали, что данный погребальный комплекс датируется рубежом II–III веков нашей эры, и принадлежал аланской женщине очень высокого ранга. Такое количество золота и других очень ценных изделий могло принадлежать или царице, или жене очень богатого вождя. Но как она попала на берега Днестра? Кто такие сарматы и, в частности, аланы? Что они делали здесь? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо совершить небольшой исторический экскурс.

Северное Причерноморье неоднократно становилось ареной бурных исторических событий. Особого драматизма они достигли в начале I тысячелетия нашей

эры, когда римская армия огнем и мечом покоряла новые земли. Под мерными шагами римских легионов исчезали и превращались в провинции империи некогда самостоятельные царства, а родственные племена и народы попадали в зависимость от Рима, сильного не только своей военной организацией, но и гибкой внешней политикой.

Период древней истории Северо-Западного Причерноморья с I века до нашей эры по IV век нашей эры связан с культурой сарматских племен. Раннеантичные авторы называли их «савроматами», живущими за рекой Танаис (Доном), к востоку от могущественных скифов. Геродот подчеркивал родство сарматов со скифами и близость их языков: «За рекой Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Меотийского озера (Азовское море – прим. авт.) занимают на 15 дней пути к северу; во всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев».

Во II веке до нашей эры сарматские племена начали активное движение на запад, и уже через столетие заняли Днепро-Донское междуречье. При этом они эпизодически появлялись на правобережье Днестра и даже в низовьях Дуная. Затем в союзе с другими племенами сарматы неоднократно вторгались в пределы римских владений южнее Дуная – в провинцию Мезия. Судя по источникам, первое непосредственное столкновение сарматов с римлянами произошло в 16 году до нашей эры, когда римский сенатор Луций Тарий Руф успешно отразил натиск этих кочевых племен. Однако, уже в первом десятилетии нашей эры римлянам, подавлявшим Паннono-Далматинское восстание, пришлось срочно вернуть свои легионы в Мезию и вновь направить их против нападавших сарматов и даков.

В это же время опальный римский поэт Овидий, сосланный императором Августом в 8 году нашей эры в затрапезный городок Томы (расположен у современной Констанцы в Румынии – прим. авт.), отметил пребывание сарматов на берегах Понта (Черного моря). Сарматы, по его свидетельству, свободно разгуливали по городу, который посещали, переправляясь по льду через Дунай. Овидию пришлось даже выучить сарматский язык:

«Сам я, римский поэт; нередко,
простите, о Музы!
Употреблять принужден здешний
сарматский язык».

О сарматах, живших на левом берегу Дуная, знал и другой не менее знаменитый современник Овидия – географ Страбон. Тем не менее, все дошедшие до нас письменные свидетельства I века нашей эры говорят о стремительной миграции лишь отдельных сарматских племен в чуждую им этническую среду. Но сарматские объединения постепенно втягиваются в борьбу Рима с «варварами» и Боспором.

К середине I века нашей эры западные сарматы – языги – перешли с севера горные перевалы Карпат в области верхнего течения Тисы, заняли равнину между Дунаем и Тисой – Венгерскую пушту. Вслед за языгами к границам Рима продвинулись и другие сарматские племена – роксоланы. В это же время на Днестровско-Дунайских просторах появляется раннегосударственное объединение кочевников во главе с Фарзоем, который именуется «царем» и в 60–70-х годах нашей эры чеканит золотую монету со своим родовым знаком – тамгой. Сарматы усиливают давление на Мезию и северопонтийские города. Воспользовавшись отвлечением основных римских сил из провинции на борьбу с Парфянской державой, войско Фарзоя в союзе с даками и бастарнами зимой на рубеже 67–68 годов нашей эры вторглись в Мезию, где, по словам историка Тацита, «изрубили две римские когорты».

Однако следующий зимний поход, предпринятый через год, закончился для них катастрофой. В Мезии случайно оказался III Галльский легион римлян, который в это время перебрасывался из Иудеи в Италию. Не ожидавшая встретить здесь войска и вынужденная спешиться из-за глубокого снега девятитысячная тяжеловооруженная конница сарматов – катафрактариев – была наголову разбита и отброшена к Дунаю. Вскоре их окончательно вытеснили за Дунай, а границы провинции Мезии были серьезно укреплены. Это было связано со стабилизацией в самой Римской империи, в частности, окончанием парфянской кампании при императоре Веспасиане.

Но уже в 89 году нашей эры император Домициан вновь направляет против сарматов войска после того, как ими был уничтожен легион вместе с легатом. Через три года боевые действия завершились победой римлян. О том, что в Риме с облегчением вздохнули после этой тяжелой войны, свидетельствует тот факт, что в знак победы император преподнес лавровый венок Юпитеру Капитолийскому. Этим эпизодом было зафиксировано последнее столкновение сарматов с Римской империей в I веке нашей эры. По словам знаменитого римского философа Сенеки, «Дунай разграничивает сарматские и римские пределы, а также сдерживает сарматские вторжения».

В результате всех этих событий территория междуречья Дуная и Днестра прочно заселяется сарматами и к концу I века нашей эры завершается образование «Европейской Сарматии» – понятие, введенное Клавдием Птоломеем в середине II века нашей эры. В это время они стали столь влиятельной в Восточной Европе силой, что информация о них достигла даже Александрии Египетской, где жил и трудился Птоломей. Вся история Европейской Сарматии связана с постоянными походами, набегами и миграциями кочевников. Сам тип кочевого хозяйства не мог существовать без хорошо организованного военного дела, позволявшего совершать стремительные набеги на границы Римской империи, отчуждать пастбища, скот у более слабых соседей, взимать дань с земледельцев и охранять собственные кочевья.

Птоломей выделил среди пестрого этнического массива «варваров» большие племена роксолан и аланов. Именно в это время, в период правления римских императоров Антонина Пия (138–161 гг.) и Марка Аврелия (161–180 гг.), основная масса алан устремляется в Днестро-Дунайское междуречье. Античные авторы говорят о них как о сильных, храбрых и «многоконных воинах». Римский историк Аммиан Марцеллин упоминает живущих возле Днестра «европейских алан», родиной которых были Кавказские степи и предгорья. Их господство в Северном Причерноморье продолжалось на протяжении двух с половиной веков, а аланское переселение считается последней сарматской миграцией на запад.

Как правило, зимовья сарматы устраивали на юге, в степи, а весной и летом, они отправлялись на север, где доходили до зоны лесов, а осенью вновь возвращались назад. Скорее всего, летом и было оставлено данное аристократическое захоронение. Оно отразило не только кочевой быт и успешные походы этих воинственных племен, но и культуру смерти, которая предполагала снабдить умершую всем необходимым для последующей безбедной и счастливой жизни в загробном мире. До наших дней дошла только малая часть ее погребального инвентаря, но и его достаточно, чтобы представить какие ценности сопровождали эту женщину в последний путь. Множество драгоценных изделий предназначалось и другому, видимо, очень знатному сармату, но от его пышного инвентаря археологам досталась всего лишь одна находка. Зато какая!

Кубометры земли ради одной находки

И на борзом коне вдоль реки он скакал
По знакомым, родным берегам…
В серебре повода, золотая узда…
Громкий топот звучал по полям.

Г.У.Лонгфелло, 1858

В середине 80-х грянула перестройка, и постепенно стали возникать проблемы с бензином для машин, продуктами для экспедиции и запчастями для ремонта техники. Именно с этого времени начался постепенный закат «золотой эры» полевой археологии в СССР. Но мы этого еще не знали и, слушая сладкоголосого молодого генсека с подозрительной меткой на лысине, считали эти трудности временными и с надеждой наблюдали за происходящими в стране переменами. Вот и на этот раз у нас заканчивался бензин, а топливо в район не завозили уже вторую неделю. В итоге я решил поехать к ближайшим соседям в Буджакскую археологическую экспедицию и занять у них хотя бы несколько ведер горючего. Через пару часов я с водителем уже был на полевой бригаде в Чадыр-Лунгском районе, где жили наши коллеги. Было поздно – наступала ночь, и неожиданно разразился сильнейший ливень. Ежеминутно сверкали молнии, моментально были залиты поля, и развезло дороги. В итоге мы решили остаться переночевать в экспедиции, а заодно ознакомиться с новыми находками из буджакских курганов.

Этой экспедицией руководил один из самых опытных сотрудников Академии кандидат исторических наук Виктор Стефанович Бейлекчи. Именно он первым в республике обратил внимание на необходимость исследования курганных памятников и еще в 60-е годы уже прошлого столетия раскопал несколько из них. Тогда эти материалы не вызывали особого интереса у специалистов, и лишь со временем стало ясно какая огромная научная информация и какие сокровища хранятся в этих неприметных с виду земляных сооружениях. Будучи еще школьником, я впервые попал к нему в экспедицию, где испытал всю тяжесть работы землекопа, перемешанную с желанием неизведанных открытий. Поэтому до сих пор сохраняю чувство особого уважения и теплоты к этому скромному и честному человеку – своему первому научному наставнику.

У него работали мои коллеги Сергей Агульников и Андрей Чирков. Вместе мы неплохо провели дождливый вечер в пустой, тускло освещенной полевой бригаде. Делясь новостями и осматривая находки за стаканом ароматного крестьянского вина, я узнал, что экспедиция заканчивает раскопки небольшого кургана, ограбленного, скорее всего, в древности. Поэтому находок было мало: всего лишь несколько фрагментов железных предметов и невыразительной керамики. Здесь тоже были свои трудности. Из-за отсутствия рабочих-землекопов профессиональные археологи во главе с начальником экспедиции были вынуждены взяться за лопаты и самостоятельно расчищать захоронение. Ко всему прочему оно оказалось необычным: огромную овальную яму прокопали уже более чем на три метра, а дна все не предвиделось. Ситуация была безрадостной и особого энтузиазма у своих друзей я не отметил.

Когда утром следующего дня мы с трудом проехали по размокшей дороге к кургану, перед нами предстала следующая картина: обвалившиеся стенки погребальной камеры засыпали ее почти наполовину. В.С.Бейлекчи мрачно смотрел в яму, а ребята нервно смеялись – оказывается, так случалось после каждого дождя. А дожди в этом месяце шли по три раза в неделю. Теперь им предстояло несколько дней заниматься тоскливой рутинной работой – вынимать из ямы рухнувшую глину. Глина была раскисшей и тяжелой, яма глубокой и наверняка пустой. Но делать нечего, в любом случае ее необходимо было докопать и только после этого приступать к дальнейшим исследованиям. «У всех свои проблемы», – подумалось мне тогда. Уже из кабины уезжавшей машины я наблюдал, как коллеги обреченно спустились в яму и, кряхтя, стали загружать глинистую жижу в подаваемые на веревках ведра. При этом они сразу же провалились в нее по колено, но сохраняли присутствие духа, декламируя на прощание лозунги о неизбежной победе коммунизма. Что ж, работа археолога часто бывает неблагодарной!..

Спустя неделю я узнал, что Буджакская экспедиция разделилась на два отряда: один из них во главе с В.С.Бейлекчи переехал в соседнее село, где начал раскопки поселения меднокаменного века, а второй остался докапывать курган. Собственно говоря, второй отряд состоял всего лишь из двух человек – Сергея Агульникова и шофера. «Да, не повезло парню!» – услышал я от ребят, когда они узнали эти новости. Однако вскоре выяснилось, что произошло совершенно обратное! «Сергей нашел золото!» – прокатилось через неделю по всем южным экспедициям. Так как наша экспедиция работала в нескольких десятках километров, я тут же выехал к соседям.

Еще с XIX века в профессиональной среде полевых исследователей сохранилось поверье, что существуют археологи счастливые, то есть те, кому постоянно везет при раскопках, и не очень. Точнее, совсем наоборот! Уверен, что родилось оно не случайно: я знаю несколько очень известных археологов, причем среди них есть академики и доктора наук, которым самым фатальным образом не везло в поле. Другими словами, они находили обычный археологический материал, хорошо известный в науке, а выдающиеся находки обнаруживали другие. Были даже случаи, когда они уезжали на время из экспедиции, а их ученики раскапывали уникальные археологические и исторические ценности. Не случайно у различных народов существуют поверья о том, что клады и сокровища даются в руки далеко не каждому человеку. Так вот у Сергея всегда была «легкая рука», и, начав свою археологическую карьеру в моей экспедиции, он прославился в узкой профессиональной среде не только пением матерных частушек и феноменальной памятью на аналогичный народный фольклор, но и своим поразительным везением. Поэтому не было ничего удивительного в том, что ему в очередной раз улыбнулась фортуна. А произошло вот что...

Когда все сотрудники Буджакской экспедиции переехали на новое место, Сергей остался один, зная, что ему нужно выбрать последние полметра заполнения ямы. Оставшийся объем работ был известен, так как в одном углу археологи прокопали грунт и убедились, что дно совершенно чистое. Оставалось выполнить лишь требуемые формальности: докопать яму, а затем сделать чертежи и фотографии зачищенного сооружения. Наверное, можно было бы схитрить и бросить недоисследованное погребение, заявив потом, что все работы завершены по методике – проверять все равно никто бы не стал. Но я не знаю таких людей среди профессионалов археологов!

Вот и Сергей добросовестно выполнял возложенные на него обязанности, делая одновременно работу землекопа, археолога и чертежника. При этом он знал, что это захоронение начисто ограблено, и ожидать каких-либо находок не стоит. Хорошо еще, что изнывающий от безделья экспедиционный водитель помогал ему в этой работе, спуская и вытягивая из глубокой ямы ведра с землей и глиной. А глубина ямы уже превысила четыре метра. В грунте заполнения отсутствовали даже кости погребенного. Видимо, грабители вынесли из ямы не только все находки, но и тело умершего! Наконец, началась зачистка дна. Но и здесь о находках не было даже речи – яма была девственно чистой! Лишь сбоку у стенки чернело несколько крупных кротовин. На всякий случай Сергей начал проверять и их. И неожиданно в одной из них раздался скрип, и нож наткнулся на что-то твердое. Когда в ход на всякий случай пошла кисточка, под ней сразу же сверкнул фрагмент... кроваво-красной смальты.

Через полчаса в крупной кротовине были зачищены два фрагмента конских удил, скрепленных с длинными прямоугольными пластинами. Как оказалось, кольца удил изготовлены из железа и покрыты сверху тонким слоем серебра, а сами пластины сделаны из серебра. Сверху они были украшены мозаикой из разноцветной смальты, кусочки которой отделялись один от другого тонкими серебряными перегородками. Чтобы смальта имела глубокий и теплый оттенок, под нее были подложены тонкие листики сусального золота. Удила изготовлены с высочайшим мастерством и представляли собой изумительное произведение древнего ремесленного искусства. Даже неочищенные, лежавшие в земле, они производили громадное впечатление, показывая, что данное захоронение являлось, вероятно, настоящим хранилищем уникальных сокровищ. Вот почему оно и было ограблено сразу же после своего совершения!

На колхозном полевом стане мы внимательно осмотрели эти находки и пришли к выводу, что подобных вещей в курганах региона ранее не встречалось. Предстояла кропотливая работа в научных библиотеках и архивах, хотя и так было ясно, что удила, как и само захоронение, относятся к историческому времени. Вскоре удалось установить, что этот погребальный комплекс был оставлен в Буджакских степях проходившими здесь во II веке нашей эры позднесарматскими племенами аланов.

Как сообщает иудейский историк и писатель Иосиф Флавий, аланы около 36 года нашей эры занимали области Меотиды (современное Приазовье – прим. авт.) вокруг реки Танаис (Дон). Часть их спустя некоторое время продвинулась к Дунаю. Писатели I века нашей эры помещали западных аланов уже у Нижнего Дуная. Во II веке они образовали мощный союз племен, который занял господствующее положение среди других кочевых народов, и дал свое наименование сарматскому племенному объединению. По словам Аммиана Марцеллина, аланы «мало-помалу изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам. Гоня перед собой упряжных животных, – отмечал этот римский историк, – они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням... Все, кто по возрасту и полу не го-

дятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами».

Частые военные столкновения с сарматами в конце I и во II веке нашей эры нашли свое отражение в искусстве Боспора и северопричерноморских городов. Яркими памятниками этих событий являются росписи пантикапейских склепов, изображающие пеших и конных воинов, одетых в панцирные доспехи, скачущих всадников, пылающие крепости с привязанными к их стенам пленными варварами и ряд других боевых сюжетов. У воинов, нарисованных античными художниками, характерные для сарматского вооружения мечи с кольцевым навершием, длинные копья, развевающиеся плащи и круглые фалары (украшения) на крупах коней. Продвинувшись в области Дуная и Буджакскую степь, аланы активно участвовали в нападениях на римские провинции. В середине III века нашей эры они вступают в союз с готами, которые продвинулись в данный регион. Их начальники занимали не последнее место в руководстве армии готов, которая совершала опустошительные набеги на причерноморские города.

Скорее всего, в это время и было оставлено в Буджакской степи – это богатое аланское захоронение. К счастью для науки, в древней погребальной камере раньше грабителей побывали кроты и суслики. Именно они зачем-то утащили в одну из кротовин два прекрасных фрагмента конской упряжи. Благодаря этой находке, мы можем представить уровень социального расслоения аланского общества, если даже украшением коня служили огромные по своей ценности и уникальные по мастерству изготовления изделия. Не зря археологи перебирали руками кубометры пустой земли! Этот кропотливый и тяжелый труд дал науке два редчайших шедевра замечательной аланской культуры!

В данном случае можно предположить, что здесь был погребен один из предводителей аланского войска, которое направлялось или же возвращалось из набега на задунайские провинции Рима. Привязать его к конкретному историческому событию крайне сложно. Однако другой курган региона, хотя и не содержал подобных сокровищ, сумел донести до нас дыхание грозных событий той суровой и воинственной эпохи.

Отголосок успешной битвы

Есть поле победы, широкое поле!
Там ветер пустынный гуляет по воле!
На поле курганы – гробницы костей:
То грозное дело булатных мечей!
В.Красов, 1832

Раскопки курганов у села Старые Бедражи на Среднем Пруте близились к завершению, когда с краю небольшого кургана появилась метровая траншея, вырытая с уровня материка и уходящая в поле. Мы начали ее зачистку, но вскоре траншея сделала поворот под прямым углом и завершилась. Однако через два метра она вновь появилась и повернула уже в противоположную сторону. В итоге мы увидели образованный траншеей правильный квадрат с разрывом в южной части. Квадрат был ориентирован по странам света, и по опыту мы уже знали, что здесь, скорее всего, находится грунтовый могильник сарматской культуры. Так и оказалось в действительности. Через несколько дней в поле возле кургана было зачищено еще шесть аналогичных сооружений, расположенных по одной линии – с северо-запада на юго-восток. Почти возле каждого из них на определенном расстоянии находились прямоугольные погребальные ямы, ориентированные с севера на юг. Начиная их расчистку, мы не могли и представить, что нашли уникальный погребальный комплекс начала нашей эры.

В первом же погребении лежал на спине костяк мужчины 45–50 лет. Рядом с ним находилась серолощеная миска на кольцевом поддоне, а под правой рукой и у правой ноги лежал железный меч с кольцевым навершием, прямым перекрестием и обоюдоострым клинком со следами дерева от ножен. Его длина составляла 41 сантиметр. Во втором погребении также был обнаружен костяк взрослого мужчины с таким же железным мечом и одноручным серолощеным кувшином. Кроме них в захоронении были найдены серебряная фибула – застежка для плаща, две бронзовые пряжки от ремня и бочонковидная бусина из непрозрачного белого стекла.

Аналогичная картина повторилась и в третьем погребении: здесь находился костяк молодого мужчины 30–35 лет и его опять сопровождали меч с кольцевым навершием длиной 33 сантиметра, железный нож, серебряная фибула и гончарная серолощеная миска на кольцевом поддоне. Уже эти первые находки показали, что мы действительно открыли могильник сарматской культуры, специально сооруженный во II веке нашей эры возле небольшого кургана эпохи бронзы.

Зачистка остальных захоронений принесла аналогичные находки: практически в каждом из них находились боевое оружие, керамика и изредка – украшения из стекла и бронзы. Сразу же бросилось в глаза, что у большинства погребенных были следы травм на костях рук или ног, а у одного имелись явные следы повреждения черепа, от которого, вероятно, он и скончался. Нам повезло, так как из семи обнаруженных захоронений только два были разрушены, но и в них сохранился погребальный инвентарь. Остальные же остались нетронутыми. Видимо, древние грабители и не догадывались, что в пустынном поле возле древних курганов находятся сарматские захоронения.

Всего было обнаружено семь квадратных сооружений с «воротами» в южной части. Возле шести из них находились захоронения. Все они были вырыты за предела-

ми квадратов, на различном расстоянии от них. Лишь центральное сооружение не сопровождалось погребальной конструкцией. В разных местах траншей были найдены остатки погребальных тризн в виде скоплений амфорного боя, фрагментов лепных сосудов и костей овец. Сочетание всех признаков погребального обряда, а также многочисленный инвентарь в захоронениях неоспоримо указывали, что все они принадлежали позднесарматским племенам Северо-Западного Причерноморья, то есть датируются концом II – серединой III века нашей эры. О широких торговых связях в этот период свидетельствуют обнаруженные во рвах фрагменты «неапольских» амфор римского производства, краснолаковые миски из Малой Азии и египетские стеклянные бусы и бисер.

Именно в это время властителями причерноморских степей становятся катафрактарии – тяжеловооруженные сарматские воины. Их наступательное оружие состояло из длинного меча, копья и лука, а защитное включало железный панцирь, шлем и щит. Известный древнегреческий писатель Гелиодор писал: «Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья и горяча коня боевым криком, он мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся кованой статуе. Острие копья сильно выдается вперед... и в своем стремительном натиске (он) колет кого ни попало, одним ударом часто пронзая двоих».

Наличие в каждом открытом погребении боевого оружия говорило о том, что в могильнике была погребена определенная социальная группа сарматского населения – воины. Это пока единственный случай не только на Среднем Пруте, но и во всем Северо-Западном Причерноморье, когда можно с уверенностью говорить о сугубо профессиональном роде занятий всех погребенных. Причем однотипность находок и их практически единые хронологические рамки показывают, что этот могильник был сооружен в течение короткого хронологического времени. Скорее всего, захоронения были совершены одновременно. Наличие у многих погребенных следов физических повреждений говорит о том, что все они погибли, вероятно, в одном бою. Вряд ли это были катафрактарии, так как в захоронениях не было обнаружено тяжелого вооружения – панцирей или железных шлемов. Но длинные мечи, предназначенные для конного боя, однозначно свидетельствуют, что они были всадниками.

Но самое интересное заключается в том, что в одном из разрушенных в древности захоронений находился костяк... женщины! Здесь также были найдены фрагменты длинного сарматского меча для всадника и более короткого меча с кольцевым навершием для пешего рукопашного боя. Женщина-воин, погибшая вместе с мужчинами в одном из боев? Может ли быть такое? Оказывается, может! Широко известно сообщение опального римского поэта Овидия о том, что сарматские женщины наравне с мужчинами ездят верхом на охоту, ходят на войну и носят мужскую одежду. Другие античные авторы также писали о том, что сарматки нередко выступали как военачальницы, семейные жрицы и даже боевые всадницы. Именно такая женщина – воин и всадница – и была погребена в этом могильнике наравне с погибшими мужчинами. И не удивительно, что это погребение оказалось ограбленным. Наверняка в нем находились различные украшения – ведь женщине было всего лишь 30 лет!

Что же произошло в районе Прута на заре новой эры? Полистаем сочинения древних историков. Оказывается, вторая половина II века нашей эры в Юго-Восточной и Центральной Европе характеризуется резким обострением римско-варварских, и в частности римско-сарматских отношений, которые вылились в две грандиозные войны. В историю они вошли как Маркоманские войны 166–180 гг. нашей эры. Маркоманы – германское племя, осевшее в I веке нашей эры в районе Майна, но затем переселившееся на территорию современной Чехии, покинутой к тому времени кельтами. Там они заняли господствующее положение и создали во главе с царем Морабодом могущественное объединение племен, однако вскоре сами попали в зависимость от Рима. Эта зависимость прекратилась лишь в результате Маркоманских войн при императоре Марке Аврелии, когда маркоманы дошли даже до Верхней Италии.

Среднее Попрутье находилось в определенной близости от театра военных действий, и сарматские племена Пруто-Днестровского междуречья наверняка были втянуты в происходящие события. В результате близко развернувшейся войны из среды рядового сарматского населения могла выделиться группа людей, занимавшихся сугубо военным делом или, по крайней мере, отдававших этому занятию часть своего времени.

О высоком профессионализме погребенных здесь воинов говорит хотя бы тот факт, что в одной из могил рядом с мечом лежал железный нож-кинжал. Дело в том, что в бою кинжал использовался вместе с длинным мечом, предназначенным для конного боя. В паре с ним было значительно удобнее отражать встречные удары противника, но для одновременного владения этим оружием требовались не только сила и виртуозная техника ведения боя, но и профессиональная военная выучка. Наверное, не случайно на костяке этого сармата было зафиксировано самое большое количество повреждений. О том, что воины, обладавшие подобным опытом, занимали более высокое иерархическое положение в обществе свидетельствует находка здесь довольно редких египетских украшений.

Небольшая стычка на берегу Днестра закончилась победой сарматских племен, о чем говорит сам факт сооружения уникального могильника. В нем были погребены только воины в полном вооружении. Этот неприметный могильник начала новой эры донес до нас отголосок страшных и

жестоких Маркоманских войн, в которые оказались втянутыми и сарматские племена. Отразив первые нападения врагов, они в итоге потерпели поражение и были вынуждены откочевать на восток. Впоследствии характерные сарматские могильники с ровиками появляются уже в районе донских степей. В Попрутье проникают уже другие сарматские племена, оставившие качественно иные погребальные памятники.

Продолжение раскопок в Северо-Западном Причерноморье привело к открытию еще нескольких аналогичных могильников сарматской культуры. Однако ни в одном из них не было обнаружено столько погибших воинов. Поэтому данный комплекс мы можем с полной уверенностью отнести к редкому памятнику, связанному с боевыми действиями в регионе. Открытие же здесь захоронения сарматской амазонки – очередная неожиданность полевой археологии. Нам повезло: этот могильник практически не пострадал от грабителей. Но, справедливости ради, надо отметить, что в нем и не находилось особых ценностей. Копая его, мы уже имели определенный опыт и предполагали, что нас может ожидать. Дело в том, что за несколько лет до этого мы впервые столкнулись с подобным могильником, который поразил нас своими размерами. И хотя открытие целого «города мертвых» произошло во время плановых археологических работ, этого никто не ожидал. Как обычно, это произошло в определенной степени по воле случая.

«Поле мертвых» на Пруте

Но не текут к своим истокам воды.
Земля, не в силах стона подавить,
Рождает в муках новые народы,
А мертвых наций ей не оживить.
Г.У.Лонгфелло, 1880

Пожалуй, археологические раскопки в Унгенском районе на границе с Румынией стали самыми успешными для Прутской археологической экспедиции, которой в течение ряда лет мне довелось руководить. Одновременно они оказались и самыми масштабными в моей полевой практике. Работа в этом мало изученном районе у пограничной реки Прут привела к неожиданной и редкой удаче. Здесь в зону мелиорации у села Петрешты попало несколько древних курганов, которые необходимо было срочно исследовать. Как и ожидалось, все они были возведены в эпоху ранней бронзы – более четырех тысяч лет назад.

Во время раскопок самого крупного кургана группы под ножом бульдозера неожиданно появилась узкая траншея, вырытая с уровня древней погребенной почвы. Она частично перекрывалась курганной насыпью и уходила в поле. «Окопы времен войны» – сразу же «определили» экспедиционные скептики. Но слишком ровные и одинаковые по ширине края траншеи настораживали, и я решил продолжить зачистку непонятного сооружения. Вскоре траншея сделала прямой поворот, прервалась и появилась опять. В результате она приобрела правильную прямоугольную форму с разрывом в южной части. Но в ее центре ничего не было. «Тебе же объясняли, что это окопы, а в центре стояла зенитка», – продолжали убеждать меня «знатоки» военного дела. Но зачем зенитку поставили рядом с границей посреди поля, не маскируя ее в земле и окопав ровиком, объяснить все же не могли. Поэтому был дан приказ: это сооружение раскопать. В профиле оно имело трапециевидные очертания и в заполнении траншеи нередко встречались фрагменты римских амфор. Стало ясно, что к минувшей войне этот комплекс не имеет никакого отношения.

Когда с помощью бульдозера мы зачистили материк, к северо-востоку от квадрата появилось прямоугольное пятно погребальной ямы. В этом захоронении рядом с костяком крупного мужчины лежали два лепных сосуда вытянутой горшковидной формы, треугольная крышка от одного из них и небольшая римская чаша для вина, покрытая красным лаком, – типичный набор рядового сармата. Так как лишь угол сооружения оказался под полой насыпи, было решено проверить прилегающую к нему территорию. И мы не ошиблись. Очередные находки не заставили долго ждать. Буквально через десять минут рядом с первым квадратом появилось круглое сооружение, которое также имело разрыв в южной части. Но связанное с ним захоронение оказалось в самом центре круга, и было частично разграблено. Еще через какое-то время были зачищены очередные круглые и квадратные траншеи, возле которых всегда находились одиночные захоронения. Сомнений больше не оставалось – рядом с древним курганом существовал крупный грунтовой могильник сарматских племен, включающий разнообразные культовые конструкции. Исследовать его было одно удовольствие: сооружения находились так близко одно от другого, что стоило лишь бульдозеру сделать очередной проход, как появлялись новые погребения.

В результате, раскопки затянулись на два года. Огромные площади пахотных земель оказались вскрытыми, что даже вызвало нарекание местных властей. Проведенные исследования показали, что все траншеи и связанные с ними захоронения принадлежали воинственным племенам сарматов, сыгравших важную роль в древнейшей истории Европы. Подобные сооружения стали известны археологам сравнительно недавно. Впервые они были изучены в нижнем Подунавье, а несколько позже – и на левобережье Среднего Прута. Исследования в различных частях Днестровско-Прутского междуречья позволили обнаружить новые бескурганные могильники этой культуры, но общее число открытых погребальных ровиков оказалось не столь значительным. Поэтому могильник у села Петрешты до настоящего времени остается одним из наиболее крупных и важных памятников в Восточной Европе. Только за один год раскопок в этом районе Попрутья на площади в десять гектаров было изучено 32 сарматских сооруже-

ния и более 40 связанных с ними захоронений.

Погребальный инвентарь дал возможность установить, что здесь нашли последнее пристанище воины и скотоводы, знатные женщины и рядовые жены, ремесленники и рыбаки. Наиболее интересные находки – импортная римская керамика, разнообразное оружие и египетские украшения из фаянса – позволили предварительно датировать этот огромный комплекс III веком нашей эры.

Но продолжение раскопок привело к очередной неожиданности. Оказалось, что это место привлекало не только кочевников, но и земледельцев. Стоило лишь с помощью бульдозера проложить еще одну траншею у крайнего ровика в северо-западной части могильника, как вдруг появилось два ямных пятна явно не сарматского происхождения. Их расчистка показала, что мы случайно наткнулись на захоронения земледельцев так называемой черняховской культуры. Обнаруженные сосуды и украшения показали, что они были совершены в IV веке нашей эры – в период, на который пришелся расцвет этого богатого и многочисленного народа.

Найденные погребения находились вплотную к высоким отвалам, оставшимся после расчистки сарматского могильника. Не исключено, что под ними скрывались и другие аналогичные захоронения. Чтобы проверить эту гипотезу, мы решили зачистить территорию за отвалами. Каково же было наше удивление, когда в первых же траншеях, достигших материка, появились десятки аналогичных могильных пятен. Стало ясно – на этом поле имеется еще один грунтовой могильник более позднего времени. Подобное «прямое» наложение данных памятников позволяет не только ставить, но и решать такие важные исторические вопросы как взаимовлияние или возможное генетическое развитие этих исчезнувших народов древности. Именно поэтому научное значение Петрештского могильника трудно переоценить.

Всего было изучено более ста черняховских захоронений. Находки из них могут заполнить не одну музейную витрину. В погребениях находились десятки сосудов изысканных форм, разнообразные орудия труда и сотни прекрасных украшений. Судя по качеству керамики, развитие гончарства здесь достигло очень высокого уровня. Керамика в основном благородного серого цвета, реже – черного и желтого. Она прекрасно обожжена и с успехом может использоваться даже в наше время. Черняховские гончары были мастерами высочайшей квалификации. Уже на базе, которую мы устроили на местной тракторной бригаде, пропал один из изящных кувшинов с высоким горлышком. Поиски его не увенчались успехом, но ясно, что сделать это мог только кто-то из местных механизаторов. До сих пор где-то в молдавском подвале хитрый хозяин пьет собственное вино, не подозревая, что разливает его из сосуда двухтысячелетней давности.

Из других находок особый интерес представляют парфюмерный набор из серебра, различной формы поясные бляшки, римские серебряные монеты, позолоченные стеклянные бусы, бронзовые и серебряные фибулы – застежки для одежды, а также многочисленные бусы из разноцветного стекла, сердолика, оникса, аметиста, горного хрусталя и других полудрагоценных камней. Думаю, что носить подобные украшения не отказались бы и многие современные модницы. Значительную серию находок составили различные стеклянные сосуды римского производства, а также несколько типов костяных женских гребней. Стеклянные кувшинчики и бальзамарии часто лежали целыми, а различной формы кубки сохранились во фрагментированном состоянии. Они были выполнены как из толстостенного, так и тонкостенного стекла. Тонкое стекло исследователи связывают с рейнскими, египетскими и сирийскими мастерами, а более грубое толстостенное могли изготовлять и черняховские умельцы. В погребениях нередко встречались и удивительной красоты раковины, привезенные сюда с берегов Средиземного моря и даже Тихого океана.

Всего в черняховском могильнике найдено более тысячи разнообразных находок. Многие из них прекрасной сохранности и могут украсить любую археологическую коллекцию. Проведенные исследования позволили сделать вывод, что левобережье Среднего Прута в III–IV веках нашей эры являлось одним из основных центров проживания сарматского и черняховского населения, находившегося под сильным влиянием Рима.

Но в середине III века нашей эры Римская империя переживала глубокий политический и финансовый кризис. Этой ситуацией не преминули воспользоваться соседи. На границы империи обрушились многочисленные германские племена, среди которых наибольшей активностью отличались готы. В движение готов были втянуты и различные сарматские племена, в том числе и обитавшие на берегах Прута. Судя по многочисленным армиям, нападавшим на империю, варварское население значительно возросло, что, вероятно, свидетельствует об определенной перенаселенности на ее границах.

С середины III века нашей эры готы продвигаются в причерноморские степи. В начале IV века нашей эры королем готов становится Эрманарих, который, по словам историка Иордана, «покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам». В первой трети этого же столетия окончательно сформировалась полиэтничная «держава Эрманариха», которая охватила огромные территории – от Сейма и Северского Донца до Олта и Трансильвании, от верховьев Западного Буга до низовьев Днепра и Дуная. Именно с «державой Эрманариха» и связывает большинство исследователей черняховскую культуру, которую датируют III–IV веками нашей эры, то есть временем существования данного могильника.

Раскопки показали, что могильник служил не только кладбищем, но и был своеобразным культовым и ритуальным местом. Здесь часто встречались такие элементы погребального обряда, как тризна, жертвоприношение животных, в первую очередь коней, вторичное преднамеренное разрушение скелетов. В отличие от более ранних погребений, разрушения некоторых черняховских комплексов не связано с ограблениями, так как при этом все находки остались на месте. Считается, что повторное разрушение скелетов является самобытной погребальной традицией местных племен.

Черняховская культура представляет собой качественно новое этническое образование, которое в значительной степени возникло под влиянием провинциальной римской культуры. По мнению специалистов, она оформилась в тех районах, где сложился племенной союз, возглавляемый готами. В рамках этой культуры происходил процесс формирования новой народности, которой не суждено было выйти на историческую арену. В конце IV века нашей эры ее развитие было прервано гуннами – кочевниками-тюрками, пришедшими с востока. По меткому выражению Иордана, «взъярилось на готов племя гуннов». В битве с ними погиб престарелый «король всех готов» Эрманарих, готский союз распался, а местное черняховское население было почти полностью уничтожено.

Нет сомнения, что на левобережье Среднего Прута был исследован своеобразный памятник, оставленный двумя исчезнувшими народами и отразивший формирование черняховской культуры. Он свидетельствует не только о высокой культуре местных племен, но и о большой плотности населения в этом регионе. Проведенные здесь раскопки привели к открытию своеобразного «города мертвых», сооруженного и действовавшего в течение двух веков нашей эры. Его открытие подтвердило полиэтничность варварского населения данной эпохи и показало прямую связь позднесарматской и черняховской культур – двух народов, казалось бы, навечно исчезнувших в бурных волнах исторического процесса. Да, они действительно исчезли с политической карты мира, но исчезли не бесследно. Эти культуры оставили свои следы не только в генах и языках современных народов, но и в земле Юго-Восточной Европы. Земля надежно хранит их огромные и удивительные «города мертвых», но изредка все же позволяет исследователям узнать о них и заглянуть на их «улицы». Нам в этом отношении повезло!

СЛОВО В ЗАЩИТУ «СТЕПНЫХ ПИРАМИД»

Украденный кромлех и мешок кукурузы

У подножья горы возвышался
Древний курган земляной,
Осененный густыми ветвями
Дуба…

Вергилий, I век до н.э.

Это случилось более двадцати лет назад возле знаменитого днестровского села Пуркары. Здесь мне повезло копать интереснейшую группу из самых ранних курганов восточноевропейских степей. Как оказалось, из пяти насыпей четыре были возведены в меднокаменном веке и три из них были окружены круглой каменной обкладкой. Научная методика требует строгого соблюдения определенных правил: все каменные и иные конструкции древних сооружений необходимо зачищать вручную. Поэтому на трех из пяти курганов современная техника почти не работала. В течение двух месяцев камни обкладки зачищались сначала лопатами, а затем с помощью ножей и кисточек. Не следует говорить, сколько труда была затрачено на этот унылый процесс. Только после окончательного открытия каменных кругов их можно фотографировать, после чего необходимо зафиксировать глубину залегания и зачертить, отмечая при этом форму каждого крупного камня.

В результате мы расчистили идеально правильные круги, образованные лежавшими на одном уровне камнями различных размеров. Диаметр кругов достигал 20 метров, а их ширина была ровно в десять раз меньше. Скрупулезность и сложность проведенной работы значительно замедляли график исследований, и мы явно отставали от сроков ведущегося параллельно мелиоративного строительства. Поэтому, когда была полностью зачищена обкладка одного из курганов, мы решили сфотографировать и зарисовать ее в выходной день, чтобы в понедельник можно было использовать бульдозер.

Ранним утром мы приехали на место, и не выспавшиеся после бурного субботнего вечера художники уныло побрели на скрытый за земляными отвалами курган. Я же задержался у машины, собирая необходимую аппаратуру для фотосъемки. Пока я возился с пленкой, за отвалами раздался нервный смех и четко прозвучал вопрос:

– А где же кромлех?

– Что за дурацкие шуточки? – подумалось мне и, перезарядив фотоаппарат, я прошел на курган. Но это оказались не шутки. На кургане стояла группа археологов и непонимающе смотрела на каменную крошку вместо обкладки. За ночь кромлех самым загадочным образом исчез. Исчез в неизвестном направлении! Но ведь это же около трех тонн камня! Сколько же надо людей и техники, чтобы за одну ночь погрузить и вывезти этот груз? Но оказалось, что эти трудности совсем не пугали местных жителей: на чистой глине материка прекрасно сохранились многочисленные следы легких тракторов с прицепами. Мы тут же поехали по ним и вскоре обнаружили два трактора на одной из колхозных бригад. В их прицепах остались следы от перевозимого камня. К сожалению, день был выходной, и не протрезвевший к утру охранник ничего вразумительного сообщить не смог или не захотел. Пол дня колесили мы по селу, в которое увезли камень, с трудом подавляя возмущение. Но к счастью для современных воришек, мы

так и не свернули в неприметный переулок и не увидели дом, во дворе которого был свален камень из древнего кромлеха. В тот момент последствия для его хозяев могли быть самыми непредсказуемыми.

Утром следующего дня я уже был в отделе милиции райцентра Суворово, и вместе с инспектором уголовного розыска вскоре мы нашли незадачливых «строителей». Как выяснилось в ходе расследования, три сельских механизатора решили помочь своему товарищу не только в строительстве собственного дома, но и в экономии средств на стройматериалы. Они давно наблюдали за раскопками, проезжая каждый вечер мимо курганов, но дожидались, пока мы аккуратно расчистим столь нужный им камень. Действительно, зачем тратить лишние силы на его очистку и извлечение из земли?

Когда они убедились, что наши работы успешно завершены, в первую же ночь решили получить столь дефицитный в то время и, главное, бесплатный бутовый камень. Ни моральная сторона дела, ни научные цели проводимых исследований их нисколько не волновали. Не задумывались они и о возможной ответственности. Однако, увидев меня с инспектором уголовного розыска и узнав о заявлении в милицию, не на шутку испугались. Уже в понедельник к вечеру украденный «стройматериал» был благополучно возращен на прежнее место. Но мы только с грустью смотрели на сваленный в кучу камень, который превратился в немой укор человеческой тупости и безнаказанной наглости.

Как обычно у нас бывает, разрушители столь ценного археологического памятника отделались лишь легким испугом. Стоимость нанесенного ущерба было трудно установить, а местные власти лишь грозно пообещали устроить громкий процесс над сельскими вандалами и привлечь к его освещению средства массовой информации. На этом все и завершилось. Нам же пришлось восстанавливать уникальную каменную конструкцию по сохранившимся в земле отпечаткам наиболее крупных блоков. Когда мы уезжали из экспедиции, на месте уже спланированного кургана мокла под дождем в поле одинокая груда камней. Но как мне потом сообщили, через месяц она вновь исчезла. На этот раз уже навсегда...

Не менее печальная история произошла в том же районе год спустя. В окрестностях соседнего села Новые Раскаецы стоял величественный шестиметровый курган, который, как оказалось, мешал строительству оросительной системы. Точнее не строительству, а ее вводу в эксплуатацию. По проекту все вводимые под полив площади должны быть снивелированы, чтобы могла действовать оросительная техника. По старой доброй традиции о нас вспомнили только тогда, когда уже встречали приемную комиссию. Меня срочно вызвали к начальству и доходчиво объяснили важность поставленных партией задач. Вопреки всем научным требованиям, пришлось приступить к столь важным исследованиям лишь поздней осенью. Чтобы техника не простаивала, было решено копать этот крупный памятник с помощью бровок, то есть с оставлением широких полос в насыпи. Лишь после их ручной зачистки можно установить все строительные горизонты кургана.

Почти сразу же после начала работы в поле кургана начали появляться проржавевшие снаряды времен минувшей войны, и я приостановил раскопки до полного разминирования. Саперы тоже не торопились, поэтому в ту осень курган докопать не удалось. Пришлось договариваться в райисполкоме, что весной следующего года мы завершим исследования. В поле остались три широкие параллельные бровки, проложенные с севера на юг. Спустя несколько месяцев, в апреле следующего года, я специально выехал на место и еще раз определил объем предстоящих работ. Наш прошлогодний «долг» одиноко возвышался на размокшем весеннем поле. Именно с него нам и предстояло начать исследования в новом полевом сезоне.

Однако когда через две недели мы приехали на место, бровок уже не было. Причем снесли их за два дня до нашего приезда. На недавно спланированной черноземной поверхности, где стоял курган, мы нашли множество окрашенных охрой человеческих костей и редкие фрагменты керамики – все, что осталось от многочисленных древних захоронений, находившихся в насыпи. Но больше всего нас возмутило то, что здесь лежал фрагмент смятого бульдозером цельнолитого скифского котла на изящной ножке. Он был изготовлен из бронзы и, к сожалению, представлял собой уже жалкие остатки когда-то очень редкого и дорогого изделия. Значит, в одной из оставшихся бровок находилось неограбленное скифское захоронение. В противном случае, котел обязательно бы унесли искатели сокровищ.

Пока мы осматривали место происшествия, на повозке подъехал старик и сгрузил с нее два мешка кукурузы, которую по приказу местного председателя должны были посеять на освободившейся площади. Как выяснилось, председатель прекрасно знал, что курган – археологический памятник и его должны докопать весной, но сев не ждал, и он приказал выполнить работу археологов совхозному бульдозеристу. Последний с успехом завершил «раскопки» за два дня до нашего приезда. Когда я все же решил исследовать площадь кургана до материка, явился и сам председатель с главным агрономом. В результате бурного объяснения пришлось услышать немало нелестных слов не только в свой адрес и всех «других бездельников», срывающих колхозам посевную, но также в адрес Академии наук и самой археологии. Когда же я продемонстрировал ему скифский котел, раздавленный бульдозером, то получил ответ: «Подобный хлам можно найти на любой помойке!» Обмен любезностями потерял какой-либо смысл, и, обещая завести на меня уголовное дело за непоправимый ущерб сельскому хозяйству не только района, но и всей могучей тогда еще страны, он гордо удалился.

Курган мы все же докопали и в материковой поверхности под курганной насыпью нашли еще двенадцать разновременных захоронений. Но среди них не было скифского. Скорее всего, оно находилось в самой насыпи, и профессиональные грабители не сумели обнаружить его в огромной толще земли. То, чего не сделали они, совершило невежество местного чиновника, возомнившего себя удельным князьком, имеющим право делать на колхозных землях все, что ему заблагорассудится. Спустя годы именно такие номенклатурные перевертыши с пеной у рта кричали во всех республиках о сохранении национальной культуры, которую якобы десятилетиями уничтожали «русские оккупанты и манкурты». Как показали дальнейшие события, в кургане были и золотые изделия. И вновь произошли мистические события!

После окончания раскопок этого несчастливого кургана мы переехали в другое место, оставив экспедиционного бульдозериста спланировать отвалы. Через два дня он вернулся в лагерь совершенно расстроенным и удивительно молчаливым, а к вечеру стремительно напился. Когда же утром пришел в себя, рассказал поразившую всех историю. Дело в том, что, засыпая котлован кургана, он делал в отвалах траншеи. Неожиданно в одной из них на уровне кабины, он увидел, как в осыпавшейся сбоку земле появилось несколько массивных золотых блях и прямоугольных нашивок, изображающих людей и каких-то животных. Золото ярко горело под весенними лучами и находилось на расстоянии вытянутой руки. Однако видение продолжалось не более нескольких секунд. Пока он заворожено смотрел на золото и пытался остановить бульдозер, изделия, сверкнув на солнце, скрылись в осыпавшемся грунте. Несколько часов поисков с лопатой ни к чему не привели – найти эти предметы в сотнях кубометров земли оказалось невозможным. И хотя было ясно, в каком месте они находятся, золото бесследно исчезло. Как тут не вспомнить легенды о заколдованных курганных сокровищах и кладах, которые «уходят в землю» при их открытии? Нам же в итоге пришлось констатировать, что из-за двух мешков кукурузы на Днестре был потерян совершенно уникальный комплекс скифской культуры!

К сожалению, эти эпизоды оказались далеко не единственными в моей научной практике. О подобных примерах может вспомнить любой археолог или чиновник, занимающийся охраной памятников.

Еще немного о грустном

Подземные бездны у нас под стопами;
Небесные громы у нас над главами;
Живем на костях мы отживших племен;
Весь мир наш могила былых поколений;
И что же?.. друг другу вослед мы идем
Неверной стезею одних заблуждений!

Л.А.Якубович, 1836

Везде в южнорусской степи можно наткнуться на следы прошлого, которые официально находятся под охраной государства. Но даже при Советской власти были известны десятки случаев, когда по приказу местных властей уничтожались бесценные памятники археологии, а виновные не понесли даже минимального наказания. И это при том, что в стране был принят и реально действовал «Закон об охране памятников». Приведу лишь некоторые факты по Молдавии. Так, в начале 70-х годов уже прошлого столетия председатель Дубоссарского райисполкома дал строгое указание председателям колхозов «убрать все бугры с полей» вдоль трассы Дубоссары-Тирасполь. По его «просвещенному мнению», бугры «портили» прекрасный днестровский ландшафт. В результате в одночасье десятки курганов были спланированы бульдозерами. Тогда же и была уничтожена пятиметровая насыпь скифского кургана, под которой посчастливилось позднее найти уникальную золотую гривну. Если люди с дипломами в карманах не имеют ни малейшего представления о древних памятниках своей родной земли, то что же говорить о большинстве населения, у которого, как говорят французы, напрочь отсутствует «культ древних камней».

Мне известны вопиющие по своей дикости факты, которые произошли только за последние годы. Так, на юге Молдавии тракторист случайно нашел в кургане золотую гривну. Недолго думая, он разрубил ее на части и стал продавать на протезы для зубов. В Буджакской степи близ городка Тараклия был разрушен курган и в нем обнаружены многочисленные серебряные украшения с позолотой и другие редчайшие изделия. Все они, за исключением двух серебряных фаларов – круглых конских украшений с орнаментом – разошлись по рукам. В селе Старые Саратены тракторист, распахивая поле плантажным плугом, вывернул из земли уникальный клад эпохи бронзы. По сообщениям в него входили более сотни бронзовых изделий: листовидные кинжалы, наконечники копий, дротиков и стрел, топоры-кельты и украшения. К его чести, он все тщательно собрал и привез в правление колхоза. Однако председатель приказал выгрузить эту поистине бесценную находку на колхозный склад, где предметы стали постепенно растаскивать. Часть бронзы использовалась на паяльники, часть переплавлялась на подшипники для тракторов, а многие предметы местные ребятишки просто поменяли у старьевщика на рыболовные крючки. Но самое возмутительное заключалось в том, что сельский учитель истории брал на уроки отдельные предметы и показывал их ученикам, а затем бросал их обратно в общую кучу. В итоге от этого клада ничего не осталось. И таких печальных примеров можно привести множество...

В квартире своего давнего друга Володи Дроздовского – коллекционера и страстного поклонника археологии из приднестровского города Днестровска – неожиданно увидел совершенно целую римскую амфору II века нашей эры. Он пояснил, что подарили ее знакомые, которые случайно нашли ее у себя на приусадебном участке. На мою просьбу узнать о

находке подробнее и сообщить местонахождение, он ответил, что все уже выяснил, но показать, где она найдена, не может. Оказалось, что при рытье погреба обвалилась стенка ямы и на глубине более двух метров хозяева увидели более десятка совершенно целых амфор, вертикально стоявших в ряд. Недолго думая, они взяли две из них себе на память, а остальные... разбили! При этом запретили кому-либо рассказывать о находке, а вскоре забрали у Володи и свой подарок. Они даже не догадывались, что наткнулись на богатое сарматское захоронение, вход в которое и закрывали импортные сосуды для вина. Прокопай дальше, они могли бы проникнуть в катакомбу и обнаружить еще массу находок. А может быть, прокопали и обнаружили? Поэтому и молчат?..

В одной из украинских газет случайно наткнулся на небольшую заметку, в которой сообщалось: «В небольшом городишке в Хмельницкой области, который так и называется – Городок, в местном дачном поселке, расположенном на месте одного из трипольских поселений, при закладке фундамента дачного домика были обнаружены целые залежи расписной посуды. Многие сосуды были абсолютно целыми. Находке тут же нашли применение. Все было разбито вдребезги, а черепками... вымостили участок грунтовой дороги возле дачи – чтобы грязь не месить. И это притом, что стоимость самого невзрачного трипольского расписного горшочка на черном рынке археологии, как минимум, долларов пятьдесят». Сразу же вспомнилась аналогичная история.

Триполье – известная и богатейшая земледельческая культура меднокаменного века выделяется не только своей прекрасной керамикой, но и другими многочисленными и замечательными находками. В 2002 году мне довелось исследовать поселение этого времени у старинного села Рашков на Среднем Днестре. В селе я неоднократно слышал рассказ о том, что при строительстве одного из домов было случайно найдено множество древних сосудов. Так случилось, что наша база оказалась по соседству с этим домом, и я встретился с его хозяином. Сравнительно молодой мужчина подтвердил услышанную информацию. Он лаконично рассказал, как несколько лет назад при строительстве фундамента под новый дом экскаватор неожиданно начал выворачивать из земли десятки совершенно целых сосудов. Когда я показал ему наши находки, он подтвердил, что точно такие же сосуды находились под его домом. Сколько их было, он затруднился ответить: «Я не считал, но приблизительно сотни две-три, может быть больше...» На вопрос, что же он сделал с находками, услышал: «Собрали, загрузили два самосвала и вывезли на свалку в овраг».

Правда, соседи добавили, что хозяин с малолетними детьми предварительно разбивал керамику, надеясь обнаружить спрятанные в них сокровища. Значит, понимал, что это древние сосуды и даже надеялся найти в них ценности. Однако он даже не подумал сохранить хотя бы один из них на память или сообщить о находке в местную школу, где, кстати, имеется небольшой музей. Он просто выбросил их за ненадобностью. Как оценить это поведение? В пустых глазах нашего временного соседа не было никаких эмоций – совершенно равнодушно он рассказывал о находке, не особенно уточняя детали и нисколько не задумываясь о том, на что же случайно наткнулся. Уж эти вопросы его совершенно не волновали! Хотелось бы знать, что может зажечь хоть какую-то искорку в его оловянных глазах? «Где ты учился, и кто тебя воспитывал?» – только и сумел ему сказать на прощание. Подобное равнодушие не столько возмущает, сколько уже пугает – таких людей, к сожалению, становится все больше.

А ведь эта находка могла бы стать подлинным научным открытием. Возможно, здесь была какая-то керамическая мастерская, а может быть, здесь находился один из могильников трипольской культуры, которые безуспешно ищут археологи вот уже более ста лет? Догадка выглядит вполне допустимой, если учесть, что сосуды находились на глубине нескольких метров – их нашли при рытье подвала. Хозяину достаточно было лишь сообщить куда-нибудь о своей находке и, возможно, произошла бы громкая научная сенсация. Но ему это оказалось совсем не нужным... Правильно говорят: «Бойся равнодушных! Я бы еще добавил: «И тупых!»

Убыточна ли археология?

Аз, буки и веди страшат,
как медведи.
Русская поговорка, XVIII век

Думаю, что эта русская поговорка касается не учеников, постигающих азы алфавита, а армию чиновников, которые как огня боятся кардинальных и зачастую простейших решений. Они до сих пор не осознали, что помимо прочих, мы обладаем колоссальными ценностями, которые достались нам случайно, в силу географического положения и особенностей исторического процесса. Это многочисленные археологические памятники, которые, как это ни странно, имеют и свое материальное выражение. Воспитанные на ценностях социалистического общества, мы длительное время не подозревали, что даже земля, на которой растут леса, выращивают урожай, строят города и дороги, земля, на которой возведены и старятся курганы, также имеет цену, причем очень высокую. Неуклюже перестраивая экономику и пытаясь возродить духовную жизнь, мы все же пришли к выводу, по которому живет весь мир: земля – это деньги, а в природе не существует бесплатных вещей. В каждую из них вложен труд, поэтому согласно законам экономики даже самый грубый лепной горшок или невыразительное кремневое изделие, отличить которое от обыкновенного камня может лишь специалист, имеют свою определенную цену.

Что же тогда говорить об остатках материальной культуры различных народов, открытых в результате работы археологов? Ценность любой археологической находки или произведения искусства в силу своей исторической и художественной значимости неизмеримо выше большинства современных, поэтому с годами она лишь возрастает. Как ее определить – сказать сложно. Для этого существует целая система экспертных комиссий, аукционов и «черных рынков». Но мы все еще не можем точно подсчитать, какие материальные ценности открывают ученые и какие огромные суммы законсервированы в музейных запасниках.

Перед археологами и музейными работниками уже давно стоит задача хотя бы приблизительной материальной оценки различных археологических источников. Во многих странах, например, в Италии, имеются целые министерства по охране культурных ценностей. У нас же до сих пор не налажен их учет. Сами не знаем, что имеем. Что имеем, не помним... А ведь проанализировав опыт музеев других стран и изучив каталоги крупных аукционов, можно было бы установить хотя бы примерную стоимость той или иной археологической коллекции. Может быть, после этого мы будем более осторожно подходить к оценке земли и возможности ее продажи, если в ней имеется тот или иной древний памятник.

По недавно озвученным данным в настоящее время в музеях России сосредоточено порядка 470 миллионов единиц хранения. Из них значительную часть, если не большинство, составляют археологические раритеты, в том числе и курганные древности. Если каждый из них оценить хотя бы в один рубль, то уже получится огромная сумма. Если же дать их оценку аукционными ставками, то окажется, что в фондах наших музеев законсервированы миллиарды не только рублей, но и твердой валюты. И это не преувеличение. Приведу лишь один пример. В конце 60-х годов XX века мой научный руководитель, талантливый археолог Валерий Сергеевич Титов, в качестве консультанта сопровождал выставку «Археология СССР» в странах Западной Европы. По его словам, только за один расписной сосуд меднокаменного века в Италии предлагали десятки тысяч долларов. А такие находки у нас не единичны.

О том, что власть все же понимает, какие потенциальные резервы содержат музейные собрания, свидетельствует печальный отечественный опыт. Чтобы заработать валюту на социалистическое строительство, большевики в 20–30-е годы прошлого столетия провели распродажу части музейных и частных собраний. При этом была придумана некая «музейная теория»: мол, в отличие от буржуазных, пролетарские музеи нужны не для собирания ценностей, а для просветительской и школьной работы. Поэтому «массам» достаточно продемонстрировать десяток картин Рембрандта, а остальные можно реализовать. Где теперь купленные тогда трактора, станки и машины? А проданные за бесценок шедевры до сих пор украшают различные музеи и частные собрания мира. Не приходится говорить и о том, что их цена за это время только возросла. История с возвращением шедевров Фаберже лишнее тому подтверждение.

Мнение о том, что археология наряду с другими гуманитарными дисциплинами является убыточной – миф! По мнению экспертов ЮНЕСКО, только криминальный «черный рынок» зарабатывает за счет нелегальной продажи археологических ценностей более трех миллиардов долларов в год! Ограбление мест археологических раскопок и незаконная торговля культурными ценностями превратились в процветающий бизнес мирового масштаба. При этом главными жертвами торговцев археологическим антиквариатом становятся развивающиеся страны, у которых зачастую не хватает средств, а иногда и желания, чтобы обеспечить действенный контроль. Гибнут не только бесценные памятники культуры: руками грабителей стираются целые страницы древнейшей истории наших народов. Еще два десятилетия назад мы практически не знали этой проблемы. Но как птица Феникс неожиданно вновь возродилась грязная профессия «грабителя могил». Повсеместное ограбление древних памятников всегда отмечалось в переломные моменты истории. Поэтому не удивительно, что сегодня грабежи охватили целые регионы «развивающейся» России, а современная охрана памятников скатилась к ситуации начала прошлого века.

В отличие от чиновников, современные грабители очень быстро поняли, что многие древности, и в первую очередь курганные, имеют огромную стоимость, и незамедлительно приступили к делу. Не в пример ученым, они быстро находят деньги, быстро копают и выгодно продают наиболее ценные вещи, выбрасывая все остальное. Грабежи памятников археологии однозначно указывают, что полученные в результате раскопок материалы многократно превышают по стоимости средства, затраченные на их исследования. Особенно наглядны в этом отношении курганы. Одно лишь открытие скифского золота в Украине и России в значительной степени компенсировало понесенные при раскопках затраты. Зарубежный и первый отечественный опыт показывают, что если археологические исследования напрямую увязать с туризмом и выставочной деятельностью, то они могут приносить стабильный доход государству уже в обозримом будущем.

С другой стороны, археологические коллекции не должны пылиться в запасниках и фондах музеев, вдали от людских глаз, – их задача служить воспитанию и образованию всех слоев населения. Любой школьник, увидев многообразие древних культур России, поймет, что рассуждения о коренных и некоренных народах – плод больной пропаганды не очень грамотных националистов. На науке и культуре нельзя эко-

номить, как пытаются это делать наши реформаторы. Ведь и при Советской власти культура постоянно финансировались по остаточному принципу, и в итоге мы пожинаем обильные плоды бездуховности и исторического цинизма. Эту истину давно постигли во многих странах, где зачастую лучшие здания в любом мало-мальски крупном городе отданы под музеи и театры, а в столицах возведены суперсовременные музейные и научные комплексы. По сравнению с Северной Америкой, Австралией или Скандинавией, Россия является настоящим археологическим эльдорадо. Но кроме профессионалов, об этом мало кто знает.

Что и говорить, сейчас мы переживаем далеко не лучший период своей истории. Преступный развал великой страны и неуклюжее «реформирование» экономики привели к тому, что мы имеем. Лозунги о предстоящем процветании, которое сразу же наступит после разделения, развеялись после первого же десятилетия провозглашенных «незалежностей». Распад единого экономического организма, столетиями формировавшегося в рамках Российской империи, а затем и Советского Союза, привел к развалу и когда-то единого культурного и научного пространства. Результаты налицо. Но все же это не повод опускать руки.

Именно сегодня необходимо закладывать основу для более динамичного развития в будущем. Из собственной истории мы знаем, что сразу же после снятия блокады Ленинграда были открыты залы Эрмитажа и начали восстанавливать дворцы Петергофа и Павловска, в эти же годы работали археологические экспедиции в Средней Азии и издавались фундаментальные труды по истории. Что, в разрушенной страшной войной стране не было более важных задач или было больше денег, чем сегодня? Или их некуда было девать? Конечно, по сравнению с обороной деньги на эти цели уходили не очень большие, но определяющая роль науки и культуры ни у кого сомнений не вызывала. Ведь именно обращение к героическому прошлому России в период испытаний сплотило людей на защиту своей Родины.

А как измерить влияние исторического наследства на духовное развитие народа и особенно новых поколений? Общепризнанно, что невозможно жить без национальной культуры и идеологии, без собственной, желательно объективной истории, без исторических корней, уходящих в глубины тысячелетий к другим культурам. Каждый народ за столетия своего развития пережил взлеты и падения, победы и поражения. Но вряд ли можно считать нормальной ситуацию, когда отечественная история начинает мазаться всего лишь одной краской – и в большинстве случаев черной! Духовное нездоровье начинается в такие периоды, когда исчезает уважение к собственному прошлому, и оно предается забвению, когда хронически не хватает средств на науку и культуру, когда профессиональный рабочий или водитель автобуса получают в несколько раз больше академического или университетского профессора. В результате такой политики пышным цветом расцветают националистические и шовинистические идеи. Поэтому необходимо делать хоть какие-то выводы из истории и стараться не повторять уже совершенные ошибки. Но для этого историю нужно, по крайней мере, знать.

Жизнь показала, что любой национализм густо замешан на чувстве собственной неполноценности и невежестве. Поэтому я не понимаю людей, с гордостью называющих себя националистами, будь то русские, татарские, украинские или любые другие. Если ты не уважаешь и презрительно относишься к чужой культуре, кичишься собственным происхождением (в чем, кстати, нет никакой твоей заслуги!) ты действительно являешься националистом и просто неграмотным человеком, обойденным в свое время полноценным образованием. Если же ты видишь свою страну в составе огромной и красочной мозаики мировых цивилизаций, гордишься ее вкладом в человеческую культуру и историю – ты патриот, а твое чувство собственного достоинства не зависит от унижения других народов. Поэтому не случайно в последнее десятилетие столько сил и средств было потрачено, чтобы очернить и извратить содержание патриотизма и сместить его акценты в сторону национализма. Родина и национальность не должны противостоять друг другу, так как очень часто они не совпадают в пространстве.

Пока мы не воспитаем уважительного отношения к памятникам своей страны, пока каждый гражданин не будет иметь хотя бы общего представления об их ценности и значении, вряд ли следует ожидать нравственного выздоровления народа и процветания государства. Если же все будет продолжаться по-прежнему, то уже в обозримом будущем мы рискуем вообще остаться без исторического наследия. Образование, наука и культура – вот три кита, которые вытянут Россию из кризиса. Почему наши чиновники никак не освоят этих простых истин?

Спонсорство или меценатство?

Четыре есть приметы
У доблестных людей.
Коль их в душе отыщешь,
Найдешь и доблесть в ней.
Одна зовется – щедрость.
Когда разбогател,
Умей дарить без меры
И в меру жить умей!
А.Анвари, XII век н.э.

Начиная с римского патриция Мецената, своим именем собственно и давшего название этому явлению, меценатство являлось прерогативой исключительно богатых, скорее даже очень богатых людей. Судя по обилию дорогих иномарок на улицах наших городов потенциальных меценатов у нас – пруд пруди. Вот только жертвовать на науку и искусство никто особо не спешит. Раньше новоявленное сословие капиталистов подсознательно в быту и поведении хотело быть таким же, и даже лучше предыдущего правящего сословия – дворянства. Поэтому и старалось

«переплюнуть» аристократию, как в быту, так и в благородных поступках. Нынешним же олигархам и «новым русским» брать пример не с кого – предыдущих номенклатурных хозяев жизни образцом благородства и аристократичности не назовешь. Да и сегодняшние «денежные мешки» в основном из тех самых партийных и комсомольских боссов и происходят. Они вряд ли способны поделиться своими доходами ради преумножения культурного и исторического достояния своей страны. Скорее наоборот. Достаточно вспомнить, как «совершенно случайно» уничтожаются археологические или архитектурные памятники, если они мешают возведению какого-нибудь элитного дома или казино.

Можно лишь поражаться широте взглядов и разносторонности наших предшественников – «отцов» провинциальных губернских городов и некоторых русских капиталистов. В суматохе ежедневных хозяйственных забот они могли посмотреть в будущее и не нуждались в лекциях о значении культуры или науки. Они действительно любили свою малую родину и стремились сделать ее более привлекательной. Немало я повидал музеев, рожденных инициативой крупных промышленников, чиновников или меценатов прошлого века. Они навсегда вписали себя в историю родных городов. Ведь имена Павла Михайловича Третьякова, Алексея Александровича Бахрушина или Саввы Ивановича Мамонтова вошли в русскую историю не в качестве богатых и успешных предпринимателей, а в первую очередь как бескорыстных меценатов и патриотов своей страны.

Куда же они пропали в конце XX столетия? Почему современные временщики у власти не задумываются, что человеческая жизнь быстротечна, а все украденное в могилу не заберешь? Воруют, суетятся, покупают супердорогие виллы и строят безвкусные «замки», в которых никогда не живут, принимают законы, чтобы украденное не пришлось возвращать, и совсем не думают о том, какую оставят о себе память. Прав был Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда писал: «Если мы верим, что не оставим по себе памяти, тогда и делать можно что угодно, живя мгновением. А нам необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни... Хранить память о других – это оставлять добрую память о себе. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране». К сожалению, эти слова особенно актуальны сегодня.

Нужный «Закон о меценатстве» не изменит кардинально ситуацию. В его основе должны быть заложены экономические рычаги, позволяющие потенциальному благотворителю экономить на налогообложении. Это вполне здравая, но далеко не бескорыстная идея. Поэтому спонсорство и меценатство качественно различные понятия. Ведь меценатство – это состояние души, когда благотворительность приносит человеку искреннюю радость и моральное удовлетворение, не нуждающееся в какой-либо рекламе. В России есть «физические лица», которые подобно Дж. Соросу уже заработали больше, чем смогут потратить. Но где же они?

К сожалению, интерес к науке и культуре, желание оказать посильную помощь образованию, мягко говоря, не очень характерны для доморощенных олигархов и современного политического «бомонда». По моему глубокому убеждению, именно равнодушие к своим корням и прошлому своего народа самой короткой дорогой ведет к деградации любого, даже самого благополучного общества. Отсутствие государственной идеологии, презрение к собственной истории и национальному достоянию лишают нас какой-либо исторической перспективы. И все разговоры о том, что уже «виден свет в конце туннеля» действительно соответствуют истине. Только этот свет от мчащегося нам навстречу локомотива истории и технического прогресса, который окончательно сметет страну на обочину цивилизации.

Не стоит государству уповать на отечественных толстосумов и пытаться переложить на них свои обязанности. Не хотят они решать эти проблемы. Покупка очередного самолета или зарубежного футбольного клуба приносит им гораздо больше морального удовлетворения, чем финансирование какой-нибудь научной программы или строительство музея, пусть даже своего имени. Они самодостаточны в своей ограниченности и не нуждаются в хорошей памяти о себе.

В то же время определенный перелом наступает. Может это заблуждение, но мне кажется, что в СНГ уже появилась плеяда руководителей высшего ранга, которые отдают себе отчет в этих вопросах. Посещение В.В.Путиным археологических раскопок в старинных русских городах произошло впервые после аналогичных визитов российских императоров. Судя по сообщениям прессы, Н.Назарбаев особое внимание уделял музейному строительству, и в частности, уникальным археологическим коллекциям Казахстана. На Украине знают, что В.Ющенко отдыхал, реставрируя трипольскую керамику медно-каменного века. Наконец, Президент Приднестровской Молдавской Республики И.Смирнов подарил археологам новый автомобиль и выделил дополнительные средства на исследования. Подобные примеры обнадеживают, так как отражают понимание главами государств значения науки.

Но многие нужные решения тормозятся на исполнительском уровне. «Реформаторы» не только хотят резко сократить расходы государства в области научного и культурного строительства, но и вообще не прочь переложить их на другие плечи, наивно уповая на спонсоров и меценатов. Но они должны понимать, что государство существует для человека, а не человек для государства. Преступно перекладывать на народ заботы о театрах и музеях, бросать университеты, институты и лицеи на са-

мофинансирование, планируя при этом резко сократить их количество. Большинство из них просто не выживет в рыночной стихии. В этом случае возникает закономерный вопрос: на что будет тратиться государственный бюджет, если он не пойдет на социальные нужды, на поддержание науки, технического прогресса, искусства и образования?

Хорошо, если у нас когда-нибудь появятся настоящие меценаты – образованные люди, болеющие за свою страну и желающие оставить свой след в ее истории. Но они должны лишь поддерживать и помогать соответствующим государственным структурам в их работе в этом направлении. Вопросами сохранения культурного наследия, в первую очередь, должно заниматься государство, которое не будет перекладывать свои заботы на редких спонсоров и пока еще не родившихся меценатов.

«Дерзость, что нарушает линию равнин»

Держитесь,
милые мои холмы, курганы!
Не великаны и не исполины,
корнями зацепитесь
и держитесь…
И я, ваш гордый сын,
хочу оставить внукам
и вашу невозделанность
и дерзость,
что нарушает линию равнин.
Л.Левчев, 1985

После окончания раскопок не раз ловил себя на мысли, что прекрасный природный ландшафт теряет частицу своей души и очарования, когда на месте курганной насыпи остается ровное и унылое поле. Обветренные и омытые бесчисленными дождями, просевшие под тяжестью столетий, курганы устояли перед временем, но оказались бессильными перед потомками своих строителей. Они стали неотъемлемой частью культуры, сменявших друг друга народов. За прошедшие столетия они превратились в составную часть пейзажа России и соседних стран. Ровесники древнейших мировых цивилизаций, курганы являются реальным и осязаемым звеном в духовной связи поколений, они способны остановить человека и заставить его хотя бы на миг представить свою жизнь в пространстве и вечности.

В Европе не так много мест, где еще сохранилось столь значительное число самых различных археологических памятников, включая и тысячи курганов. Длительное время они возвышались в первозданном виде, но в последние два столетия стали подвергаться постепенному и неуклонному уничтожению. Ежегодные распашки приводят к нивелировке рукотворных насыпей, а различное строительство еще несколько лет назад заставляло археологов исследовать все попадающие в его зону исторические объекты. В первую очередь раскопкам подвергались курганы. При этом не учитывалось, что они являются неотъемлемой, а нередко и единственной частью сохранившегося исторического ландшафта. В настоящее время повсеместно происходят процессы, ведущие в итоге к полному уничтожению окружающей нас не только экологической, но и исторической среды. Этот процесс нарастает не только в старинных городах и других населенных пунктах, но и далеко за их пределами.

Мне приходилось видеть в Болгарии и Румынии огромные курганные насыпи, которых ни разу не касался плуг. Их специально оставляют посреди полей как необходимую часть исторического ландшафта. В Скандинавских странах и в Германии после раскопок немногочисленных сохранившихся курганов их восстанавливают вновь. Причем нередко эту работу совместно с учеными проводит и местное население, которое не представляет, чтобы эти археологические памятники бесследно исчезли из их жизни. Наиболее ценные памятники в Англии и Швейцарии после раскопок специально консервируют и на их месте сооружают современные павильоны, предохраняющие эти объекты от разрушения. Как правило, они становятся центрами туризма и приносят местным властям немалый доход. Подобных туристических центров немало сегодня и в других странах. Вслед за Западной Европой они стали появляться и на Востоке.

В Румынии я несколько раз посещал археологический комплекс в селе Никулицел, где ведутся исследования одной из наиболее ранних в Восточной Европе христианских гробниц. Ее перекрыли специальным зданием, внутри которого вот уже не один год продолжаются раскопки. Одновременно этот комплекс является и известным маршрутом, куда возят своих и зарубежных туристов. В марте 1974 года в уезде Линьтун в Китае местные крестьяне случайно обнаружили уникальную гробницу Цинь Ши Хуанди – первого императора, объединившего страну. В ней оказалось более 8 тысяч глиняных воинов, вылепленных в натуральный рост. Китайские власти превратили гробницу в национальный музей, который получил мировую известность. В огромном архитектурном комплексе, перекрывшем этот выдающийся памятник, до сих пор продолжаются археологические исследования и реставрационные работы.

В Италии известен случай, когда было решено перенести в другое место строительство крупной электростанции только потому, что на строительной площадке был найден маленький этрусский могильник. До этого же никакие протесты местного населения во внимание не принимались. Во Франции специально изменяют трассы скоростных автомагистралей, если в зону строительства попадает важный археологический объект, требующий многолетних исследований. Наконец, в Греции или Египте невозможно представить, чтобы велись земляные работы без согласования с археологическими службами. Мало того, в Греции без заключения археологов, нельзя даже достроить второй или третий этаж в собственном доме. По мнению властей, новое строительство может изменить сложившийся исторический пейзаж.

Возможно ли такое отношение к историческим памятникам в России? В настоящее время это

маловероятно, хотя и необходимо. Для этого надо приложить немало усилий для изменения нашего менталитета к собственному прошлому. Ведь дух его разрушения родился не при Советской власти. Так, известный писатель и переводчик, член Российской Академии И.М.Муравьев-Апостол еще в 1820 году писал о греческой колонии Ольвии: «Все изрыто здесь! все ископано! увы! нет покоя и праху бедных ольвиополитанцев от потомства угнетавших некогда их варваров. Вместо того, чтобы, следуя методе, систематически делать ископания, здесь мужик с заступом идет куда ему заблагорассудится добывать денежек и горшков. Разроют ли где могилу и найдут ли основание здания; тут берут камень на строение, мрамор на известь... Нельзя в этой картине без ужаса видеть, что то, чего не успело и все разрушающее время, то довершается теперь рукою невежества!»

В 1825 году А.С.Грибоедов, побывав на руинах Феодосии, с горечью отметил варварское отношение к памятникам древности в Крыму: «...ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрытого, не перекопанного. – Что ж? Сами указываем будущим народам, которые после нас придут... как им поступать с бренными остатками нашего бытия».

На открытии первого заседания Московского археологического общества один из его основателей граф А.С.Уваров, в частности, заявил, что к 1864 году русская археология «не сложилась еще в стройную, правильную науку... не от недостатка материалов, а от какого-то векового равнодушия к отечественным древностям. Не только мы, – подчеркивал он, – но и наши предки не умели ценить важности родных памятников, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи. Такое равнодушие и доселе часто проявляется в русской жизни и вредит, к несчастью, не одной археологии».

Последние раскопки в недавно сгоревшем Манеже в Москве отразили более глубокие корни этого, мягко говоря, своеобразного отношения наших предков к своим предшественникам. Здесь была обнаружена деревянная мостовая Тверской дороги. Выяснилось, что ее проложили в XVII веке через более древний погост прямо по костям. Сваи для дороги шли по кладбищу и, что поразительно, мостовая как кольями была укреплена берцовыми и бедренными костями москвичей. Эта страшная деталь не только характеризует нравы времен Смуты, но и лишний раз показывает наше традиционное отношение к своим же предкам. Вот от таких традиций и необходимо избавляться в первую очередь!

Крупный русский археолог Н.И.Веселовский както заметил, что «в России можно найти древности почти всех времен, почти всех народов – от примитивных орудий каменного века до изделий неподражаемого по изяществу и технике художественного творчества классического мира, от древней клинописи Ассирийского царства до писанцев, уцелевших на утесах сибирских гор...» Нам, наконец, надо обратить самое пристальное внимание на сохранение уникального исторического ландшафта южных регионов страны и Сибири. Его своеобразие в значительной степени определяется большими и малыми курганными насыпями, которые до сих пор хранят сотни тысяч изделий древнего ремесла и искусства. Не приходится уже говорить об их исторической ценности.

Именно поэтому в настоящее время необходимо пересмотреть свое отношение к этим архитектурным сооружениям древности. Недостаточно лишь декларировать, что все курганы находятся под государственной охраной. Наиболее крупные из них, никогда не подвергавшиеся из-за своих размеров распашке, необходимо оставлять нетронутыми. Возле них желательно установить не только охранную зону, но и мемориальный знак с краткой исторической информацией и условиями охраны. Тем самым мы, хотя бы частично, сохраним своеобразие собственной страны. В противном случае мы рискуем получить однообразный урбанистический ландшафт, лишенный каких-либо исторических ориентиров.

Убежден, что последующие поколения более разумно разберутся с этими памятниками. Преступно уничтожать бесплатно доставшиеся нам памятники археологии и культуры. Не стоит также торопиться и со сплошным исследованием всех курганов, даже если они и попадают в зоны современного строительства. Пусть сердца прошедших поколений продолжают биться в наших степях!

Мистика древних курганов или вместо заключения

...Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц,
Есть много светлых дум, погибших, погребенных, –
Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинать безумными словами!
О тени прошлого, как властны вы над нами!

В.Брюсов, 1898

Посещая одну законсервированную археологами гробницу в древнегреческой колонии Каллатис, обратил внимание на надпись у входа: «Приходи в гости, здесь хорошо»! И действительно, глубоко под землей, разглядывая сочную и жизнерадостную настенную живопись, неожиданно испытал хорошее настроение при встрече с этим неизвестным греком, наверняка, жизнелюбом и эпикурейцем, который радостно прожил жизнь и с юмором отнесся к смерти. Выйдя из склепа на солнечный свет, как бы заново ощутил красоту окружающего мира, получив заряд оптимизма на целый день.

Совершенно другое, тягостное чувство оставляет посещение современных городских кладбищ. Огромные поля без зелени, типовые надгробия, сиротливые ряды могильных холмиков и серые коробки крематориев вызывают у любого нормального человека чувство протеста и желание быстрее покинуть это место. Кроме того, над ними витает тяжелый дух обреченности и тоски, который можно объяснить лишь большим количеством преждевременно умерших

и захороненных здесь людей. То ли дело старинные сельские погосты или городские некрополи прошлых веков! Здесь не только возникает чувство умиротворения и покоя, но и хорошо думается среди мраморных и гранитных надгробий и деревянных крестов. Увитые плющом старинные памятники пострадали от времени и часто от современных вандалов, но до сих пор повествуют о сроках жизни, содержат слова прощания и наставляют живущих, заставляя вспомнить об ушедших эпохах и невольно задуматься о собственной жизни.

Подобные чувства возникают и при встрече со степными курганами. «В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были», – проникновенно написал в конце XIX века Иван Бунин. Загадочные степные исполины вызывали восхищение их неведомыми создателями и будили воображение людей. «Попадается на пути молчаливый старик-курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землею ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки нянькистепнячки и все то, что сам успел увидеть и постичь душою, – писал А.П.Чехов в повести «Степь». – И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах... начинает чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни».

Впервые выехав в экспедицию еще школьником, я обратил внимание на ряды аккуратных насыпей, тянувшихся вдоль дороги посреди пустынного степного пейзажа. «Ничего интересного, – объяснили мне старшие товарищи, – под ними древние погребения, но почти нет находок: какие-то медные вещички, грубые горшочки, и все. Копать их не интересно, то ли дело поселения!» Теперь я понимаю, насколько они были далеки от истины! Ведь значительная роль в сохранении наследия самых разных народов принадлежит именно курганам. А если говорить о культурах кочевников и скотоводов, то, как правило, только они и доносят до нас информацию об этих народах. Древние насыпи сумели противостоять времени и сберечь основную часть тех богатств, которые когда-то были оставлены под ними. Если бы не курганные древности, мы бы никогда не узнали о существовании десятков безымянных кочевых племен и даже крупных сообществ, считавших в различные эпохи нашу землю своей родиной. Ведь именно раскопки степных пирамид отразили целый спектр различных и ранее неизвестных археологических культур.

Только со временем начинаешь понимать, что же представляют собой рукотворные земляные холмы, пока еще в изобилии встречающиеся в наших степях. Вероятно, они хранят не только останки давно ушедших людей и следы их материальной культуры, но и что-то гораздо большее. В первую очередь они сохраняют дух этих народов, энергетику ушедших поколений, их биополе, которое мы пока не умеем понять, но можем реально почувствовать. Создается впечатление, что каждый подобный памятник имеет не только свою судьбу, но и свой характер. Иногда он подает сигналы в виде «горящего золота», уходящих под землю кладов, встающих из могил мертвецов и различных привидений. Нисколько не сомневаюсь, что появлению этих легенд и преданий предшествовали определенные реальные события. Иногда он наказывает своих расхитителей, оставляя некоторых из них навсегда в своих недрах. Иногда просто призывает взойти на свою вершину и задуматься.

Все же курганы – мистические сооружения древности! Нередко с курганными находками происходят поразительные вещи. Когда нашли золотую гривну, многие захотели сфотографироваться с ней на шее. С весельем делались фотографии, которые потом с гордостью показывались друзьям и знакомым. Но что интересно и, возможно, не случайно. Очень скоро все женщины, которые примеряли на себе это украшение, почти одновременно заметно постарели и потеряли свою привлекательность. Ведь не нормально, когда через несколько лет они выглядели на двадцать лет старше. Показателен пример двух сестер, работавших поварихами в экспедиции. Младшая покрасовалась в гривне и очень гордилась полученной фотографией. Старшая же в это время отсутствовала и очень горевала, что не увидела находку. Сегодня она еще крепкая, «кровь с молоком» женщина, а ее младшая сестра по виду годится ей в матери. Как это можно объяснить – я не знаю! И это притом, что с мужчинами не произошло никаких изменений...

Как, например, объяснить то странное чувство, которое возникло у меня однажды при находке впускного сарматского погребения. Оно находилось в насыпи одного из курганов, и стоило только приступить к расчистке, как я уже точно знал, что здесь лежит молодая и красивая женщина. Во время работы я почти воочию видел ее размытый облик и до сих пор помню необъяснимое ощущение ее присутствия. Не сомневаюсь, что это была миниатюрная прекрасно сложенная девушка из зажиточного сарматского рода. Как бы в подтверждение этого, из-под кисточки постепенно появлялись бронзовое круглое зеркальце, богатое, со вкусом подобранное ожерелье из полудрагоценных камней, изящные сережки из бронзы и остатки бисера из расшитых ими мягких кожаных сапог. Самое поразительное, что антропологи точно подтвердили мои ощущения: женщине действительно было 18–20 лет, и ее рост не превышал 160 сантиметров. Но я знаю гораздо больше. Она была еще модницей и хохотушкой, любила украшения и красивую одежду, прекрасно ездила на коне. Откуда знаю? Не могу объяснить, но почему-то в этом твердо уверен! Ее лицо размыто, но длинные стройные ноги, ладная фигурка и красочная свободная одежда отчетливо проявились где-то в подкорке сознания. Подобные ощущения ни до,

ни после этого случая со мной не повторялись, но об аналогичных ощущениях рассказывали мне некоторые коллеги.

Близким к ним могу назвать лишь свои «отношения» со скифским царем, пластическую реконструкцию которого выполнили в Полтаве. Почти у всех, кто видел его бюст, возникали различные, но сильные впечатления. Так, одна из журналисток газеты пожаловалась, что после написанного репортажа, царь снился ей несколько ночей, и ее еще долго мучили кошмары. У меня же его портрет вызывает неосознанную симпатию и стойкое впечатление, что она взаимна. В этом же мне признался и автор реконструкции.

Можно не обращать внимания на различные странности, происходящие при раскопках, но когда начинаешь их анализировать, невольно задумываешься. Видимо не случайно, в те два года активных исследований, которые еще по инерции продолжались после развала страны, в Молдавии были сделаны редчайшие открытия могильника меднокаменного века, киммерийского кургана и богатейшего аланского захоронения. Почему-то такого изобилия находок не наблюдалось за последние десятилетия.

Ошибался английский философ XVII века Томас Гоббс, когда описал первобытного человека как живущего без искусства, письма и общества, а его жизнь как «одинокую, нищую, ужасную, дикую и короткую». В его определении есть лишь одна истина: действительно, продолжительность жизни наших предков зачастую была значительно меньше современной. Но материалы курганов показывают, что наши предки жили полнокровной и по-своему прекрасной и чистой жизнью. В полном согласии с природой, в бесхитростном общении друг с другом и окружающим миром, они жили сегодняшним днем, почти не задумываясь о будущем. При этом они не были лишены сильных чувств и страстей, добродетелей и пороков. Они унесли их с собой в вечность, сконцентрировав свою память в курганах и оставив ее для расшифровки последующим поколениям.

Не случайно один из первых русских археологов, далекий от сентиментальности киевский профессор Федор Иванович Кнауэр неожиданно в сугубо научной работе написал: «Курганы возвышаются как живые памятники давно минувших времен и исчезнувших поколений и как будто говорят: раскройте нас и вы найдете наше сердце!» Видимо обаяние, и скрытая энергетика этих памятников оставила след и в его душе. И это не удивительно! Очарование курганов испытали турецкий путешественник и венецианский дипломат, русский граф и отставной штабс-капитан, польский ученый в Москве и директор народных училищ в Кишиневе, херсонский землевладелец и бессарабский крестьянин... Подобные имена можно перечислять бесконечно, не говоря уже о профессиональных археологах прошлого и настоящего.

Как-то незаметно курганы вошли в нашу жизнь и совсем ненавязчиво влияют на нее. Мы почти не обращаем на них внимания, но невольно отмечаем, что эти древние холмы оживляют степной пейзаж. Свой след они оставили и в топографии. Курганная батарея Раевского на Бородинском поле, город Курган в Сибири, село Курган в Одесской области, Курганные улицы и переулки в ряде южных городов неожиданно напоминают об этих памятниках. Курганы вошли в русскую и мировую поэзию, литературу и фольклор, нередко они изображены на картинах знаменитых и малоизвестных художников, встречаются на официально утвержденных гербах и отмечены на топографических картах. Только в русской литературе о них писали А.С.Пушкин и М.Ю.Лермонтов, А.К.Толстой и Т.Г.Шевченко, П.А.Вяземский и И.А.Бунин, В.Я.Брюсов и М.А.Волошин. В их названиях отразился огромный и практически не исследованный пласт народного творчества, связанный с историческими событиями, национальными поверьями, легендами и преданиями.

На курганах иногда возникает особое чувство, благодаря которому ты начинаешь понимать очарование дикой степи. Если отрешиться от современности, при желании можно услышать топот и ржание степных табунов, шуршание под ветром никогда не кошеной травы и гортанную песню далекого кочевника. Прекрасно о подобном чувстве, охватившем его на кургане, написал И.А.Бунин: «Курган был дикий, еще ни разу не тронутый плугом. Время его, думал я, навсегда проходит: в вековом забытье он только смутно вспоминает теперь далекое былое, прежние степи и прежних людей, души которых были роднее и ближе ему, лучше нас умели понимать его шепот, полный от века задумчивости пустыни, так много говорящей без слов о ничтожестве земного существования... Песни степей заунывны и тихи, потому что они родились в душе одинокого кочевника, когда лежал он на старом могильном кургане, видел молчаливое небо и тосковал невыразимой тоскою, чуял невнятный голос природы, говорящей нам, что не на земле наша родина.

Я все время думал о старине, о той чудной власти, которая дана прошлому. Откуда она и что значит? Не в ней ли заключается одна из величайших тайн жизни? И почему она управляет человеком с такой дивной силой?» Пожалуй, лучше не скажешь.

❑

ЛЮДИ КАК БОГИ

Портреты знаменитых правителей Древнего мира на монетах в святилище южной Таврики

Наталья НОВИЧЕНКОВА

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Ялтинского историко-литературного музея, доцент Гуманитарно-педагогической академии Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Автор двух монографий и 150 научных статей, археологических экспозиций в Ялтинском историко-литературном музее, в том числе Золотой кладовой, лауреат премии имени А.П.Чехова.

Иллюстрации на 3, 4 страницах обложки.

Ровно сорок лет назад в Крыму, в 1981 году, неожиданно для научного мира было сделано важное открытие нового археологического памятника – святилища у перевала Гурзуфское Седло, положившее начало исследованиям оригинальной ритуальной культуры, которая развивалась на Главной гряде Крымских гор. Траншея строящегося газопровода перерезала культурный слой, насыщенный костями жертвенных животных, золой, керамикой и многочисленными древними предметами. Строители с их мощной землеройной техникой ничего не заметили и пошли дальше, а лесники стали подбирать в траншее находки, о чем узнал краевед Иосиф Дмитриевич Дроздов, сообщивший об обнаружении святилища в Ялтинский музей. На место выехали археологи, получив разрешение на проведение археологических раскопок и организовав работу большой археологической экспедиции. Они отправились в горы на три недели, а остались на полгода. Культурный слой оказался настолько насыщен многочисленными мелкими предметами, что святилище приходилось раскапывать буквально ножами. Работа растянулась на целых десять полевых сезонов, полевые исследования проводились по специально разработанной для этого памятника методике.

Традиционно Главная гряда Крыма считалась едва ли не самым глухим районом Таврики, удаленным от оживленных сухопутных путей и античных центров. Здесь обитали племена тавров, прославившиеся своими страшными обычаями. С этими местами древние греки связывали миф об Ифигении. Результаты раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло стали полной неожиданностью для исследователей истории и культуры античного Крыма. Большую часть жертвенных приношений составляли предметы античного импорта, многие из которых и в древности имели высокую художественную и материальную ценность. Среди находок – великолепно сохранившиеся серебряные и бронзовые статуэтки божеств, монеты, на которых представлена целая портретная галерея античных правителей, украшения, оружие, инструменты, принадлежавшие людям различных профессий, стеклянная, глиняная металлическая посуда и т.д.

Святилища, главной функцией которых была сакральная защита обитаемой территории, важных коммуникаций и границ, не могли создаваться на пустующих землях. На церемонии жертвоприношения собиралось много людей, жителей Горного Крыма, которых античные авторы с рубежа нашей эры называли скифо-таврами. Когда-то здесь дымились костры, стекала кровь жертвенных животных, из импортных стеклянных и серебряных сосудов совершались ритуальные возлияния. В специально выкопанные жертвенные ямки помещали пожертвованные богам ценные предметы, в том числе бронзовые и серебряные статуэтки женских божеств – покровительницы охоты Артемиды, владычицы гор и диких зверей Кибелы, богини судьбы Тюхе, а также монеты античных государств. На площадках, подготовленных для обрядов сожжения и вотивных даров, помещались металлические статуэтки мужских божеств – Зевса, Посейдона, Гермеса, Аполлона и снова античные монеты. Жрецы из среды военизированной элиты населения

Раскопки святилища у перевала Гурзуфское Седло. *Фото 1983 г.*

Таврики руководили обрядами жертвоприношения, следили за правильностью исполнения ритуалов.

Хорошая сохранность культурного слоя предоставила возможность выделить несколько периодов истории святилища, в течение которых в ритуалах жертвоприношения наряду с другими предметами использовались монеты, образующие определенные хронологические группы. Всего на памятнике было обнаружено 313 античных монет, среди которых 138 экземпляров принадлежало Риму, 100 экземпляров – Боспорскому царству. Другие центры, в том числе Херсонес, были представлены единичными экземплярами. Попадая в святилище, монеты теряли свою денежную сущность и, превращаясь в вотивы, исполняли сакральную функцию.

Затерянная в горах небольшая площадка шириной 40–50 м оказалась связанной таинственными и неведомыми путями с огромным, уходящим за горизонт окружающим миром. Поэтому в находках с Гурзуфского Седла в той или иной степени отразились различные явления жизни античного общества и события, связанные с жизнью и деятельностью знаменитых людей. Создается впечатление, что люди, совершавшие жертвоприношения в святилище на далекой северо-восточной периферии античной цивилизации, хорошо разбирались в происходивших в мире изменениях и приносили в святилище монеты новых правителей, чтобы зафиксировать смену политической власти. Производился осознанный их отбор, особенно заметно использование не бывавших в употреблении монет, изготовленных из драгоценных металлов. В силу помещенных на них портретных изображений, монеты олицетворяли конкретных властителей, на которых можно было пытаться воздействовать посредством сакральной силы святилища.

Великолепно сохранившиеся монеты представляют целую галерею выразительных портретов обожествленных античных правителей, которые воспринимались их подданными как боги среди людей. Монеты в силу их малой величины и портативности были наиболее удобным средством политической пропаганды государственного культа, который распространился в эпоху эллинизма и получил дальнейшее развитие в Римской империи. Большинство греческих и римских монет, найденных в святилище, отличается удивительной красотой, вкусом и изяществом. Лучшие художники, резчики камей и гемм участвовали в изготовлении штемпелей. Искусство резьбы монетных штемпелей высоко ценилось в античном мире, считалось не ремеслом, а подлинным искусством, приближающимся по своему характеру к глиптике – резьбе по камню.

Регулярное поступление монет в святилище у перевала Гурзуфское Седло начинается с рубежа II–I вв. до н.э., в период, когда тавры в качестве союзников участвовали на стороне Митридата VI Евпатора в войнах с Римом, наряду с другими варварскими народами Северного Причерноморья. Вместе с медными монетами Амиса, серебряными тетрадрахмами с портретом Митридата Евпатора – замечательными памятниками античного изобразительного искусства, в святилище поступают золотые статеры так называемого лисимаховского типа с портретами Александра Македонского, которые чеканились в правление Митридата в городах Византий и Каллатис, вошедших в черноморскую державу, созданную понтийским царем.

На лицевой стороне – портрет обожествленного Александра Македонского. На оборотной стороне изображена сидящая на троне Афина, держащая в вытянутой руке Нику. Лисимах, друг и телохранитель Александра, после его смерти стал царем Фракии и начал выпускать монеты с портретом Александра Великого. Подобные золотые монеты чеканили и другие эллинистические государства, в том числе Понтийское царство в период правления Митридата VI Евпатора (120–63 гг. до н.э.).

Митридат во всем старался подражать Александру Великому. На лицевой стороне тетрадрахм мы снова видим изображение головы царя с длинными развевающимися кудрями, взгляд обращен к небу, что подчеркивает его связь с божествами. На оборотной стороне помещены изображение венка, символа Диониса, наклонившегося к воде Пегаса, звезды и месяца, года 225, монограммы.

Вторая значительная по количеству и разнообразию состава нумизматическая группа состоит из 35 римских республиканских и римских провинциальных серебряных монет II–I вв. до н.э. Монеты относятся к периодам первого и второго триумвирата, гражданской войны в Риме 49–45 гг. до н.э., диктатуры Юлия Цезаря, начала правления Октавиана. Среди них денарии походных военных чеканов таких известных политиков и полководцев, как Луций Корнелий Сулла, Гай Юлий Цезарь (в том

числе времени завоевания Цезарем Галлии с портретом галльского вождя Верцингеторикса). В портретной галерее – Марк Антоний, Октавиан и Марк Випсаний Агриппа. Появление в составе даров в святилище римских монет военных чеканов наряду с предметами римского военного снаряжения позволяет рассматривать данные пожертвования как трофеи, захваченные варварами в период проведения римлянами военных акций в Северном Причерноморье, в частности неудачной попытки Юлия Цезаря навязать Боспору в качестве царя Митридата Пергамского и успешной политики Октавиана Августа по воцарению Полемона на боспорском престоле.

Интересную группу нумизматических находок из святилища представляют серебряные монеты крупного номинала – кистофоры Марка Антония и Октавиана Августа, которые выпускались с 39 г. до н.э. в Пергаме и Эфесе, в период второго триумвирата и после победы Октавиана над Марком Антонием в 30 г. до н.э. Кистофор (лат. Cistophorus; др.-греч. Κιστοφόρος – носящий изображение ларца или корзины) – название серебряной монеты, разновидности тетрадрахмы, имевшей хождение на территории Малой Азии во II–I вв. до н.э.

На лицевой стороне одного из кистофоров 39 г. до н.э. из г. Эфеса изображен портрет Марка Антония и Октавии, на оборотной стороне – киста и две змеи. Изображен один из атрибутов поклонения Дионису – священный ларец (Cista Mystica) цилиндрической формы. Марк Антоний, полководец и крупный политический деятель Рима, в период Второго триумвирата женился на Октавии, сестре Октавиана. Он отвечал за управление восточными провинциями Римского государства (в том числе в Малой Азии, где чеканились кистофоры) вплоть до своего поражения от Октавиана и гибели в 30 г. до н.э.

Кистофоры его политического противника Октавиана несут на оборотной стороне изображения различных сакральных символов. На лицевой же стороне неизменно представлен портрет Августа. Октавиан Август – принцепс, первый римский император (годы правления – 30 г. до н.э. – 14 г. н.э.), в 27 г. до н.э. принял титул Август (возвеличенный). Во всех провинциях Августу посвящались храмы. В огромном архитектурном ансамбле – Пантеоне, храме всех богов, построенном Агриппой, были установлены статуи Цезаря и Августа, что уподобляло их богам – Венере, Марсу, Аполлону, демонстрировало идеи слияния дома Юлиев-Клавдиев с римским государством. Культ императора существовал повсеместно.

Август гордился тем, что при нем завершились гражданские войны и был установлен мир, что он принял мир кирпичным и оставил его мраморным, воплотил идею возвращения «золотого века». Его воспевали во всех видах официального искусства – Гораций, Овидий, Вергилий. Создавалось большое количество парадных бюстов Августа и его супруги Ливии, которые развозили по всем городам римской империи и даже устанавливали в домах знати. Но самым удобным средством политической пропаганды обожествленного правителя оставались монеты. Портрет Августа все более и более идеализируется. На оборотной стороне кистофоров Августа помещались триумфальная арка, богиня Мира с кадуцеем в руке, пучок колосьев, козерог, алтарь Дианы с изображением двух ланей, богато украшенный лентами-тениями и гирляндами. В эпоху Августа кистофоры имели в первую очередь коммеморативное значение и являлись больше средством официальной пропаганды в Римской империи, чем торговой монетой.

С середины I в. до н.э. фиксируется резкое увеличение боспорских монет в святилище у перевала Гурзуфское Седло. Об усилении политического влияния Боспора на варварское население Таврики свидетельствует поступление в святилище, одновременно с монетами Рима, бронзовых (17 экземпляров) и золотых (3 экземпляра) монет Боспорского царства. В их числе статеры Асандра 31 и 24 гг. до н.э., уникальный статер 20 г. до н.э. его супруги и внучки Митридата VI Евпатора Динамии. Также не исключено, что римские серебряные, а со времени правления Тиберия и золотые монеты, могли попадать в святилище как часть римских денежных субсидий, направлявшихся на Боспор с целью замирения варварского окружения. В любом случае, скифо-тавры, очевидно, на рубеже нашей эры являлись заметной силой, с которой считались правители Боспора.

Монеты с изображением царей Боспора появляются в святилище при Асандре, в правление которого укрепляется влияние этого государства в Южной Таврике. На лицевой стороне статера Асандра помещена голова царя в диадеме вправо. На оборотной – размещены титул Асандра и изображение богини победы Нике с венком и ветвью, стоящей на проре – носу корабля.

На рубеже нашей эры святилище у перевала Гурзуфское Седло переживает расцвет. К 21–20 г. до н.э. относится уникальный статер Динамии. После смерти Асандра она стала правительницей Боспора. На лицевой стороне помещен бюст Динамии вправо, на обороте – звезда и полумесяц с обозначением титула царицы, дата 277 г. боспорской эры. Данный статер выпущен на четыре года ранее, чем известный статер Динамии, хранящийся в Государственном историческом музее в Москве (17 г. до н.э.), что позволяет уточнить даты правления Боспорским царством на рубеже н.э. В монете было пробито отверстие, что свидетельствует о ее использовании в качестве медальона. Подчеркнем, что Динамия – единственная женщина-правительница во всей истории государственных образований на территории Крыма.

С первой половины – середины I в. н.э. в святилище вместо статеров правителей Боспора стали приносить римские золотые монеты: императоров Тиберия, Клавдия, Нерона (2 экземпляра), Веспасиана (два экземпляра). Клавдий продолжил традицию изображения на монетах обожествленных предков из династии Юлиев-Клавдиев. На ауреусе Клавдия 41–45 гг. из Рима помещен посмертно портрет

его матери Антонии Младшей, которая после смерти Ливии была жрицей Августа и отравлена по приказу Калигулы. Клавдий чтил ее память и чеканил монеты с ее изображением.

Нерон в своей религиозной политике превратил культ императоров в династический общегосударственный культ. Поклонение дому Юлиев-Клавдиев слилось с идеями ромоцентризма и «золотого века». Семьи императоров превратились в государственные институты и были окружены сакральным почитанием. На Боспоре в честь императора был воздвигнут храм, и сам боспорский царь стал первосвященником культа императора. С начала правления Котиса I, утвердившегося на боспорском престоле с помощью римских войск, золотые статеры и бронзовые царей Боспора выпускались с портретами римских императоров, Клавдия, Нерона и членов императорского дома. Некоторые типы монет по внешним признакам сходны с монетами, чеканенными в Риме.

Уже отмечалось, что, несмотря на территориальную близость Херсонеса, монеты этого государства по сравнению с боспорскими монетами, представлены единичными экземплярами. В то же время необходимо подчеркнуть, что найденные на Гурзуфском Седле золотой статер 95–96 г. н.э. и субэратный статер 109 г. н.э. с изображением богини Партенос на реверсе уникальны, существенно пополнили группу из шести известных ранее статеров Херсонеса, хранящихся в крупнейших музеях мира.

Лицевая сторона херсонесского статера 95–96 г. н.э. с изображением мужской головы влево (видимо, римского императора), чеканена сильно изношенным штемпелем. На оборотной стороне изображена фигура богини Партенос в башенной короне, в длинной развевающейся одежде, с луком в левой руке и со стрелой, вынимаемой из колчана, в поднятой правой. Дата РК = 120 г. херсонесской эры. Дева – Партенос была наиболее почитаемым божеством в Херсонесе, первоначально изображалась в образе Артемиды. Когда Херсонес попал в двойную зависимость от Боспора и Рима и участились нападения скифо-тавров, Партенос стали изображать в виде грозной защитницы города. Монета была найдена на второй день раскопок святилища на Гурзуфском Седле в октябре 1981 г., в 50 см от борта траншеи газопровода Ялта – Алушта, в результате строительства которого был обнаружен памятник. До находки данной монеты в мире было известно шесть золотых монет античного Херсонеса, которые поступили в музеи от торговцев древностями.

Разнообразие нумизматических материалов из святилищ Горного Крыма, в первую очередь, из святилища на Гурзуфском Седле, позволяет проследить историю взаимоотношений Боспора, Херсонеса и Рима со II в. до н.э. по II в. н.э., степень участия в них варварского населения – тавров и скифотавров. Согласно нумизматическим данным, наиболее активным данное участие было во времена правления Митридата VI Евпатора (120–63 гг. до н.э.), в начале усиления римского военно-политического влияния в регионе во второй половине I в. до н.э. в правление Асандра, Динамии и Полемона, в период правления Митридата VIII и римско-боспорской войны 45–49 гг.

Подобное сосредоточение, куда большее, можно встретить в крупных нумизматических собраниях крупных музеев, а здесь в небольшом горном святилище были подобраны и пожертвованы монеты с портретами знаменитых правителей, которым поклонялись как богам. Их как бы специально отбирали для использования в качестве вотивов – предметов, даруемых божествам. На монетах с Гурзуфского Седла представлена галерея античных деятелей, начиная с Александра Македонского и заканчивая римскими императорами. На них мы также обнаруживаем множество изображений божеств и культовой атрибутики.

Удивительно, что на этом археологическом памятнике оказались представленными монеты всех боспорских царей и всех римских императоров, правивших в I в. до н.э. – I в. н.э. В «Золотой кладовой» Ялтинского историко-литературного музея экспонируются монеты Рима, Херсонеса, Боспорского царства, найденные в святилище у перевала Гурзуфское Седло на Главной гряде Крымских гор, что свидетельствует о контактах населения Горного Крыма с Боспором и о его участии в событиях, связанных со сложными взаимоотношениями Рима, Боспора, Херсонеса и варваров в период установления римского военного и политического влияния в Северном Причерноморье.

Великолепная сохранность античных монет с портретами знаменитых деятелей древнего мира – Александра Македонского, Митридата Евпатора, римских полководцев и императоров, связанных с историей римских завоеваний в Европе и на Востоке, с помещенными на них изображениями культовой атрибутики и божеств, дала возможность Ялтинскому историко-литературному музею принимать участие в международных выставках в странах Европы, организовать в Ялте стационарную выставку «Люди и боги на древних монетах».

Разнообразные материалы из археологических исследований в Горном Крыму, связанные с историей и культурой Древней Греции, Рима, Боспора, Херсонеса и местного варварского населения, являются важным историческим источником и ярким иллюстративным материалом. Они используются в проведении музейных онлайн занятий в рамках программы «Золотое кольцо Боспора», в разработке и усовершенствовании лекционных курсов в преподавании таких учебных дисциплин как «История Древнего мира», «Археология Крыма», «Античная цивилизация и ее место в истории Крыма», «Музеи Крыма».

❑

ГЕНЕЗИС ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ЗНАКОВ И СИМВОЛОВ НА ДРЕВНЕЙ МОЛДАВСКОЙ МОНЕТЕ «ГРОШ»

Стефан САДОВНИКОВ

Член Союза художников России, член Союза журналистов России. Автор десяти научно-исследовательских статей по средневековой геральдике Балкано-Карпатского ареала.

ТИПОЛОГИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ГЕРАЛЬДИКУ МОЛДАВСКОЙ МОНЕТЫ «ГРОШ» КОНЦА XIV – НАЧАЛА XVI ВВ.

Изучая, фиксируя и анализируя множество монетных эмиссий молдавской монеты «грош», мы не могли не заметить удивительного «геральдического» парадокса, заключающегося в том, что на аверсе монет расположен герб государственный, а на реверсе – династические (фамильные) гербы каждого из правящих воевод династии Мушат[1].

По известным классическим традициям средневековой Европы, герб правящей династии, как правило, становился гербом государственным. Исключения происходили только при замене династии, когда создавался временный параллелизм между старым княжеским гербом и гербом новых, пришедших на смену правителей. Впоследствии параллели исчезали – знаки династические и государственные совмещались[2].

Неординарный факт, так до сих пор не имеющий научного объяснения, установлен в геральдической практике феодальной Молдовы.

Первое достоверное свидетельство изображения геральдической фигуры головы древнего тура, изображенной на щите варяжского типа треугольной формы с чистым полем (данные польских архивов)[3], появляется на печати Петра I Мушат от 1377 г. Также установлено, что последующие за печатью монетные эмиссии Петра I Мушат (1375–1391) делят сложившееся геральдическое единство указанной печати на две композиции. На аверсе монеты располагается голова тура с сопровождающими его светилами, а на реверсе – щит с разнообразными геральдическими фигурами (таб. 1, 6).

Некоторые исследователи связывают дату начала чеканки молдавских монет с попыткой короля Польши Владислава II Опольского, правившего в Галицкой Червонной Руси, в 1377 г. подчинить себе княжество Молдова. Петр I Мушат начал чеканить свои монеты, желая этим актом экономического и политического значения продемонстрировать независимость Молдовы[4]. Автор согласен с данной точкой зрения, определяющей дату начала чеканки монет.

Отметим, что возникшая при Петре I Мушат подобная гербовая параллель сохранится до полного исчезновения как самой династии, так и собственно молдавской монеты «грош» с изображением головы тура. То есть перед нами – парадоксальный, практически необъяснимый, исторический факт соблюдения геральдического «двоевластия» одной правящей династии.

Исходя из определенной специфики монеты (наличие на аверсе и реверсе двух гербов), исследование геральдической символики молдавских господарей, на наш взгляд, следует провести в двух направлениях: с точки зрения государственного и династических гербов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДОВЫ

Прежде чем перейти к изучению нашей основной проблемы, следовало бы сделать важное и необходимое замечание по поводу неточности трактовок многих исследователей, связанных с наименованием геральдического животного, ставшего центральной фигурой герба средневековой Молдовы.

Предваряя наши уточнения, отметим, что тура часто путали еще в исторические времена с другим диким быком – с зубром, до сих пор живущим в Европе. Знаменитый исследователь Паллас П-С.[5], изучавший природу России в конце XVIII столетия, считал, что тур и зубр – просто разные названия одного и того же животного. К сожалению, это заблуждение повторил и А.Даль в своем «Толковом словаре». А ведь еще Плиний Старший в своей «Естественной истории» различал их, называя, правда, несколько по-иному: тура – «уром», а зубра – «бизоном».

В научных работах, всевозможных печатных изданиях и публикациях современной массовой периодической печати (и по сей день), к сожалению, можно обнаружить различные толкования и разночтения в определении наименования легендарного геральдического животного, ставшего символом молдавского государства: «бык», «тур», «зубр», «буйвол» и даже «вол».

Вот, например, несколько цитат, подтверждающих факты разночтений в определении главной фигуры герба Молдовы, и даже элементарные научные несуразицы, порой с подкреплением изобразительного материала, собранные Википедией из различных энциклопедий, в том числе Брокгауза и Эфрона, других всевозможных источников и размещенных на интернет-сайтах (ниже см. текст и таб. 11: 13, 14, 15).

«Описание герба Бессарабской области 1826 года. Щит разделен на две половины... в нижней половине, в золотом поле изображена воловья голова, представляющая герб Молдавии...»

«Описание герба Бессарабской губернии 1878 года. В лазуревом щите золотая буйволовая голова, с червлеными глазами, языком и рогами, сопровождаемая, между рогами, золотою о пяти лучах звездою... Символ зубра уходит глубоко своими корнями в историю и духовные традиции народа Молдавии. Так, например, уже на документах Молдавской господарской канцелярии конца XIV в. можно найти изображение головы зубра со звездой между рогами...»

«Описание герба Буковинского герцогства... голова тура в обрамлении трех шестиугольных розеток. Герб этот очень похож на герб Бессарабии...» (Стилистика цитат приведена без авторской редакции). На таблице 11 приведен герб указанного герцогства, где ясно видно, что изображенная фигура головы животного более всего соответствует зубру.

Вот еще один из примеров странного научного противоречия, излагаемого современным исследователем-публицистом из Молдовы А.Нестерюк, который весьма вольно цитирует текст легенды о воеводе Драгоше по Славяно-молдавским летописям XV–XVI веков: «И воевода Драгош первым поселился на реке Молдова, и заселил Байю, и другие земли, и постановил, чтобы княжеским гербом для всей страны была голова тура». И здесь же указанный исследователь добавляет от себя, что: «...На печатях и монетах молдавских господарей (глав государства) с XIV века изображается голова зубра, сопровождаемая полумесяцем, звездой и розой». (Текст взят из Википедии).

В таблице 11 собраны несколько известных геральдических изображений тура и зубра для сравнения и попытки осмысления вопроса, касающегося определения названия центральной геральдической фигуры герба средневековой Молдовы. Рассматривая в указанной таблице изображения геральдических фигур и читая приведенные к ним цитаты, обнаруживаем их явное несоответствие. В то же время нельзя не заметить, как удивительно идентичны рисунки тура на гербе монеты Стефана III Великого и на подвеске XI–XII вв. древнерусского обряда «Турица» (таб. 11: 3, 16).

Опираясь на многочисленные исторические свидетельства, научные исследования[6], включая легенду о возникновении Молдовы, а также песенно-поэтическое наследие молдавского народа, таким животным, на наш взгляд, мог быть только «златорогий» тур (тур – дикий бык – bos primigenius), так названный с дако-фракийских времен за светлый окрас окончания рогов.

В молдавском эпосе с незапамятных времен были сложены и бытовали многочисленные поэтические и героические сказания о грозном, могучем и волшебном туре. В некоторых восточно-романских балладах, связанных с образом «белого тура», несущего через леса и грозные воды колыбель Елены Прекрасной (Ileana Cosînzeana), прослеживается аналогия древнегреческого мифа о похищении Европы[7].

Общеизвестен текст легенды о возникновении Молдовы, занесенной в списки Воскресенской летописи[8], где описывается, что воевода Драгош охотился именно на тура, который, в результате, и привел молдавское население на новые места обитания – будущее княжество Молдова.

Также известно, что охота на тура была исключительной прерогативой князей, воевод и царственных особ. Подобная охота была почетной и весьма опасной и приравнивалась к воинскому подвигу. В исторических свидетельствах отмечалось, в частности в «Поучениях» Владимира Мономаха, что «тур легко мог поднять на свои большие и могучие рога всадника вместе с лошадью»[9].

При рассмотрении вопроса об идентификации геральдического животного, ставшего центральной фигурой герба Молдовы, могут быть небезынтересны представленные факты сравнения двух животных. Грозный рев тура был слышен издалека, а голос зубра напоминает хрюкающие звуки. Если тур, встретив человека, не уходил с дороги, то зубр в таких

ситуациях всегда пасовал: увидев двуногого, спешил скрыться[10]. Кроме прочего, заметим еще одно немаловажное географическое обстоятельство, что ареал обитания зубра (bos bonasus) – лесные и лесостепные влажные, болотистые места северной зоны Европейской части[11].

Подтверждением данного обстоятельства могут служить факты появления изображения головы зубра с короткими лироподобными рогами в геральдике Германии еще в XII в. (гербы земли Мекленбург-Штрелиц и Мекленбург-Шверин) (таб. 11: 4, 5). Подобная голова зубра известна на польском гербе Казимира III Великого (1333–1370) и отчеканена на денарии в городах Познань, Калиш[12] (таб. 11: 8), а также на частновладельческих фамильных гербах «Венява» и «Помян» шляхетских родов Польши, Белоруссии и Литвы XIV–XVI вв. (таб. 11: 6, 7). Голова зубра размещена также на гербе польского короля Владислава Локеток (1320–1333) (таб. 11: 10), а позднее в династических гербах западной (левобережной) Украины[13].

Исходя из вышеперечисленных фактов, слабо верится, чтобы обыкновенный домашний бык или вол, зубр, а тем более буйвол мог стать центральной геральдической фигурой на печати и монетах воеводы, уважающего себя и любящего свою родину. Именно благородный образ легендарного, грозного и могучего тура, воспетого в народном эпосе с древнейших времен, воплотился в главный геральдический символ силы и мужества суверенного средневекового Молдавского княжества (таб. 1, 11).

Голова тура

Исследование массовой монетной эмиссии молдавских господарей с изображением государственного герба, составленного из головы тура с тремя сопутствующими космогоническими светилами (пятиконечная звезда, луна и солнце), обнаруживает в изобразительной трактовке центральной геральдической фигуры ее заметное разнообразие (таб. 1, 2). В первую очередь это относится к абрису черепной конструкции головы геральдического тура, на основе которого выделяются три основных типа[14].

К первому типу относятся самые ранние изображения тура с зауженным абрисом головы, маленькими ушами и небольшими лироподобными рогами (таб. 2. 1а). Подобный тип головы впервые появляется на первых монетах Петра I Мушат и прослеживается на эмиссиях монет дореформенного периода Александра I Доброго (1400–1432). (Здесь следует специально отметить, что в дальнейшем будем пропускать время правления Романа I (1392–1394) и Стефана I (1394–1399/1400), так как эмиссии Романа I вообще не известны, а монеты Стефана I, впервые найденные в составе Корлэтенского клада (Румыния, 1957 г.), до сих пор еще не идентифицированы и не опубликованы).

Второй и третий типы отличаются от первого (кроме варианта 2а) как размером головы, так и формой рогов и ушей (таб. 2: 2 и 3). В каждом из этих типов наблюдаются по четыре варианта. Отметим, что второй и третий типы различаются между собой в основном только размером головы. То есть ко второму типу мы относим изображения голов тура средней величины, а к третьему – абрис тяжеловесных массивных голов.

Вариант 2а второго типа с маленькими ушами и лироподобными рогами встречается на монетах Петра I Мушат, Александра I Доброго и Петра II (1448–1449).

Формы центральной геральдической фигуры первого типа ничем не напоминают нам былинного тура и даже домашнего быка. Это положение исправит, начиная с 1409 г., Александр I Добрый на впервые введенных номиналах – двойной грош и полугрош. Анонимный монетарий этого воеводы изменяет форму рогов и ушей. Увлеченный поисками новых графических форм, мастер изображает изогнутые внутрь рога, почти кольцеобразные, или в виде луны (таб. 2: 2б, 2г), что придает им большую массивность и убедительность.

Варианты второго типа интересны по форме больших, с кольцевой прорезью, ромбовидных ушей (вариант 2б). В варианте 2г уши геральдического тура приобретают некую декоративность дендроморфного мотива.

При господаре Илиеше I (1432–1442 с перерывами) рога тура сводятся почти в сплошное массивное кольцо (вариант 2в). Подобная форма рогов наблюдается и на монетах Стефана II (1433–1447 с перерывами) и Стефана III Великого (1457–1504).

Третий тип головы тура, родоначальником которого являлся монетный двор Александра I Доброго, представлен вариантами изображений массивной головы. Стилевое изменение в изображении рогов будет внесено при Александре II (1449, 1452–1454, 1455) и поддержано при Стефане III Великом, которое заключалось в том, что крупной голове были приданы рога, сведенные почти в полное кольцо (таб. 2: 3а). Вариант 3б при аналогичном изображении головы и рогов отличается от варианта 3а формой ушей.

На монете Стефана IV, последнего воеводы династии Мушат, массивная голова тура изображена с маленькими ушами и лироподобными рогами, как на монете Петра I Мушат. Следует подчеркнуть, что данная архаика компонентов головы тура на монетах Стефана IV, а также заключение центральной фигуры в щит, несколько деградированной формы, символизирует как завершение геральдического явления в виде головы тура – изобразительной концепции государственного герба суверенного государства Молдовы, так и прекращение чеканки собственно молдавской монеты «грош».

Напомним, что голова тура, являющейся центральным геральдическим компонентом государственного герба средневековой Молдовы, изображена в сопровождении трех космогонических светил, распложенных по кругу.

Звезда

Из указанных трех светил молдавскими воеводами большее

предпочтение отдавалось звезде, располагавшейся между рогами тура. Она являлась, следуя древним духовным эпическим традициям волошского населения, своеобразным путеводным символом. В средневековье изображение звезды вместе с сокровенным 72-буквенным именем Божиим могло быть выбито на воинском щите, что приносило обладателю щита победы во всех сражениях[15].

Пятиконечная звезда на государственном гербе Молдовы, в основном своем изображении, традиционно чеканилась одним лучом вверх. Исключение составляет некоторые монеты Илиеша I, где звезду заменяет корона открытого типа – геральдический символ власти, пользовавшийся большим успехом у сыновей и внуков господаря Александра I Доброго. В ряду исключений стоят также некоторые эмиссии воеводы Стефана III Великого, на которых звезда заменяется солнцем (так называемой «розеттой»).

Отметим, что в редких случаях на некоторых эмиссиях молдавских воевод пятиконечная звезда может иметь шесть лучей, уменьшаться в размерах, либо быть наклоненной относительно вертикальной оси головы тура, и даже изображаться, вероятно, в силу технического брака, двумя лучами вверх (таб. 3).

Солнце

Следующий космогонический элемент композиции государственного герба – солнце. Исследователи данную геральдическую фигуру в основном называют «роза», «розетка», «розетта», «цветочный символ». У практически всех исследователей и популяризаторов геральдики Молдовы, к сожалению, и в данном случае нет пока единого прочтения.

Р.Вулкэнеску[16] в своих научных работах приводит сводную синоптическую таблицу космогонических светил, в которой, в частности, прослеживается графическая трансформация солнечного светила. Рассматриваемая нами фигура солнца на монетах совпадает по форме с рисунками на указанной таблице, что дает нам право, несмотря на ее изобразительное разнообразие и научное разночтение, называть эту геральдическую фигуру космогонического происхождения – солнце.

Солнечная фигура на монетных эмиссиях молдавских господарей в основном изображалась в виде разнообразных по форме геральдических пятилепестковых цветков. Наибольшее разнообразие форм солнца наблюдается на монетах Александра I Доброго. В некоторых случаях рисунок солнечной фигуры, как и вообще всех геральдических компонентов, зависел от мастерства гравера – исполнителя штемпеля. Солнце могло состоять из шести сопряженных окружностей. Иногда этот же символ мог расчленяться на шесть самостоятельных окружностей (таб. 4).

В дальнейшем подобное изображение солнца становится наиболее употребительным, так как оно технически несложно в гравировальном отношении при исполнении матрицы. Проще «набрать» пуансоном шесть отдельных окружностей, чем вырезать штемпель с усложненным цельным элементом.

Изредка встречается фигура солнца с удлиненными лепестками, напоминающая скорее звезду. Солнце, составленное из пяти спаянных полуокружностей, наблюдается на монетах Александра I Доброго, Стефана II, Петра II (1447–1449 с перерывами), Петра III Арона (1451–1457 с перерывами) (таб. 1, 4). Более проста фигура солнца, которая графически выглядит сплошным пятилепестковым пятном. Мастер монетного двора при Петре III Ароне добился большей декоративности, применяя пуансон, который давал отпечаток только части круга. Он располагал эти отпечатки, не соединяя их вокруг центрального круга (таб. 1, 4). Сложным по рисунку, нарядным и выразительным изображено солнце на гербе Стефана III Великого, состоявшее из пяти причудливых, декоративных, раздвоенных на концах лепестков (таб. 4).

На монете Богдана III (1504–1517) напротив луны изображена космогоническая фигура, полностью совпадающая с нашим визуальным графическим представлением о солнечном светиле (таб. 1, 4). Впоследствии подобная геральдическая фигура солнца с многолучевой короной станет постоянным элементом на печатях господарей и дворян Молдовы XVII–XVIII вв.

Традиционная композиция герба с рассматриваемым символом нарушается на некоторых монетных эмиссиях Петра I Мушат (вероятно, самых ранних), где вместо солнца изображена геральдическая лилия (таб. 1, 4).

«Полумесяц»

Изображение естественного спутника Земли, так называемого «полумесяца», на государственном гербе средневековой Молдовы выглядит в виде узкого серпа трехдневной «молодой» Луны. В народе серповидное состояние Луны называлось «молодой месяц», его «рождение» (восход) встречали с радостью, в это время гадали, загадывали желания. В естественном состоянии узкий серп Луны находится в вертикальном положении по отношению к горизонту, а вот в геральдической композиции династических гербов молдавских воевод он в основном расположен в наклоненном состоянии, рогами вниз. И одновременно, в противоположную сторону от головы тура, словно чтобы не зацепить (не травмировать) его своими рогами.

Такой формы серповидный тип Луны известен в польской, немецкой и венгерской геральдике с XII в., где он всегда сочетался с солнцем, но располагался рогами вверх[18]. Эти две космогонические фигуры в европейской геральдике обычно сопровождали центральные фигуры гербов.

В изобразительном плане символ Луны на изучаемых молдавских монетах имеет некоторые особенности графического и космогонического характера. Практически на всех монетных эмиссиях

молдавских господарей наблюдается нестабильное положение лунного серпа – от вертикального до горизонтального. Некоторые исследователи это изобразительное расположение на гербе относили к «колебаниям», или к так называемым лунным «фазам» (таб. 1). Думается, что наблюдаемые «колебания» лунного серпа на исследуемых монетах нельзя соотносить с астрономическими фазами ночного спутника земли, так как фаза – это изменяемая величина освещенной солнцем лунной поверхности. А так называемые «колебания» или «фазы» – следует отнести к вольному размещению молдавскими геральдистами лунного серпа на монете под случайным углом. В графическом профессиональном исполнении фазы обозначились бы в наглядном увеличении серпа Луны: первая четверть лунной фазы, вторая четверть и т.д.

Указанное нестабильное расположение лунного серпа в виде «фаз» изучению не поддаются. И также не объясним факт смены мест Луны и Солнца, который исследователи пытались отнести к «неким астрономическим явлениям».

Попытки осмыслить варианты колебаний лунного серпа и смены мест космогонических светил по отношению к центральной геральдической фигуре приводят к мысли, что они не отражают никакой закономерности. Еще исследователь Н.Докан[19] только на базе 1000 монет Петра I Мушат пытался подсчитать варианты колебаний «полумесяца». Их количество перевалило за 200.

Нестабильность расположения сопутствующих фигур, справедливее всего, следует отнести к вольной интерпретации мастеров монетного дела, к их свободному отношению к канонам геральдики и соблюдению точности расстановки фигур. Возможно, они по-своему пытались реалистично передать изображение именно «молодой» Луны – пору рождения надежд, любви и воплощения задуманных мечтаний, и совершенно не задумывались о том, как символ ляжет на монету. Им важнее и понятней была изобразительная интерпретация символа, а не конкретная форма лунного тела.

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ГЕРБЫ МОЛДАВСКИХ ГОСПОДАРЕЙ

Вопрос о происхождении династического герба Петра I Мушат до сих пор остается открытым. Исследователи, как и в случае с государственным гербом, так и не пришли к единому мнению.

Г.Брэтяну считает, что династический герб Петра I Мушат является воспроизведением распространенного западноевропейского образца и допускает временное признание молдавским господарем гегемонии венгерской ветви дома Анжу, вследствие которого и произошло такое заимствование[20].

А.Верес утверждает, что наличие французского щита на монетах Петра I не имитация вообще, а следствие вассальной зависимости Молдавского княжества от Венгрии[21].

К.Моисил склонен считать, что такой герб был получен Петром I Мушат от венгерского короля Людовика Анжу[22].

Л.Л.Полевой в своих исследованиях полагает, что данный герб, являясь копией западноевропейского типа, подчеркивает скорее его суверенитет и «что не приходится говорить о каких-либо вассальных отношениях между Молдовой и Венгрией[23].

Изображения династических гербов молдавских господарей отличаются большим разнообразием геральдических сюжетов, и несложно установить, что основным элементом династического герба является его щит.

Щит

Главной частью и основой любого герба является щит. В европейской геральдике встречаются щиты самых разных форм – от простых до весьма замысловатых. В эпоху зарождения геральдики самой распространенной формой рыцарского щита была треугольная, которая и стала основной. Поскольку герб в основе своей есть атрибут рыцарства, геральдический щит – прежде всего щит конного рыцаря, и его форма изменялась вместе с развитием военного искусства[24]. Первоначально форма геральдических щитов повторяла форму боевых, реально существующих, и менялась вместе с развитием оружия. Каждая из составных частей герба, как писал известный специалист по геральдике А.Б.Лакиер, была существенно необходима как оружие, а потому неизбежна и в изображении герба. Первая из этих составных частей, самая существенная, есть щит, земля, на которой было предоставлено деяниям, истории, любимой женщине или воображению самого витязя представить символ или эмблему. Поле щита будет, говорили тогдашние герольды: черно, как хорошо вспаханная земля, зелено, как растущая трава, и красно, как поле, упитанное кровью врагов[25].

В классической европейской геральдике можно выделить, по крайней мере, семь основных типов щитов: варяжский, испанский, итальянский, французский, английский, византийский, германский. Кроме них существовали круглые, ромбические, квадратные, косоугольные и другие варианты щитов[26].

На протяжении всего периода чеканки молдавских монет, формы династических щитов видоизменялись, порой меняя свою конфигурацию даже во время правления одного воеводы. Как видно из таблицы 5, 6 на монетах молдавских господарей выделяется 4 основных типа щита. Три из них близки к классическим европейским: варяжский, французский, испанский (таб. 6а, б, в). Четвертый тип с укороченным верхом (таб. 6г) несколько отличается от классики и его, по нашему мнению, следует отнести к варианту варяжского щита.

Варяжский тип щита венгерского дома Анжу впервые появляется на печати Петра I от 1377 г., а затем на реверсе его монет, но уже на династическом гербе. И таким образом просуществует до времени правления Стефана II включительно. На некоторых эмиссиях

Петра I, Александра I Доброго, Илиеша I наблюдаются изображения варианта варяжского щита с укороченным верхом и более округлыми сторонами. Кроме того, появляются эпизодические всплески варианта близкого к классическому типу французского щита с заостренным основанием у Илиеша I, Александра II и Петра III Арона (таб. 6г).

Но все же доминирующей темой выбора типа щита молдавскими воеводами, за исключением Илиеша I и Стефана II, будет испанская (таб. 5, 6в). Нечто испанское наблюдается даже у несколько деградированного по форме щита Стефана IV, заимствованного им у своего деда – Стефана III Великого. Такой формы щит, но только четырехчастный, Стефан III Великий применял лишь в качестве клейм и личных печатей, но никогда не чеканил на монетах.

Выбор молдавскими воеводами испанский тип щита прямоугольной формы с овальным основанием был действительно удачным, так как подобный щит компактнее вписывался в жемчужное кольцо монетного поля. А на его поле композиционно весомее и выразительнее выглядят крупные геральдические фигуры.

В классической геральдике поле щита могло делиться на две и более части. Щит рассекался вертикальными и горизонтальными линиями. Используя секущие линии, можно было достичь деления щита на необходимое количество полей.

Изучаемый нами геральдический щит на монетных эмиссиях династии Мушат, в основном был рассечен вертикальной линией на две половины и назывался – рассеченным. Левой (визуальной) от зрителя половине щита в классической геральдике отводилось более почетная роль, и называлась она первым или почетным полем. На таком поле размещались геральдические фигуры, которым отводилось особое предпочтение.

В молдавской средневековой геральдике основной компонент династического герба – щит – чаще всего несет в себе геральдические фигуры – так называемые полубалки (таб. 5, 6.2). В рыцарские времена XI–XII веков, во времена возникновения европейской геральдики, эти искусственные фигуры, изображенные в виде вмятин, означали боевые шрамы щита, количество проведенных боев. К XVI в. балки и их половина – полубалки – давно уже потеряли прежнюю смысловую нагрузку и превратились во внешний, декоративный изобразительный геральдический прием, характерный для эпохи средневековья.

Полубалки (или пояса)

Воеводы Молдовы на первом (почетном) поле своих династических щитов в основном размещали полубалки (пояса). Размещение данных геральдических фигур, начатое Петром I Мушат, наблюдается у всех его последователей до Александра II (таб. 5; 6.2). Появление полубалок на втором поле щита отмечается только у Стефана II, Петра II и Стефана III Великого (таб. 6. 2д).

В некоторых случаях подобный изобразительный прием перемещения указанных фигур на второе поле щита документально объясняется политической ориентацией господарей в сторону своего сюзерена – венгерского короля Людовика Анжу – одного из самых влиятельных монархов Европы. Так, например, известно, что Петр II был женат на сестре трансильванского князя Янку – венгерского регента в 1446 г., с которым Петр II поддерживал превосходные отношения. С помощью этого регента Петр II убирает своего брата Романа II, с которым он был вынужден делить правление Молдовой, и занимает молдавский престол. В знак благодарности Петр II в 1448 г. уступает своему шурину – регенту Янку – крепость молдавского города Килия[27].

Внешняя политика Петра II конкретно отражается и на монетных эмиссиях в его династическом гербе. Переставив полубалки на второе поле, Петр II водрузил на почетное поле геральдическую лилию – элемент фамильного герба венгерских королей династии Анжу (таб. 7ж). В данном контексте становится любопытным факт, что ко времени правления Петра II королевский род династии Анжу уже более 60 лет как прекратил свое существование[28].

Наличие полубалок на втором поле щита наблюдается на монетах первых эмиссий Стефана III Великого (где они и завершат свое существование). В период чеканки монет с полубалками на династическом щите Стефан III Великий находился в сложных отношениях с Венгрией[29] из-за предоставления венгерским королем Матеем Корвиным убежища смещенному Петру III Арону. В свое время в борьбе за власть Петр III Арон убил господаря Богдана II (1449–1451) – отца Стефана III Великого. Нет сомнений в том, что из-за постоянных военных действий Стефан III первоначально еще мало внимания уделял политическим вопросам геральдики своего династического герба. А потому наборы знаков, использовавшиеся в подготовке штемпелей, подбирались из арсенала монетного двора предшествующих поколений молдавских господарей.

Колеблющееся число полубалок (от 3 до 4), наличие, либо отсутствие линии, рассекающей щит, скорее всего, относятся к вариациям или невнимательности мастеров монетного дела. Кроме того, наблюдается различная толщина полубалок и вольное расстояние между ними, а рассекающая щит линия – не всегда делит его на две пропорциональные части (таб. 5, 6, 7).

Лилия

Цветок лилии издревле считался символом королей. Геральдическая лилия с древнейших времен была символом высшей власти. Сходной ролью она наделялась в Византии и в королевстве франков. Символизируя собой чистоту и праведность, лилия использовалась в христианской иконографии в качестве атрибута Девы Марии. В гербе королей Франции она олицетворяла процветание.

В молдавскую геральдику изображение этого цветка попадает по династическому каналу вен-

герского дома Анжу из далекой Флоренции, гербом которой она была[30]. Являясь одной из распространенных геральдических фигур династического герба молдавских воевод, лилия чаще всего существовала в союзе с полубалками.

Данная фигура была в большей степени подвержена изобразительной трансформации (таб. 8). Нам известно, как минимум, тринадцать видов геральдической лилии, представленной на молдавских монетных эмиссиях. Разнообразие трактовки изображения лилии, вероятно, так же следует отнести к проблеме искусства мастеров монетного дела.

Проблема различного количества лилий на династических щитах воевод Молдовы так и не разрешена в научной литературе (таб. 5; 7 а–е).

Исследователями высказывалось соображение, что число лилий на династическом гербе Петра I Мушат связано с падением добротности металла (серебра), происходила так называемая фальсификация монеты. Первые наиболее добротные монеты Петра I Мушат с семью лилиями на щите были отнесены к началу его правления, а с двумя – к концу[31]. Подобное соображение доказывается падением поступления серебра из Трансильвании, входившей в состав Венгрии, которая в 1387–1395 гг. вела военную экспансию против Молдовы. И в связи с сокращением запасов серебра в государственной казне Петр I Мушат был вынужден ухудшить качество монеты[32].

Данное утверждение не лишено логики, но нам кажется, что колеблющееся число лилий на династическом щите Петра I Мушат, надо отнести к вопросу, требующему более доскональнoго изучения. Результаты подобного исследования смогут стать убедительными только после апробации металла и метрологических данных всех его известных монетных эмиссий, включая Корлэтенский клад (6500 ед.). И лишь тогда можно будет с определенной уверенностью утверждать – руководствовался ли Петр I Мушат политическими или экономическими мотивами при чеканке различного количества лилий на своем династическом щите. В связи с вышесказанным есть необходимость указать на парадоксальный факт. Петр I, ведя тяжелые бои с венгерским королем Людовиком Анжу, все-таки чеканит на своем щите фамильные знаки своего противника.

Нестабильность количества лилий на династических гербах отмечается также у Александра I Доброго, Илиеша I, Стефана II. На некоторых эмиссиях Александра I Доброго лилии появляются вне поля щита (таб. 5, 7). Традиционное изображение лилии нарушит Петр II. На почетном (первом) поле его щита появляется усложненный геральдический символ, напоминающий двойную лилию, словно изображенной в зеркальном отражении (таб. 7, 8). Заметим, что символ лилии прекратит свое существование в геральдике молдавских господарей, в последний раз отметившись в династическом гербе на щите Александра II (таб. 7, 8).

На монетных эмиссиях изучаемого периода нами не обнаружено ни одного случая соединения лилии с каким-нибудь другим символом, кроме полубалок. Тогда как полубалки, начиная с периода правления Стефана II, вступают в разнообразные сочетания (таб. 5, 7).

Интересна композиция (таб. 5, 7з) фамильного герба на монете Романа II (1447–1448). По мнению исследователей, это была попытка совмещения государственного герба с династическим[33]. На наш взгляд, данная монета Романа II – классическая иллюстрация присутствия геральдического «двоевластия».

Меч

В XV веке, во времена правления сыновей и внуков Александра I Доброго, геральдические сюжеты их династических гербов окрашиваются в военные тона. Традиционная лилия уступает свое место более выразительным символам, соответствующим определенному, сложному в политическом смысле, историческому периоду существования Молдавского княжества.

Илиеш I, изгнанный из Молдовы собственным братом Стефаном II, чеканя свою монету, по всей видимости, в Литве[34], изображает в своем династическом гербе крест и букву «М»35 (таб. 7б, 7и). А на аверсе, вместо государственного герба Молдовы, впервые появляется герб «Погоня» литовского князя Казимира Ягеллончика (1440–1492). (Аверс монеты Илиеша I мы включаем в таблицу 7 в связи с соответствующей атрибутикой).

Изображение холодного оружия в геральдическом искусстве означает военные действия. Всадник с холодным оружием был распространенным сюжетом в польской, литовской и русской средневековой геральдике, а также встречается на старинных архитектурных памятниках Украины, в частности на рельефе Михайловского монастыря XIII в. на Черниговщине[36].

Если в геральдике перечисленных стран всадник изображался в виде человека (например, монета Ивана IV с Георгием Победоносцем), то так называемый всадник Илиеша I может иметь два прочтения: либо это человек в маске тура, либо это сам тур (символ Молдавского государства) мчится с карающим мечом. Изображая всадника с поднятым мечом, Илиеш I, таким образом, объявляет войну своему брату Стефану II (таб. 7б). В ответ на угрозу Илиеша I на щите Стефана II появляется поднятый меч, рассекающий букву «М» (таб. 7к).

Меч в династических гербах на монетных эмиссиях встречается так же у Петра II, Богдана II и Петра III Арона (таб. 7к). Петр II так же отчеканил меч, но клинком вниз, на своем династическом гербе, видимо, после убиения своего брата Романа II. Оружие, опущенное вниз, символизирует победу или конец войны. Вполне вероятно, по аналогичным причинам, мечи опущены у Богдана II и Петра III Арона.

Крест

Вновь ссылаясь на общеевропейскую геральдику, напомним,

что со времен крестовых походов в союзе с мечом часто изображался крест. Как уже выше отмечалось, у Илиеша I, наряду с вооруженным всадником на аверсе монеты, на реверсе появляется крест греческого типа (таб. 7, 9). Несомненно, атрибутика личного и государственного гербов, составленных Илиешем I в Литве, отразила польско-литовские орденские традиции.

Стефан II, вероятно, перенял идею изображения креста у Илиеша I, но соединил его с традиционными полубалками и поместил его на второе поле щита. Но тип креста он выбрал не греческий, как у Илиеша, а венгерский шестиконечный с расширенными рукавами (таб. 5, 7и).

Подобный тип шестиконечного креста был в свое время перенят из венгерского герба Ядвигой – дочерью короля Людовика Анжу. (В западноевропейской геральдике двойной крест означает крещение). Около 1388 года Владислав II Ягелло (1386–1392) выпустил в свет новый тип монет, где на реверсе поместил щит с изображением шестиконечного креста.

В дальнейшем тип шестиконечного креста станет основной геральдической фигурой династического герба дома Мушат. Но если у Стефана II, Петра II и Петра III Арона крест на щите – эпизоды сложной внутриполитической жизни, то у Стефана III Великого крест – это эпоха, и он неизменно чеканится на его последующих эмиссиях.

В первом варианте составления династического герба у Стефана III Великого присутствует крест мальтийского типа, расположенный над солнцем, в сочетании с полубалками (таб. 5, 7ж). После окончательного решения композиции своего фамильного герба, Стефан III Великий отказывается от полубалок и размещает шестиконечный крест с раздвоенными концами на всей площади своего щита (таб. 5, 7и).

Появление на монетах шестиконечного креста происходит на фоне новых политических отношений между Молдовой и Польшей после принятия присяги Стефана III Великого в 1485 г. польскому королю Казимиру IV в г. Коломые[37]. В дальнейшем политические отношения Молдовы с Польшей ухудшаются из-за тайного сговора Польши и Венгрии с Турцией по разделу Молдовы от 1489 г., а также вследствие предпринятой в 1497 г. военной экспедиции Иоанном Альбертом в Молдову[38]. Видимо, в силу данных политических событий Стефан III Великий меняет шестиконечный крест польского (ягеллонского) образца на шестиконечный с трилистными концами (таб. 5).

Появление династического герба на эмиссиях монет Стефана III Великого в виде щита с крестом можно объяснить тем, что, вероятно, монета для данного господаря была не только носителем товарно-денежного эквивалента, но и выразителем его политических концепций. Главной идеей господаря было создание сильного суверенного государства, а изображение креста являлось для него символом веры в борьбе за независимость народа.

Завершая рассмотрение типов креста в династических гербах молдавских воевод, отметим, что у Петра III данная фигура изображена по типу якорного, но нечеткая граверная работа смазывают его черты и рисунок в целом. Богдан III (1504–1517) почему-то проигнорирует тип креста своего отца Стефана III Великого и разместит на своем фамильном щите шестиконечный крест с расширенными рукавами по венгерскому типу, примененного некогда Стефаном II. Такой же шестиконечный крест поместил на своем щите и Стефан IV.

Корона

В классической европейской геральдике корона всегда символизировала власть. В ряду геральдических символов, корона у молдавских господарей чаще всего размещалась над щитом, являясь его навершием (таб. 5).

Короны на династических гербах молдавских воевод по своему начертанию относятся к дворянскому (открытому) типу[39]. Подобное изображение короны известно по монетам польских королей Владислава II Опольского (1386–1434) и Казимира IV (1447–1492), и абсолютно напоминает тип короны, изображенный на пражском гроше[40], имевшего хождение на территории средневековой Молдовы.

Обособленно стоит корона, изображенная на монетной эмиссии Александра II (таб. 7л). Известно, что Александр II дважды совершал попытки овладеть престолом Молдовы, но царствования его были столь кратковременны, что вкусить чувство власти ему так и не было дано.

Помимо короны, над династическим гербом или рядом с ним размещались и другие геральдические фигуры (таб. 5, 9).

Геральдические фигуры вне поля династического герба

Кроме перечисленных основных компонентов самого династического герба, размещенного на реверсе монетных эмиссий, мастера молдавского монетного двора чеканили различные геральдические фигуры: корону, солнце, лилию, крест. В редких случаях: меч, голову тура и др. Отмечается также чеканка инициальных букв (таб. 5, 9, 10). К сожалению, до сих пор не установлен тип латинской графики, который использовался в инициалах и круговых легендах молдавской монеты «грош».

Вышеперечисленные символы чеканились как над щитом, так и за полем щита. Обособленно стоит монета Александра I Доброго, на которой над династическим щитом расположен символ луны (таб. 9). Отметим, что серповидная луна («полумесяц») отчеканится еще раз на монетной эмиссии Стефана III Великого, но только за полем щита.

Наиболее употребительными фигурами, располагавшимися над династическими щитами у воевод Молдовы, были дворянская корона открытого типа и солнце (таб. 9). Из инициалов чаще всего чеканилась буква «N» над щитом и буква «А» за полем щита (таб. 10).

Изобразительные и смысловые нагрузки подобных дополнений к

династическим гербам могут поддаваться, на наш взгляд, некоторому прочтению.

В принципе, не вызывает сомнений целесообразность размещения геральдических фигур в виде наверший над династическим щитом. Подобные изобразительные приемы известны в общеевропейской геральдической практике, которые являли собой определенную декоративность и, вместе с тем, носили дополнительные политические символы власти. В нашем случае это, скорее всего, результат своеобразной эстетической имитации европейских стандартов.

Сложнее обстоит вопрос, касающийся буквенных изображений, размещенных над щитом и вне его поля. Известно, что они не совпадают с именами обладателей фамильных гербов (таб. 5, 10). Но чтобы установить возможную связь данных инициалов с именами мастеров-граверов, либо именами родственников правителя, в честь или память которых чеканилась монета, а возможно и с обозначением места чеканки монет, – для этого возможно должны быть проведены дополнительные исследования.

СЕМАНТИКА ДИНАСТИЧЕСКОГО ГЕРБА

Исторически сложившаяся идентичность, а также расположение некоторых геральдических фигур, наблюдающаяся на гербах венгерского Людовика Анжу и господаря Петра I Мушат (щит по варяжскому типу, геральдические полубалки и лилии, а на печати Петра I и Романа I – шестидольная кайма) не вызывает сомнения (таб. 12). Подобные факты изобразительной тождественности (преемственности) были вполне естественны в общеевропейской практике. Сильные влиятельные монархи (сюзерены), будучи покровителями более слабых правителей других стран, дарили своим вассалам (или позволяли пользоваться) элементы (или фрагменты) из своего герба для разработки вассалом своего государственного герба.

Наблюдаемая нами аналогичность и расположение геральдических фигур на исследуемых гербах двух указанных правителей, а также известная практика европейского вассалитета (Петр I Мушат был вассалом Людовика), позволяет утверждать, что венгерский Людовик Анжу, став сюзереном Петра I, даровал ему (либо милостиво разрешил пользоваться) четвертой частью своей геральдики (таб. 12).

Но все же возникший герб на печати Петра I Мушат с венгерскими знаками дома Анжу так и не стал впоследствии основным гербом государства Молдова.

Пытаясь разрешить этот вопрос, следовало бы специально отметить, что Петр I, самостоятельно разрабатывая государственный герб с головой древнего тура для чеканки монет, в изобразительном плане очень точно сформулировал самобытность и независимость молдавского княжества, в котором отразились древние эпические и духовные ценности народа, а также исторические реалии возникновения самого государства.

Новосозданный государственный герб Петра I Мушат на аверсе монет категорически отличался как от венгерского, так и от других гербов сопредельных государств. И если его композиция первоначального герба на печати, по венгерскому образцу, еще подчеркивала зависимость Петра I от Людовика Анжу, то разработка и размещение своего династического герба на аверсе монеты с венгерскими геральдическими компонентами (дань вассала сюзерену) позволяло ему быть более самостоятельным и независимым (таб. 12).

Возникновение и существование династического (фамильного) герба в своем разнообразии на молдавской монете «грош», параллельно с государственным гербом, можно объяснить еще и дополнительной мотивацией по самоутверждению каждого из господарей, когда им, в силу объективных, достаточно сложных, внешне и внутриполитических причин[41], постоянно приходилось менять своего сюзерена-покровителя в борьбе за национальную независимость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуя геральдические фигуры, составляющие государственный герб средневековой Молдовы, нами были установлены некоторые типологические факты эволюционно-изобразительного характера, касающиеся в первую очередь центральной фигуры тура.

Петр I Мушат, уйдя от прямого калькирования так называемых «благородных» животных – львов и орлов – включил в свой государственный герб, в виде доминантной фигуры, менее благородного тура, так как основным стимулирующим фактором, на наш взгляд, была бытовавшая легенда об основании Молдовы, где тур, являя собой символ путеводной звезды, приводит волошское население на новые земли (вероятно, поэтому между его рогами – звезда).

Изучая разнообразие форм голов тура на монетах всего периода чеканки, можно сделать вывод, что на первых порах изображение тура отражало только конкретный эпический образ, а его узнаваемости и декоративности не уделялось особого значения. Кроме того, голова тура с короткими невыразительными рогами и небольшими ушами не давала ощущения гармонии с окружающими светилами. На первых монетных эмиссиях Петра I тур, неубедительный по своей сути и невыразительный по изображению, в зубах еще держит флорентийскую лилию – один из отличительных знаков венгерского дома Анжу. В процессе эволюции государственного герба увеличиваются размеры головы тура и форма деталей (уши, рога), позволяющие боле цельно закомпоновать весь сюжет, и таким образом изображение тура достигает своей естественной узнаваемости.

Анализируя компоненты государственного герба, отметим, что звезда в своем изображении практически остается неизменной. Есть несколько эмиссий, когда звезда начертана шестиконечной, либо располагается двумя лучами

вверх. Большое разнообразие наблюдается в изображении солнца на всех монетных эмиссиях (около десятка вариантов): от условной фигуры, составленной из шести концентрических окружностей, до рисунка, передающего натурное сходство самого светила. Остается константной в изобразительном отношении серповидная фигура луны. Отмечается лишь неисчислимое множество вариантов ее некорректного размещения на монетах. Вольно интерпретируются два жемчужных кольца, окаймляющие композицию герба. Эти кольца могут иметь различную форму жемчужин и располагаться с различной частотой.

Династический герб, в отличие от государственного, видоизменялся не только с приходом к власти следующего воеводы. Фамильный герб мог частично или полностью по нескольку раз поменять и состав геральдических фигур, и свою композицию в целом даже при жизни одного из воевод. В этом отношении яркий пример иллюстрируют варианты династического герба Стефана II. За время своего пребывания на молдавском престоле он шесть раз менял композицию своего фамильного герба. Главной фигурой династического герба был щит, а геральдические фигуры: полубалки, лилия, меч, крест и корона – были его основными дополнительными компонентами. Выбирая, те или иные фигуры для своего герба, воевода, таким образом, выражал свои эстетические и социально-политические интересы. Щиты на молдавской монете «грош» изображались трех типов. На первоначальной стадии чеканки монет появился варяжский щит треугольной формы с округленными боками. Затем применялся французский щит треугольной формы с зауженным верхом. И в конце концов окончательный выбор многих воевод пал на испанский тип щита прямоугольной формы с овальным основанием. Полубалки (или пояса) на всех династических гербах не подвергались особой трансформации. Разве что их количество колебалось от трех до четырех и располагались они на первом или на втором поле щита. Флорентийская лилия, занимавшая в европейской геральдике одно из самых почетных мест на гербах правителей, в изобразительном плане довольно сложно давалась молдавским мастерам чеканки. Только на эмиссиях монет Петра I разнообразие символа лилии доходит до десятка вариантов. Вероятнее всего, подобные интерпретации следует отнести к слабой квалификации местных специалистов, копировавших ими не виданный чужеродный цветок. Активное размещение лилии на династическом щите практически заканчивается со временем правления Стефана II. И все же лилия – концессионный компонент герба венгерского дома Анжу – у воевод Молдовы особого успеха не имела. Ввиду резко обострившейся борьбы за престол, молдавские господари в большей степени стали применять геральдические фигуры устрашения и власти. Особенное внимание было уделено символам: меч, крест и корона. Данные геральдические фигуры становятся основными сюжетными компонентами династических гербов. На молдавских монетных эмиссиях известно начертание пяти типов креста: мальтийский, греческий, якорный, венгерский шестиконечный с расширенными рукавами, польский шестиконечный (ягеллонский) с раздвоенными концами и шестиконечный с трилистными концами. Фигуры меча и дворянской короны в основном чеканились по известным европейским геральдическим стандарты того времени.

Композиция династического герба молдавских воевод приобретает выразительность и предельный лаконизм после полного отказа от концессионных геральдических фигур – лилии и полубалок. Известный французский искусствовед Анри де Моран, затрагивая вопросы искусства геральдики, отмечал, что «в геральдическом искусстве ценится, прежде всего, лаконизм»[42]. Наряду с постоянно меняющимся изобразительным рядом геральдической символики, обнаруживается яркая социальная тенденция молдавских воевод к выражению своих внутренних и внешнеполитических идей в борьбе за собственную власть, а также за независимость своего государства. Символика композиции государственного герба вполне могла быть прочтена в связи с одним из аспектов средневекового пространственного мышления, где Земля представляется центром Вселенной. В данном случае голова тура является символом земли, вокруг которой расположены солнце, луна и звезды.

Типологический анализ геральдических фигур в составе государственного и династических гербов молдавских господарей конца XIV – начала XVI века позволяет нам наглядно проследить изобразительную эволюцию как отдельных компонентов, так и художественно-эстетические композиции в целом. Композиции государственного и династических гербов, достаточно уравновешенных и гармоничных, в принципе, были созданы по правилам классической геральдики средневековья. Состав геральдических фигур указанных гербов относился к общеизвестным стандартам и не выходил за рамки канонов геральдического европейского института.

Литература и примечания:

1. Садовников С.П. Некоторые наблюдения над изображением герба Молдавского государства конца XIV – начала XVI вв. // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии. Кишинев, 1989.

2. Автор благодарен исследователю А.А.Нудельману за оказанную в свое время помощь в предоставлении материалов из частных коллекций.

3. Cernovodeanu D. Ştiinţa Şi arta heraldica în România. BucureŞti, 1977.

4. Chiriţescu C. Sistemul bănesc al leului Şi precursorii lui. V. I., 1964.

5. Pallas P-S. Zoographia rosso-asiatica. СПб. 1811; Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1788.

6. Documente privind istoria României. Veac. XI–XIII. Vol.1; Гацак В.М. Восточнороманский героический эпос. М., 1967; Гацак В.М., Рикман Э.А. Легенда о Драгоше и отражение в ней средневековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье // Этническая история и фольклор. М., 1977; Параска П.Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского государства. Кишинев, 1981.

7. Vulcănescu R. Mitologia românâ. BucureŞti.1985; Niculiţă-Voroncă. Studii în folclor. V.1. BucureŞti. 1908; Rosetti. Colindile religioase la români. BucureŞti. 1919; Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884; Петрушевич А.С. Общерусский дневник. Львов, 1866; Adăscăllіţei V. Traces du culte du boef chez des Roumanes (specialement en Moldavie), a locasion des

Таблица 1.
Геральдическое искусство средневековых молдавских монет. Государственный герб господарей династии Мушат.

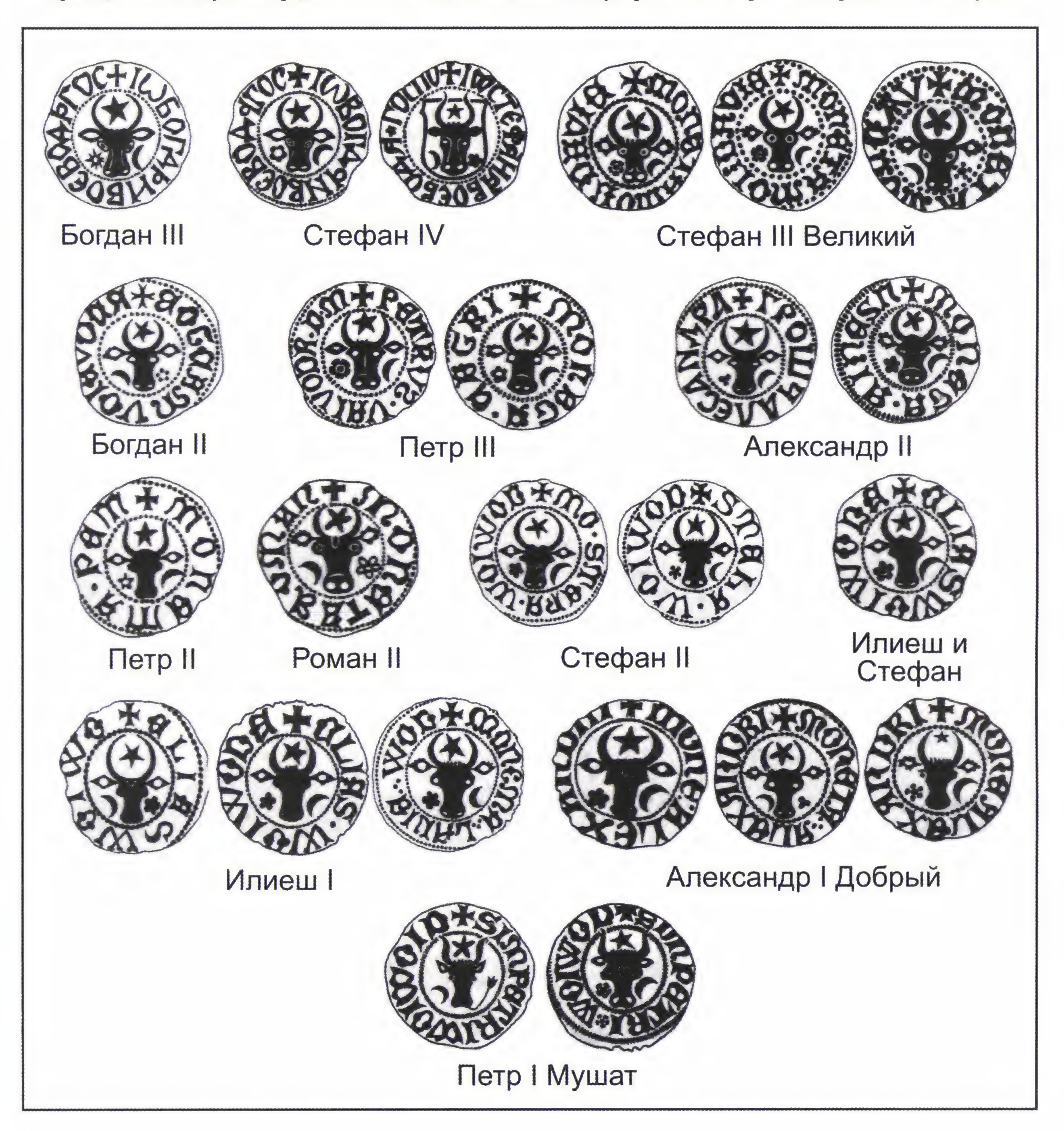

Таблица 2.
Типологические особенности изображения головы «быка» на монетных эмиссиях молдавских господарей.

	1	2				3			
Стефан IV									
Богдан III									
Стефан III Великий									
Петр III									
Богдан II									
Александр II									
Роман II									
Петр II									
Стефан II									
Илиеш и Стефан									
Илиеш I									
Александр I Добрый									
Петр I Мушат									
	а	а	б	в	г	а	б	в	г

Таблица 3.
Центральная геральдическая фигура государственного герба средневековой Молдовы с сопутствующими космогоническими компонентами.

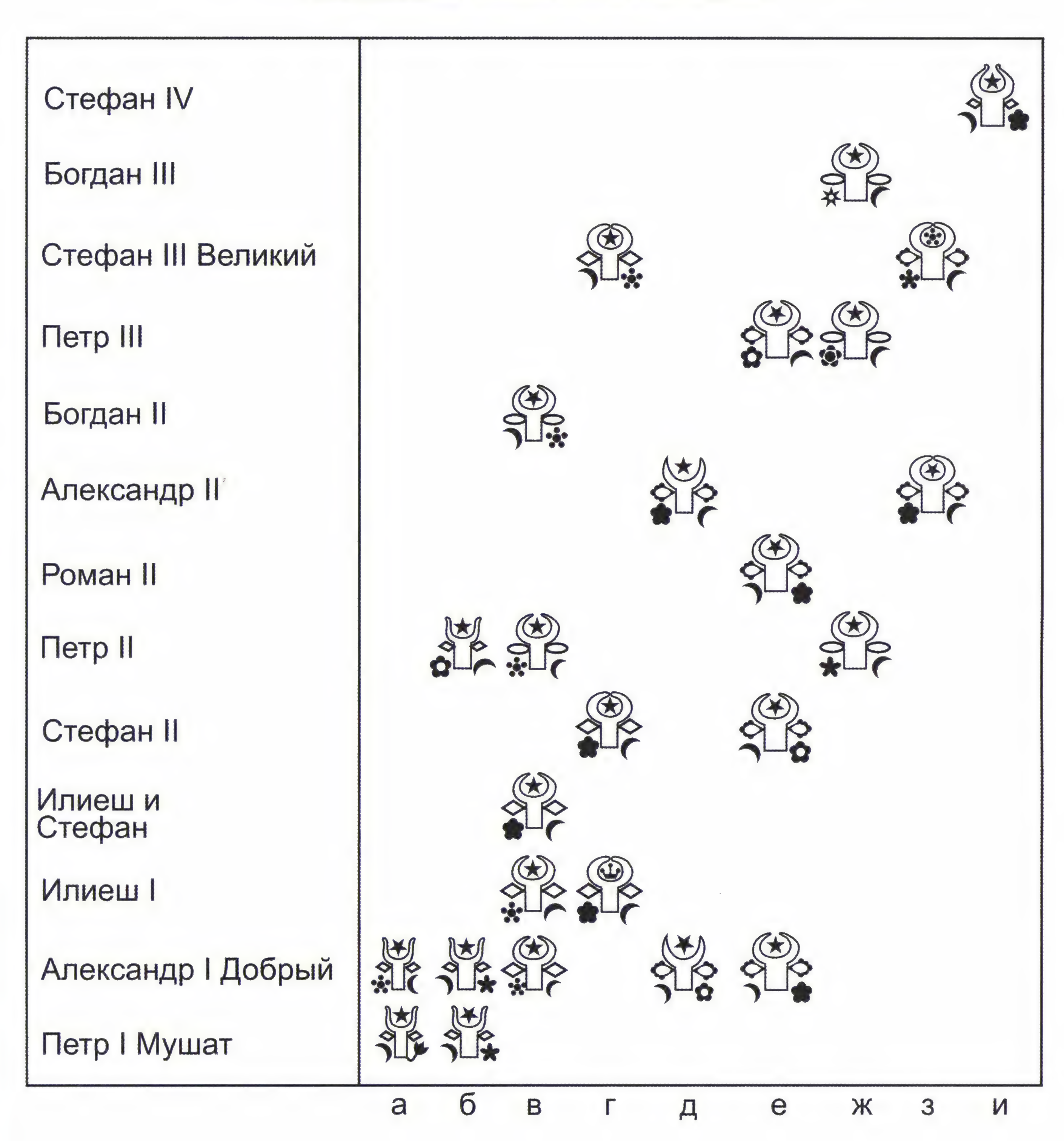

Таблица 4.
Изобразительное разнообразие геральдической фигуры солнца на монетах молдавских господарей.

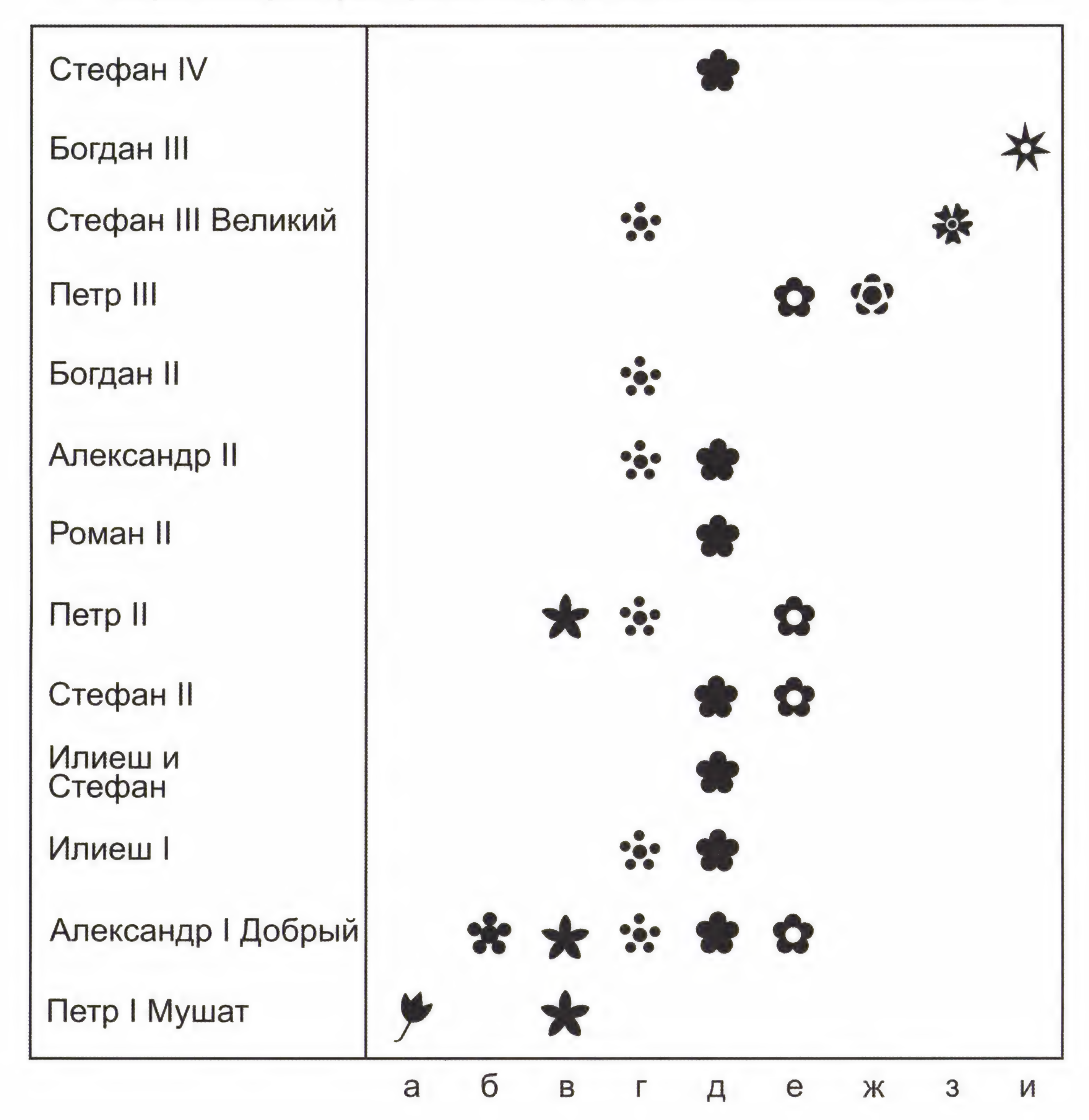

Таблица 5.
Геральдическое искусство средневековых молдавских монет. Династические гербы господарей династии Мушат.

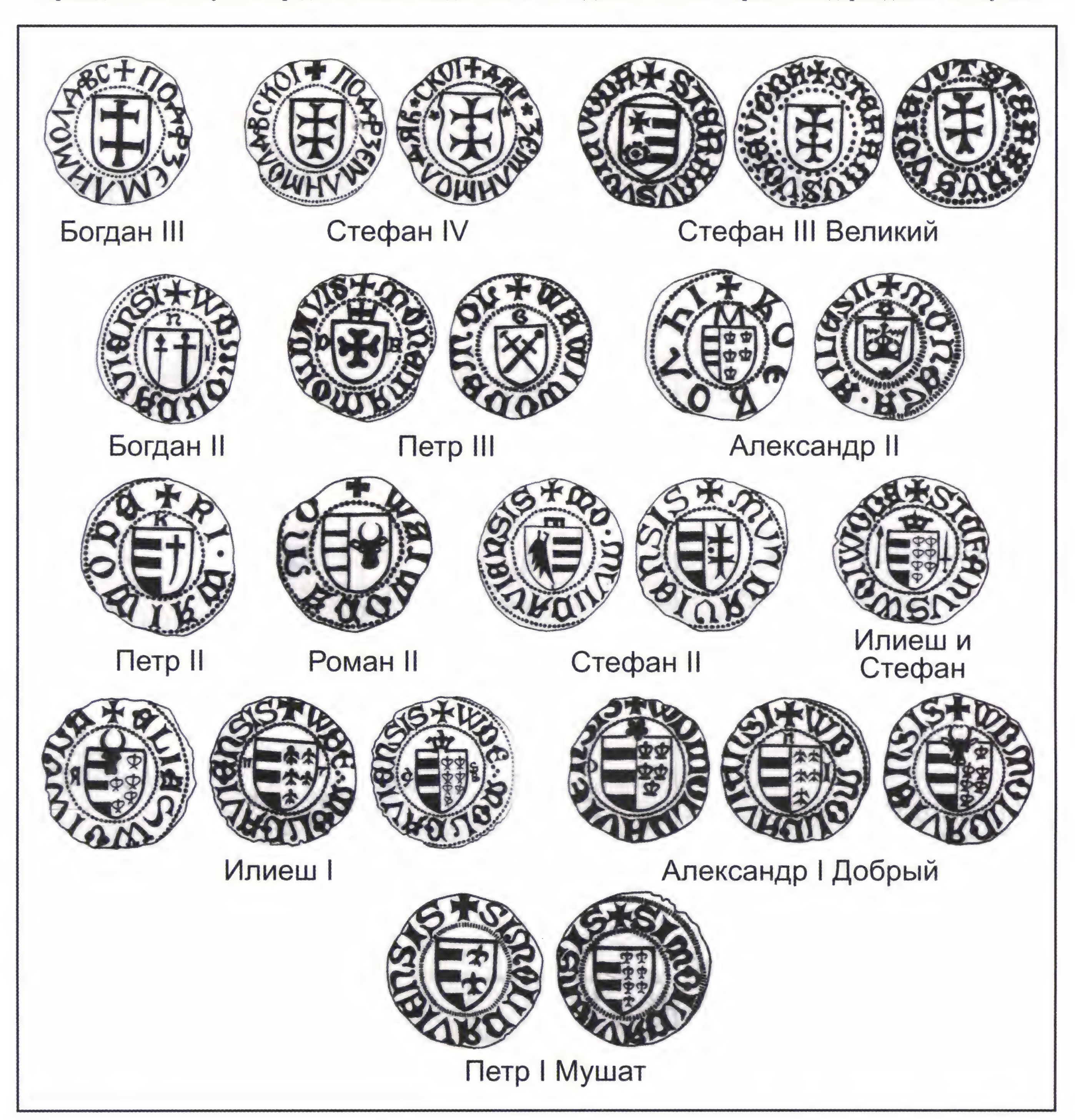
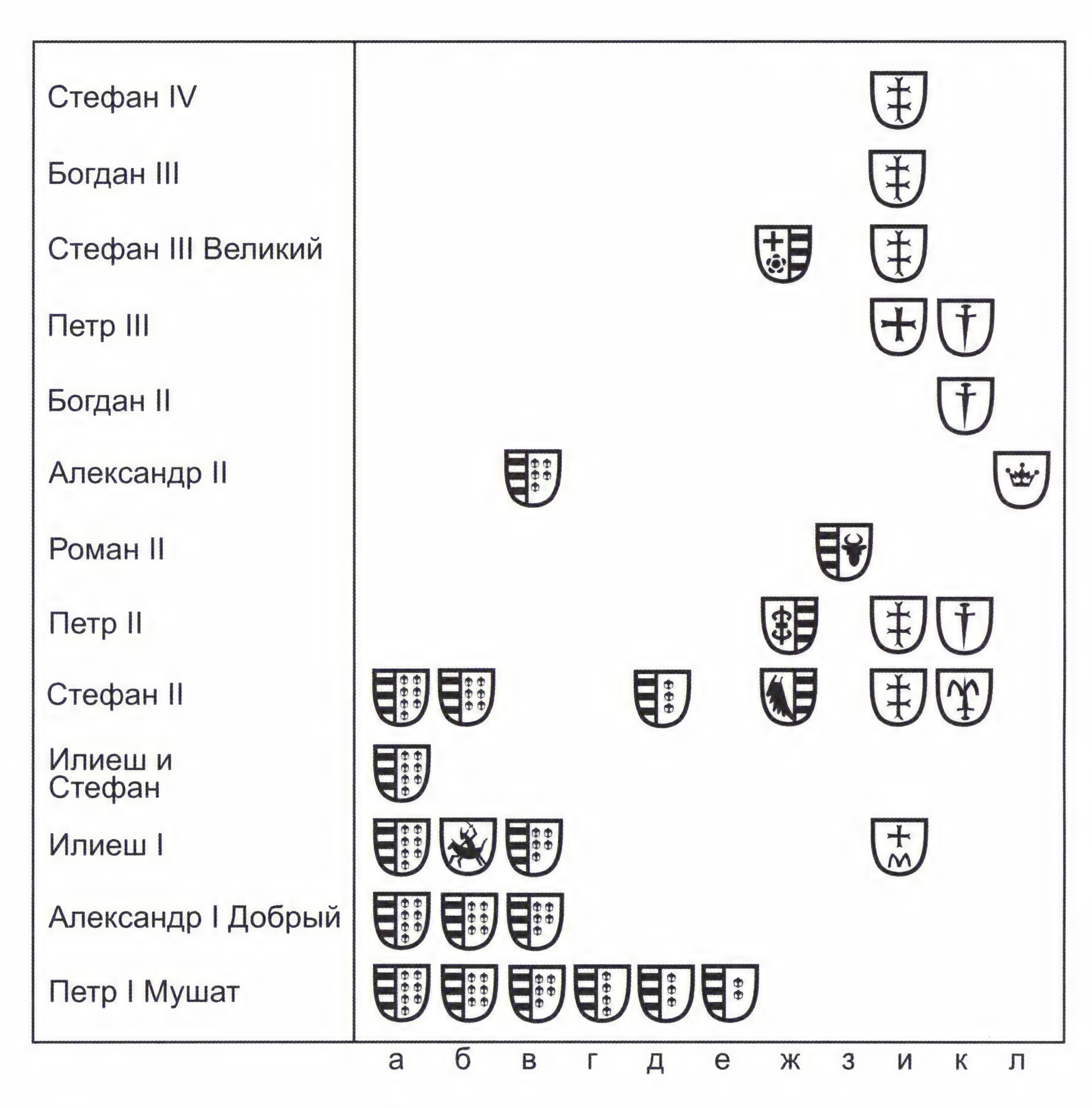

Таблица 6.
Типологические особенности династического щита молдавских господарей.

	1				2				
Стефан IV									
Богдан III									
Стефан III Великий									
Петр III									
Богдан II									
Александр II									
Роман II									
Петр II									
Стефан II									
Илиеш и Стефан									
Илиеш I									
Александр I Добрый									
Петр I Мушат									
	а	б	в	г	а	б	в	г	д

1. Типы щитов династического герба.
2. Изображения полубалок на династическом гербе (форма щитов условная).

Таблица 7.
Композиции династического герба молдавских господарей.

Примечание: композиции поданы в обобщенном виде

Таблица 8.
Геральдический символ лилии на монетах молдавских воевод.

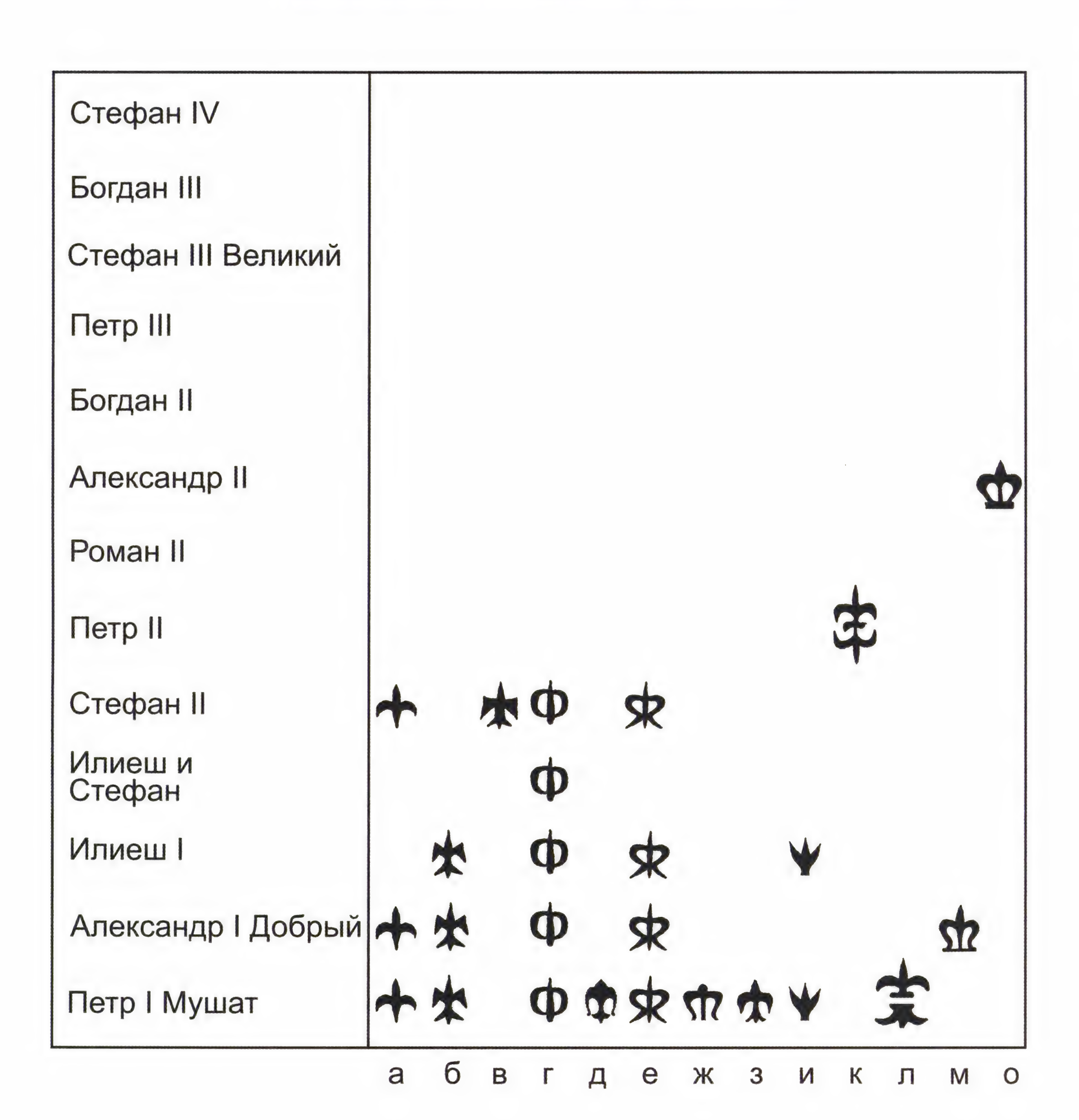

Таблица 9.
Геральдические фигуры династических гербов молдавских господарей.

	б) за полем щита					а) над щитом			
	а	б	в	г	д	а	б	в	г
Стефан IV							⁙		
Богдан III									
Стефан III Великий				✚		⚜	⁙		☾
Петр III	♛			✚					
Богдан II	♛								
Александр II		⁙							
Роман II		⁙							
Петр II	♛	⁙							
Стефан II	♛	⁙						✚	
Илиеш и Стефан	♛								
Илиеш I	♛							✚	
Александр I Добрый		⁙	⚜		☾	⚜			
Петр I Мушат			⚜	✚		⚜		✚	

Таблица 10.
Инициальные буквы династических гербов молдавских господарей на аверсе монет.

	1. Над щитом	2. За полем щита
Стефан IV		
Богдан III		
Стефан III Великий		
Петр III	T B M n	B A R D
Богдан II	M n	I
Александр II	M	
Роман II		
Петр II	K T n	
Стефан II	T n	K n I B A
Илиеш и Стефан		
Илиеш I	A	ç n S B A
Александр I Добрый	K T n	I A
Петр I Мушат		

Таблица 11.
Изображения тура и зубра из различных изобразительных источников.

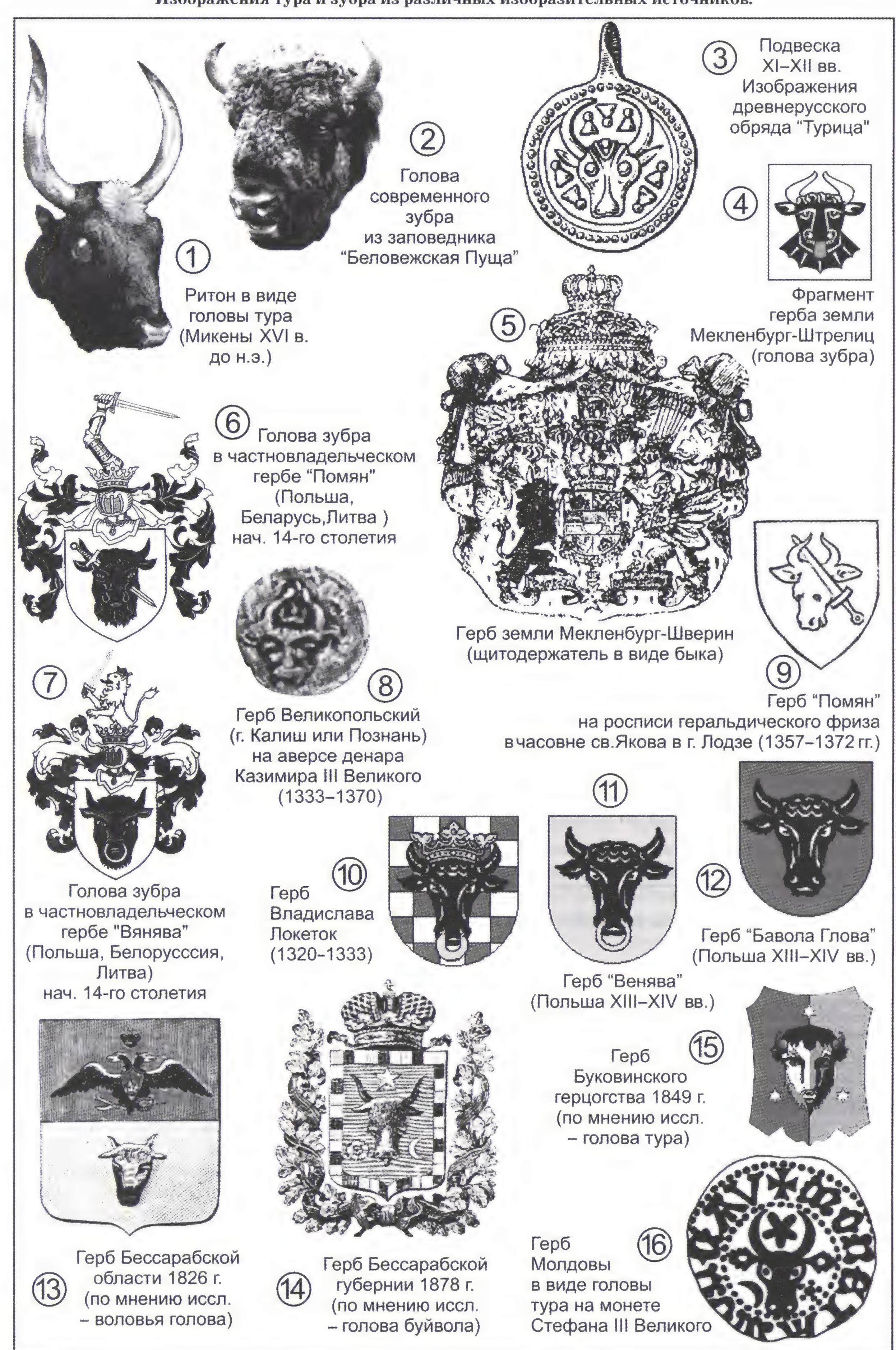
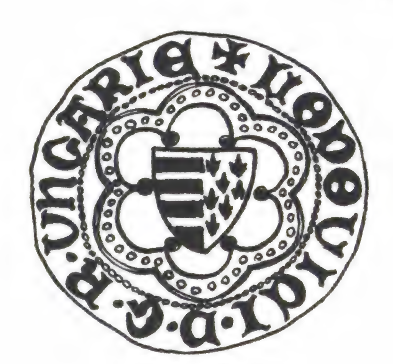
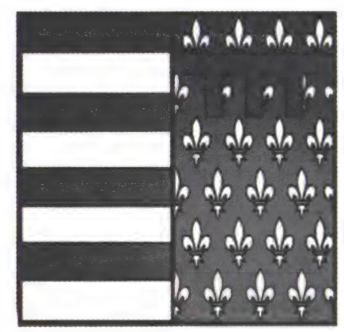

Таблица 12.
Геральдические фигуры Людовика Анжу и Петра I Мушат.

Людовик I Анжу (1370–1382)

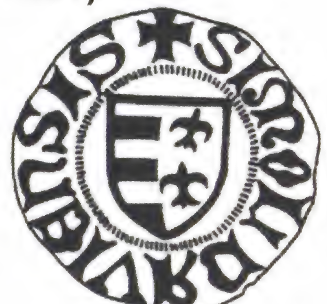

монета «флорин»

государственный герб

фрагменты государственного герба, дарованные Петру I Мушат

Петр I Мушат (1375–1391)

монета «грош»

Роман I Мушат

печать 1393 г. (идентична печати Петра I Мушат)

Примечание: монеты Романа I не известны.

fetes de fin d`annee, par rapport a celles voisis // МФ. 1971; Липец Р.С. Образ древнего тура и отголоски его культа в былинах // Славянский фольклор. М. 1972; Попович Ю.В. Молдавские новогодние праздники. Кишинев, 1974.

8. Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1856.

9. Липец Р.С. Указ. соч.

10. Акимушкин И.И. Мир животных. М., 1971.

11. Цалкин В.И. Древнейшие животные Восточной Европы. М., 1970; Липец Р.С. Указ. соч.

12. Piekosinski F. Herbarz rycerstwa w.x. Litewskiego. Kraków. 1897; Malecki A. Studia heraldyczne. Lwów i Warczawa. 1890.; Лаппо-Данилевский А. Печати последних галичско-владимирских князей и их советников. СПб., 1906; łojko J. Średniowieczne herby polskie. Poznań. 1985; Derwich M., Cetwiński M. Herby, legendy, dawne mity. Wrocław.1989; Matthias A. Hildebrandt (Hsg.): Wappenfibel. Handbuch der Heraldik. Degener. 1991; Kochanowski J. Rycerskie herby Polaków. cz. 1–2. Warszawa. 1991; Gajl T. Polskie rody szlacheckie i ich herby. 1999; Znamierowski A. Insygnia, symbole i herby Polskie. Warszawa, 2003.

13. Румянцева В.В. Эмблемы земель и городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986.

14. Учитывая обилие исследуемого материала, автор был вынужден стилизовать изображения центральной фигуры государственного герба. (Таблицы и рисунки с оригиналов монет представлены автором настоящей статьи).

15. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.-СПб., 2005.

16. Vulcănescu R. Coloana cerului. BucureŞti. 1972.

17. Энциклопедия символов...

18. Лаппо-Данилевский А. Указ. соч.

19. Dokan N. Notiţa despre monetele lui Petru MuŞat // AAR MSI. Cer. II. T. XXX. BucureŞti. 1907–1908.

20. Brătianu G. Originele stemelor Moldovei Şi Ţării RomâneŞti // Rev. ist. rom. I. f.1. 1931.

21. Veress A. Originea stemelor Ţării române // Rev. ist. rom. Vol I. 1931.

22. Moisil C. O paginâ de heraldicâ românească veche // ARPR. Bul. Ştiinţific. I.I. № 3–4. 1949.

23. Полевой Л.Л. Зарождение денежного хозяйства Молдавского феодального государства // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев, 1972.

24. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990.

25. П. фон Винклер. Оружие. СПб., 1894.

26. Драчук В.С. Рассказывает геральдика. М. 1977.

27. Cernovodeanu D. Op. cit.

28. Ibidem.

29. Ibidem.

30. Котляр Н.Ф. Кладоискательство и нумизматика. Киев., 1974.; Moisil C. O paginâ...

31. Полевой Л.Л. Указ. соч.

32. Ibidem.

33. Cernovodeanu D. Op. cit.

34. Moisil C. Monetele Romîniei // Enciclopedia Română. 1. BucureŞti. 1938; Iliescu O. Moneda în România. BucureŞti. 1970.

35. Iliescu считает этот символ двумя соединенными подковами, либо греческой буквой «омега». (Iliescu O. Op. cit.). Нам кажется более верным мнение Moisil, рассматривающего этот символ в виде буквы «М» в виде аббревиатуры слова «Молдова». (Moisil C. Op. cit.).
36. Румянцева В.В. Указ. соч.
37. FocŞeneanu I, Diaconu G. Bazele puterii militare f lui Ştefan cel Mare // Studii cu privire la Ştefan cel Mare. BucureŞti. 1956.
38. Mănescu I.N. Stema Moldovei // Magazinul istoric. VI, 5 (62), 1972.
39. Лукомский В.К., Типольт Н.А. Русская геральдика. СПб. 1915.
40. Котляр Н.Ф. Кладоискательство...
41. Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев. 1964.
42. А. де Моран. История декоративного прикладного искусства. М. 1982.

ТИП ЛАТИНСКОГО ШРИФТА И ИСКУССТВО ГРАФИКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОЛДАВСКИХ МОНЕТ КОНЦА XIV – НАЧАЛА XVI ВВ.

В исторической литературе известна почти столетняя научная дискуссия о семантике государственного герба средневековой Молдовы, а также о происхождении молдавской монетной системы. К настоящему моменту высказаны разные точки зрения по данной проблеме. В основном исследователи предполагают влияние либо Венгрии, либо Польши. Эти гипотезы имеют свои сильные и слабые стороны. Нам представляется, что определенным интересом в разрешении данной дискуссии может являться графика легенд молдавской средневековой монеты «грош».

Установлено, что одним из важных компонентов, составляющих геральдическое единство печатей и монет, является шрифтовая графика. В европейской геральдике XIII–XVI вв. разнообразные изобразительные компоненты всегда существовали в союзе с графическим искусством письма. Княжеские или государственные гербы и печати украшались девизами, монограммами, по которым можно прочитать имя правителя, его страны и определить годы его правления, а также определить номинал денежного знака.

Изучая средневековые печати и монеты молдавских господарей династии Мушат, заметим, что кроме основной легенды (текста), окаймляющей герб государства, в их династических гербах на реверсе монет часто встречаются буквы причудливых форм. Данные буквенные изображения либо завязываются с композицией герба, выступая в виде навершия щита, либо выносятся за его пределы (таб. 1, 2).

В нумизматике подобная эпиграфическая информация имеет несколько определений. Это могут быть инициалы правителя или его родственников, в честь или память которых чеканится монета. Известны случаи, когда гравировались инициалы управляющих княжескими дворами. Часто такие знаки могли означать место чеканки монет или имя мастера – гравера. Отметим, что подобная разнообразная инициальная эпиграфика на молдавских монетах, не дает право идентифицировать данные знаки с именами правителей (таб. 1, 2). Определение данных буквенных изображений, отчеканенных в поле и вне поля династических щитов, является темой отдельного исследования.

Необходимость изучения и определения типа письма, применявшегося на молдавских монетах, искусство которого переплетается с геральдикой гербов на печатях и монетах, не вызывает сомнения. Это необходимо для прочтения легенды денежного знака, для определения типа монеты и самой монетной системы, а также для определения типа графического письма.

Значительная часть круговых легенд печатей и монет европейского средневековья, в том числе и молдавских монет династии Мушат (XIV–XVI вв.), читаются традиционно – с верхней правой стороны по часовой стрелке. Определить начало текста легенды монеты помогает наличие так называемого разделительного знака. На молдавских средневековых монетах легенда располагается на аверсе и на реверсе, т.е. на лицевой и оборотной сторонах. На аверсе, где размещался государственный герб, чеканился текст с указанием имени правителя, а на реверсе – название государства. Начало легенды на аверсе и реверсе обычно обозначается вверху монеты разделительным четырехконечным крестом якорного типа (таб. 1, 3).

В данном контексте следует отметить немаловажный факт, что в эпиграфической практике православного Молдавского княжества на протяжении XIV–XVI вв. господствовала билингва. В господарской канцелярии, книгах, грамотах, а также в круговой легенде печатей молдавских господарей указанного периода, всегда использовался древнерусский шрифт по типу строго литургического устава. Тогда как на монетах текст круговых легенд был составлен на латинском языке (кроме монет Александра II, Богдана III и Стефана IV[1]; см. таб. 3). Объясняется это тем, что текст на монетах, отчеканенный латинской графикой, обеспечивал их паритетное обращение в соседних странах, где в основном исповедовалось католичество и деловым государственным языком бала латынь. Монета должна быть прочитана всеми. В то время как грамоты, печати и остальная атрибутика молдавских воевод имели довольно ограниченное поле действия.

Чтобы определить тип латинского шрифта на молдавских монетах интересующего нас периода, проанализируем их эпиграфическую информацию.

Исследователи весьма скупо и, на наш взгляд, достаточно поверхностно относились к данному вопросу. Изучая молдавские монеты, они указывали на существование круговой легенды, составленной только из латинских букв[2]. Либо сообщали о надписях на монетах, выполненных не только в латинской графике, но и на славянском языке[3]. Отметим, что вообще отсутствуют разработки по определению интересующего нас типа шрифта на монетах династии Мушат.

Румынский исследователь О.Илиеску в своих эпиграфических наблюдениях ссылается на палеографические исследования Е.Фишера, который определял шрифт легенд на молдавских монетах как монашеский[4].

Так же лаконичен в определении данного типа шрифта и К.Моисил[5], повторивший сентенцию того же Е.Фишера.

В исследованиях В.М.Потина[6] приведены сравнительные шрифтовые таблицы по европейским монетам XIV–XV вв., в которых наблюдается подобность характера изображения букв в изучаемой нами шрифтовой графике молдавских средневековых монет. Но и указанный исследователь не дает определения такому типу шрифта.

Здесь следует отметить, что «монашеский» стиль – условное обозначение вообще готического письма, применявшегося в монастырях Европы монахами-переписчиками. В таком случае можно было бы смело утверждать, что любой вид готического письма – есть монашеский. Правомерно ли подобное утверждение? Готическое письмо как таковое появляется во времена каролингского возрождения, «в период расцвета искусства сверкающих красками витражей, стрельчатых оконных арок и архитектурных ансамблей»[7], сочетавшее в себе ясность римского капитального письма и простоту готического архитектурного декора[8]. Мысль о связи письма с архитектурой была четко сформулирована у историка Лекуа де ла Марша: «...приходит царство готики и следом за архитектурой меняется и письмо»[9].

Отметим, что под готическим письмом понимается не только каролингский «минускул», особенностью которого была угловатость и характерный излом вертикальных линий буквы. Наряду с минускулом (угловатость букв) в странах Европы с XI в. получил развитие другой тип готического начертания – «фрактура», так называемая «антиква» или «романа». Этот тип латинского письма строится на графическом изображении букв с тупыми углами, жирными вертикалями, заканчивающимися небольшими подсечками. Основой фрактуры стало сочетание римского капитального письма (округлое по своей форме) с угловатым каролингским минускулом[10].

В стиле фрактуры наиболее изящны и красивы инициальные буквы рукописной книги. Инициалы (заглавные буквы) всегда были особым творчеством писца – рубрикатора. Работая над инициалом, он брал за основу формы, либо элементы капитального римского алфавита, увеличивая, вытягивая и разнообразно их изгибая, наряжал путем своеобразных перечеркиваний завитками и утолщениями вертикали букв. Иногда замыкал отверстия округлых «c», «e», «s». Подобные инициалы превращались в великолепные архитектурные сооружения, которые порой занимали большую часть книжной страницы.

Графика букв в легендах европейских монет, в том числе польских[11], венгерских[12], чешских[13], червонорусских[14] (соседей молдавского княжества), во многом совпадает с инициальными буквами средневековых книг Италии, Франции, Англии, Ирландии, Люксембурга[15].

Заметим, что тип фрактуры на молдавских монетах в целом отражает устоявшиеся традиции европейского чекана. К характерным особенностям его можно отнести следующие признаки. Вертикали букв обладают раздвоенными апиксами[16], соблюдаются традиции замыкания отверстий округлых букв «c», «e», «s». В шрифте, наряду с заглавными, постоянно используются строчные буквы «m», «n», «e». Иногда апиксы вертикалей букв «W», «V» изображаются в виде геральдической лилии. Вместе с тем элементы некоторых букв с угловатым изломом, а порой и целые буквы, начертаны в стиле готического минускула. Например, в начертании «W» основание буквы строится на соединении двух острых углов. Буквы «T», «N» в некоторых случаях лишены округленностей, характерных для фрактуры (таб. 4).

Анализируя композиции шрифтовых легенд молдавских монет[17], обнаружим их нестройное построение, разновеликость (неодинаковость высоты кегля) букв. Заметно их не совсем удачное размещение и по кругу, и по строке, а также пропуски и перевернутость отдельных букв (таб. 1, 4, 5). Они либо теснятся, либо расползаются. Иногда слова легенды, теряя всякий смысл, необоснованно сокращаются, переносятся с аверса на реверс монеты. Пробелы между сокращениями слов заполняются точками, геральдическими лилиями (таб. 1).

Существует немалое количество изученных нами средневековых молдавских монетных эмиссий, на которых легенды перевернуты, и читать их следует справа налево. Во многих словах буквы переставлены так, что текст становится практически нечитаемым. Подчас чтение легенды затрудняется из-за грубо выгравированных, корявых букв. Иногда в слове буква может лежать, переворачиваться справа налево, или переворачиваться снизу вверх. В одном текстовом ряду могут одновременно совмещаться два графических решения, как чрезмерное утолщение буквы, так и процесс ему обратный (таб. 4).

Указывая на сходство типа шрифтовой фрактуры на европейских средневековых монетах с инициалами рукописных книг, отметим, что изучаемая графика легенд на молдавских монетах в целом совпадает с типом шрифта круговых легенд венгерских монет короля Людовика I Анжу (1342–1382). Существуют еще несколько признаков, которые по типу изображения, на первый взгляд, сближают венгерские и молдавские монеты конца XIV в. Это щиты, изображенные по варяжскому типу, и размещение в них геральдических полубалок и лилий в соответствии с венгерским государственным гербом. Кроме этого, гербы на печатях молдавских воевод обрамлены шестидольной каймой по типу герба на монетах Людовика I Анжу (таб. 6; см. печать Романа I).

Указанные аналогии вполне предполагают в целом определить молдавскую монету по типу венгерской. Но в данном ряду подобностей есть одна немаловажная, но ярко выраженная и достаточно существенная деталь.

В легендах монет молдавского воеводы Петра I Мушат и последующих правителей (за исключением Стефана III Великого)

присутствует буква «W» англосаксонского происхождения, не свойственная венгерскому алфавиту. Заметим, что в венгерском языке встречаются слова с указанной буквой, но только заимствованные из других стран. Любопытно, что данная буква в легендах молдавских монет употребляется только в одном слове «WOEWODA» славянского происхождения (таб. 1, 5). В то же время слово «MOLDOVA» (за исключением редких вариантов) в основном пишется с буквой «V».

Буква «W» в легендах средневековых европейских монет XIII–XV вв., а также и в письменности, используется в тех странах, на развитие которых существенное влияние оказала Германия. К таким странам относилась Польша, а также и Галицкая Червоная Русь[18], монетная система которой во многом была сформирована под польским непосредственным влиянием. Можно с уверенностью сказать, что отсюда данная буква перекочевала в славянское слово «воевода» в своем «готическом» написании. Отметим, что в польском языке и в настоящее время отмечается использование слова «воевода» с применением буквы «W», но только в качестве названия-обозначения главного областного начальника. И до сих пор в Польше существует название «грош», обозначающее номинал самой мелкой разменной монеты.

Выше мы отмечали возможную вероятность происхождения геральдики герба Молдавского княжества и формирования и оформления первых молдавских монет по венгерскому типу. Эстетическое решение композиций молдавских «грошей» по типу венгерской монеты Людовика I Анжу безусловно не вызывает сомнения. Но исследуя структурный, орфографический и графический анализ шрифта легенд молдавских монет (буква «W»), инициалов в составе династических гербов воевод Молдовы, использование слова «WOEWODA» славянского происхождения, название монеты «грош»; учитывая тесные родственные отношения Петра I Мушат с польским королем Владиславом II, а так же подтверждения метрологических данных исследований Л.Л.Полевого, доказавшего метрологическую идентичность монет Молдовы и Галицкой Червоной Руси, входившей в состав Польши в XIV в.[19] – все это вполне доказывает, что первым мастером-составителем первоначального герба на печати Петра I Мушат и матриц для чеканки его первых монет, был анонимный специалист, прибывший из Польского государства. В данном контексте заметим, что в Польше сохранилась одна из грамот Петра I Мушат от 1387 г., в которой Петр среди прочего, просит Владислава II (Петр был зятем Владислава[20]) прислать мастеров – резчиков матриц по изготовлению штемпелей для чеканки монет. Здесь следует отметить, что средневековая европейская практика вполне допускала Петру I иметь одного и более сюзеренов-покровителей, среди которых был и Венгерский Людовик I, монета которого, вероятно, подкупала Петра своей эстетической привлекательностью.

При разработке герба Молдовы, в дальнейшем перешедшего на аверс первых монет, и всей монетной геральдической композиции, пришлому из Польши геральдисту за основу, вероятно, был дан эстетически прекрасно оформленный венгерский «флорин» Людовика I Анжу (таб. 6). Но славянское, в том числе и польское, слово «воевода» мастер начертал по типу знакомой ему польской орфографии. Эта «аномалия» в дальнейшем добросовестно копировалась последующими, возможно слабо квалифицированными мастеровыми[21]. Здесь же следует отметить небрежное отношение к грамматике местных специалистов: в слове «Молдавия» буква «О» нередко заменяется на «У» (таб. 1; см. легенду на монете Стефана II). Слово «ВОЕВОДА» получает разные варианты написания: «ВАЕВОДА», «ВАВИВОДА», «ВОИВОДА».

В целом шрифтовая графика композиций круговых легенд молдавской монеты, в сравнении с монетами соседних стран, обнаруживает не очень высокую техническую квалификацию мастеров – изготовителей монетных штемпелей на протяжении целого столетия существования монеты династии Мушат. Лишь в конце XV в., в период правления Стефана III Великого, шрифтовое искусство достигает определенного совершенства. Стройная, ажурная «латынь» на одних из последних эмиссий его монет становится своеобразным уникальным эпиграфическим памятником эпохи средневековой Молдовы (таб. 3, 4).

Основу изучаемого стиля шрифтовой графики легенд на средневековых молдавских монетах составляют элементы наивного декора и жеста – присущие копированию и подражательному моделированию изображаемых форм местными мастерами. Шрифтовому разнообразию на эмиссиях монет, если только возможны подобные сравнения, взятые из музыкальной терминологии, вероятно, близки такие понятия как анданте, фортиссимо, пиано. Текст монетных легенд то угрожающе нарастает – буквы теснятся, загромождают окаймляющее поле монеты, – то переходит в плавную мелодию тонких штрихов и больших пауз (межбуквенные пробелы).

Своеобразную эстетику шрифтовой подачи легенды в латинском исполнении на молдавских монетах можно объяснить тем, что в средневековой Молдове, в период до и начала чеканки монет, традиционным канцелярским и церковным языком был старославянский по праву православного вероисповедования, тогда как латынь не имела здесь своих письменных традиций. Кроме того, следует отметить невысокий технический и эстетический уровень местных подмастерий, которые овладевали монетным делом.

Итак, тип изучаемого нами шрифта легенд молдавской средневековой монеты убеждает нас в том, что он является провинциальным (местным) вариантом готической фрактуры, тип, который прежние исследователи не точно и весьма условно определяли, как «монашеский».

Таблица 1.
Инициальные буквы на династических гербах на аверсе молдавских монет.

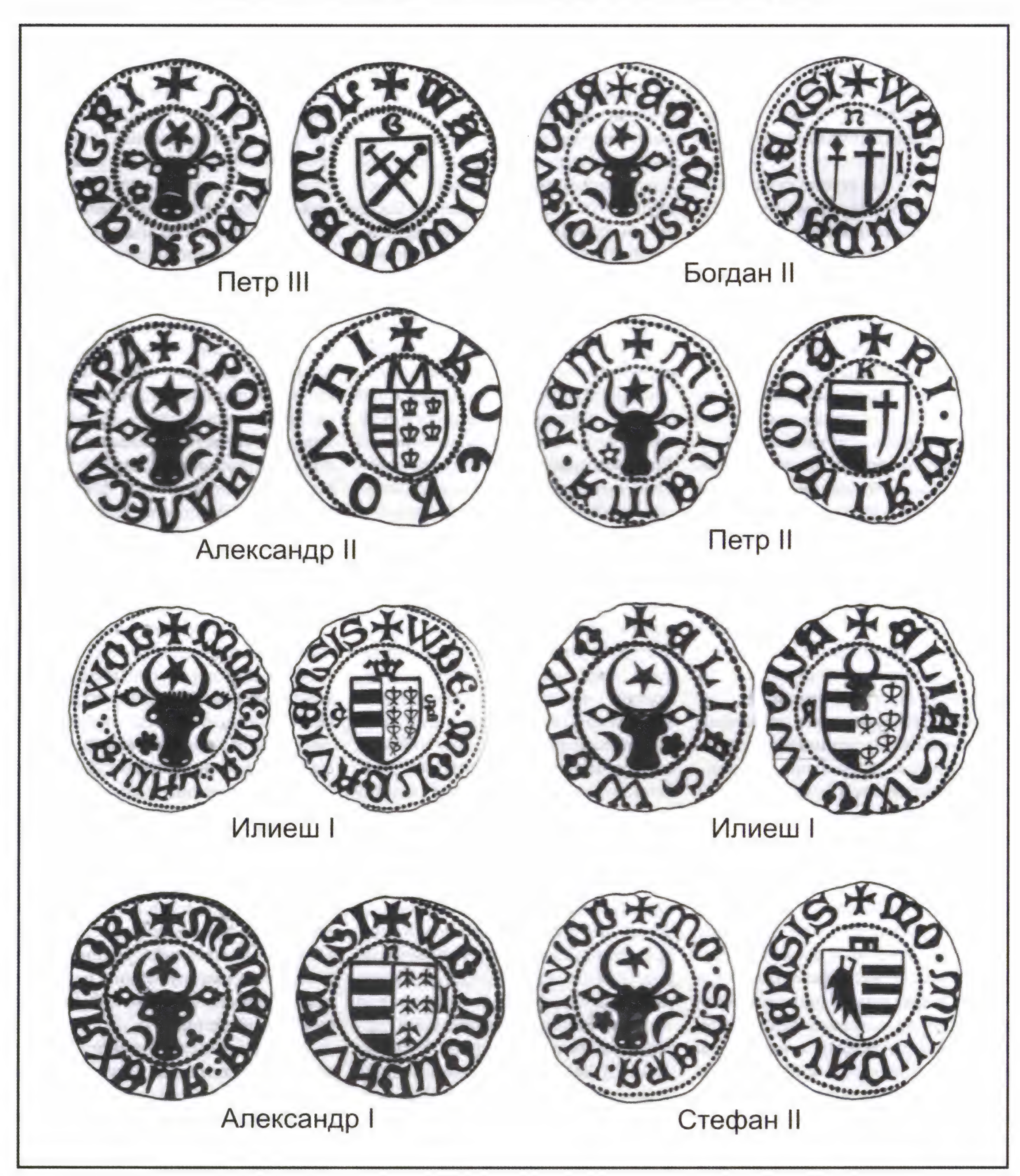

Таблица 2.
Виды инициальных букв, расположенных на династических гербах молдавских господарей на аверсе монет.

	Над щитом	За полем щита
Стефан IV		
Богдан III		
Стефан III Великий		
Петр III	h T B M	A B D R
Богдан II	h M	I
Александр II	M	
Роман II		
Петр II	h T K	
Стефан II	h T	A B I h K
Илиеш и Стефан		
Илиеш I	A	A B S h Ç
Александр I Добрый	h T K	A I
Петр I Мушат		

Таблица 3.
Графическое искусство шрифтовых легенд на монетах молдавских господарей династии Мушат.

Стефан IV

Богдан III

Стефан III Великий

Петр III

Богдан II

Александр II

Роман II

Петр II

Стефан II

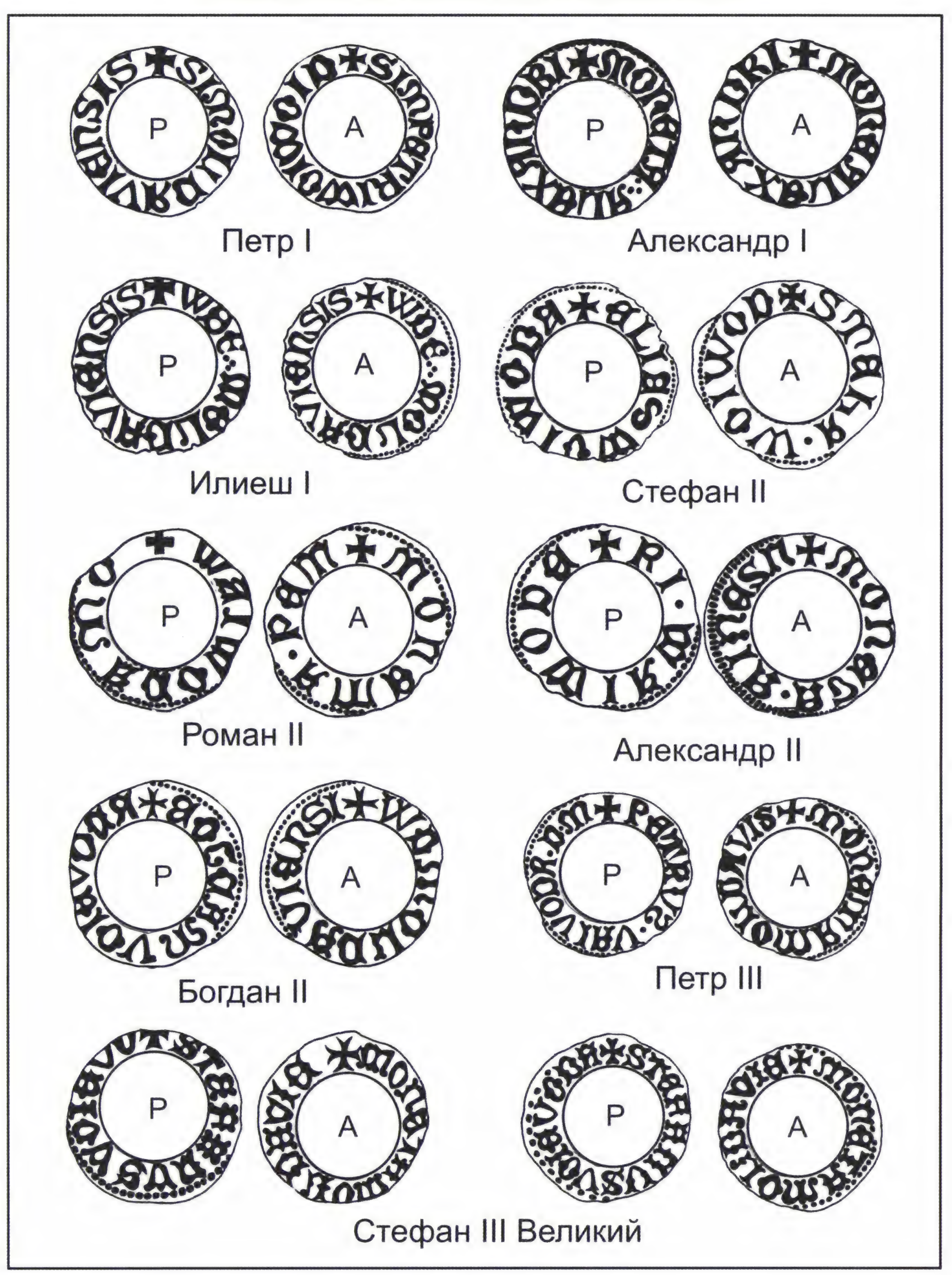
Илиеш и Стефан

Илиеш I

Александр I

Петр I Мушат

Таблица 4.
Эстетика расположения круговых легенд на молдавских монетах

Р – реверс монеты А – аверс

Таблица 5.
Изображения круговых легенд на молдавских монетах в развернутом виде.

Петр I Мушат

A +SIPETRI+WOIWO+
P +SIMOLDAVIENSIS·

A +SIMPETRIWOIWOID
P +SIMOLDAVIENSIS:

A +SIMPETRI+WOIWOD
P +SIMOLDAVIENSIS

A +SIMODOMRIWOIWOD
P +SIMOLDAIENSIS

A +OVIOVIRDEPMS
P +SIMOLDAVIENIS

Александр I

A SHLAXANDERV
P SMOLDAVIAN

A +MONEALIEXANDRI
P +WDMOLDAVIENSIS

Илиеш I

A +ELIAS WOIWODA
P +ELIAS WOIWODA

A +ELIAS VVOIVVODA
P +ELIAS VVOIVVODA

Стефан II

A +MO·STEFAN·WOIWOD
P +MO·MVIIDAVIENSIS

A +SMENA·WOIWODA
P +MVLEAVIEUBI

A +STAHA·WOIWOD
P +MVLDAVIENSIS

Петр II

A +PETRVS·VAIVODA·D·M
P +MONETAMOLDAVIE

A + MONETA·PET
P + RI·WAIWODE

A – аверс монеты
P – реверс

Таблица 6.
Влияния изобразительных компонентов польской и венгерской геральдики на формирование молдавских печатей и монет.

Примечание: Известна только печать Романа I.

Литература и примечания:

1. Появление монеты Александра II с легендой на славянском языке пока труднообъяснимо. Легенды на монетах Богдана III (1504–1517) и Стефана IV (1517–1527) совпадают с периодом действия II молдавско-русского военно-политического союза; Руссев Е.М. Молдавское летописание. Памятник феодальной идеологии. Кишинев, 1982. С. 57.

2. Рикман Э.А. Памятники древнего искусства Молдавии. Кишинев, 1961. С. 35; Полевой Л.Л. Зарождение денежного хозяйства Молдавского феодального государства // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев, 1972. С. 7.

3. Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М.,1973. С. 381.

4. Потин В.М. Введение в нумизматику // Труды Гос. Эрмитажа, 1986. Вып. XXVI. С. 82.

5. O. Iliescu. Îndreptări şi întregeri mărunte cu privire la unele emisiuni monetare feudale ale Ţărilor Române // Studii şi cercetări de numismatice. Vol.I. 1957. P. 222.

6. C. Moisil. O pagină de heraldică veche // ARPR. Buletinul ştiinţific. T. I. # 3-4.1949. P.155.

7. Капр А. Эстетика искусства шрифта. М., 1979. С. 45.

8. Романова В.А. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII–XIV вв. М., 1975. С. 45.

9. Lecou de la Marche. Manuscrite et la miniature. Paris, 1884–85.

10. Дабиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. М., 1967. С. 167, 290.

11. Котляр Н.Ф. Кладоискательство и нумизматика. Киев, 1974. Табл. IX.

12. Pohl A. Munzzeichen und Meisterzeichen auf ungariachen Munzen des Mittelalters 1300–1540. Budapest, 1982. P. 95–103.

13. Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982. С. 222.

14. Котляр Н.Ф. Проблемы и основные итоги исследований монет Червоной Руси // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Табл. 95, 103.

15. Дабиаш-Рождественская О.А. Указ. соч. Табл. 3, 8, 14, 20, 24, 33, 35.

16. Розанова Н.П. Латинская надпись из римских катакомб, хранящаяся в ГИМе // Нумизматика и эпиграфика. М., 1972. Т. Х. С. 128–130.

17. Круговые легенды монет в авторских таблицах даны в развернутом виде. Изображения букв по возможности реконструированы, размещены и разряжены для удобства чтения.

18. Лаппо-Данилевский А. Печати последних галичско-владимирских князей и их советников. СПб., 1906. С. 52.

19. Полевой Л.Л. Указ. соч. С. 37.

20. Costâchescu M. Documentele moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare. Jaşi. 1956. Vol. II. P. 599–605.

21. Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 44; Cernovodeanu D. Ştiinca şi arta heraldică în România. 1977. P. 48–49.

ВОЕВОДА ДРАГОШ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ОБЛАДАТЕЛЬ ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЙ ФИГУРЫ ДРЕВНЕГО ТУРА В СВЕТЕ ЛЕТОПИСЕЙ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Исследователи по средневековой истории Молдовы, Валахии и Трансильвании продолжают спорить, приводя различные аргументы, гипотезы и предположения о первом воеводе – создателе и обладателе государственного герба Молдовы с центральной геральдической фигурой в виде головы древнего тура. Споры, дискуссии, согласия и разногласия в основном сводятся к двум воеводам: легендарно-мифическому Драгошу (1351–1353) и исторической личности – Богдану I (1359–1365).

Общеизвестно, что Богдан I был первым воеводой, который в 1359 году после бесконечных боев с венгерской короной на небольшой территории северо-восточных Карпат, основал независимое Молдавское княжество.

Несмотря на вышеуказанный исторический документированный факт, многие историки (в большей степени это относится к румынским исследователям) до сих пор связывают с именем Драгоша создание княжества Молдовы как суверенного самостоятельного государственного образования.

Целью данной статьи является рассмотрение вопросов, посвященных Драгошу – воеводе и охотнику – легендарному мифологическому персонажу, документированному подтверждению его существования, а также вероятности создания им государственного герба.

Задача исследователя в повествовании молдавских исторических легенд, в частности разных вариантах так называемой легенды о Драгоше, определить имеющиеся в них реальные элементы прошлого, найти их место и время в историческом ходе событий.

Уже первые их собиратели и исследователи XIX века И.Сбиера и С.Мариан оценили молдавские исторические легенды не только как памятники народного творчества, но и как ценные исторические источники.[1]

Насколько древние молдавские народные предания отражают историческую действительность, еще предстоит всесторонне исследовать. Заметим лишь, что они в одном ряду с летописями, хрониками, документами, археологическими, лингвистическими, топонимическими, этнографическими и другими источниками в той или иной мере помогают представить реальную обстановку времени возникновения Молдавского княжества и первых его воевод.

Достоверные сведения XIV века на изучаемой территории

В первых достоверных сведениях, описанных в научной исторической литературе, связанных с возникновением Молдовы, утверждается, что Молдавским княжеством управляли наместники венгерского короля.

До образования суверенной Молдовы упоминаются следующие воеводы – наместники, ставленники венгерских королей: Лайоша I и Людовика Анжу, Драг (Драгош?) из Марамуреша с 1353 года, Сас (1354–1358), Балк с 1358 года. Затем Богдан I воевода феодал – волох из Марамуреша восстал в Трансильвании против венгерского короля около 1359 года. В ходе борьбы с венгерским королем Людовиком Анжу (1342–1382) Богдан I перебрался на земли будущей Молдовы, сражался с Балком и его братьями – потомками Драга – наместниками Людовика[2] и изгнал их. Он же (Богдан) и основал на завоеванной небольшой территории суверенное Молдавское княжество, которое в 1365 году был вынужден признать венгерский правитель.[3]

В вышеприведенном списке, кроме Богдана I – волоха по происхождению, не ясно, к какому составу населения Трансильвании относились остальные воеводы – наместники венгерского короля Лайоша I. Их имена: Драг, Сас, Балк в большей степени могут от-

носиться к венгерской антропонимике. Трансильванский край даже в средневековые времена не отличался однородным составом волошского населения. Даже в современной Румынии, в Трансильвании (пограничный край с Венгерским государством), до сих пор проживают более двух миллионов этнических венгров. Вполне возможно, что эти воеводы могли быть трансильванскими венграми, и не удивительно, что Богдан-волох восстает против венгерского насилия, короля и венгров-наместников.

Но вот совершенно невнятна история и загадочна судьба Драгоша. Почему правил так мало. И все же отчего ему как избавителю и основателю не поставлен памятник: вещественный, либо эпический, не построена в его честь церковь, или не назван какой-либо населенный пункт? Отчего же имена отца-матери его не сохранились ни в документах, ни в памяти народной? Времена-то были не пещерные, слово читалось со святых книг, и словом пользоваться уже умели.

Чиходару К.[4], Параска П.Ф.[5], Иосипеску С.[6] мало сомневаются в историческом существовании Драгоша. Они склонны считать, что сей воевода еще в 1323 году утвердился в Молдове. Либо, базируясь на исследованиях А.Д.Ксенопол и А.И.Яцимирского, удревняли события, связанные с Драгошем, вплоть до 80-х годов XIII века.

Примечательно, что в марамурешских источниках XIV века среди феодалов есть лица с именем Драгош (Драгош из Бэдэу, Драгош из Джулешть). Историки до сих пор продолжают попытки связать каждого из них с первым молдавским воеводой. Но представленные доказательства были настолько косвенные, что это дало повод некоторым авторам утверждать, что происхождение Драгоша местное молдавское, а сообщения летописей и легенд объясняются мифическим сюжетом[7].

Но прежде, чем перейти к непосредственному анализу результатов научных исследований, высказанных гипотез и представленных доказательств, следовало бы подробней рассмотреть основные проблемы, связанные с первым документированным упоминанием воеводы Драгоша, а также обладания им государственной геральдической символики. В данном случае нас интересует летописный текст: «Сказание вкратце о молдавских господарех», в котором изучаемый нами воевода и геральдический символ вообще впервые упоминается.

По нашему мнению, детальное изучение летописного текста «Сказание вкратце о молдавских господарех» необходимо потому, что на него, как на исторический источник, существует множество исследовательских ссылок.

Летописная подлинность «Сказания...», относящаяся к списку молдавских воевод, начиная от Богдана I, в целом не вызывает сомнений. Научные споры и дискуссии ведутся вокруг зачина «Сказания...» – о самом начале повествования, о подлинности существования воеводы Драгоша. Это «Сказание...» еще в XV–XVI веках господарской канцелярией Молдовы было размножено и размещено в сводах так называемых Славяно-молдавских летописей, а также в летописях Германии и Польши.

История славяно-молдавских летописей

Рукописные тексты Славяно-молдавских летописей хранятся в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Бухаресте, Варшаве, Кракове и Мюнхене.

Одна из первых славяно-молдавских летописей «Сказание вкратце о молдавскых господарехъ отколе начася Молдовскаа земля въ лето 6867» (1359 год) стала известна исследователям еще в начале 90-х годов XVIII века. Это «Сказание...» было обнаружено в России в составе одного из списков Воскресенской летописи[8], опубликованной в 1793–1794 гг. Заметим, что Воскресенская летопись – крупнейший, после летописи Никоновской, памятник московского летописания XVI века. Название памятника дано неизвестными издателями опубликованному ими в 1793–1794 гг. списку, который был пожертвован в 1658 году патриархом Никоном Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю. Позднее данное название вошло в научную литературу.[9] В 1856–1859 гг. Воскресенская летопись была издана по пяти спискам, в трех из которых содержалась Славяно-молдавская летопись 1359–1504 гг.

В 1844 году в Польше была обнаружена и издана К.В.Войцицким Молдавско-польская летопись 1352–1564 гг.[10]

В 1867 году румынский историк и филолог-славист Б.П.Хашдеу переиздал Молдавско-польскую летопись 1352–1564 гг.[11]

В 1891–1895 гг. основные Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв., большинство списков которых было обнаружено в России, опубликовал известный румынский ученый-славист И.И.Богдан.[12]

В 1959 году их переиздал румынский историк П.П.Панаитеску.[13]

Существующие списки 18 вариантов текста летописи, в которых отмечено интересующее нас «Сказание...», фиксируют в самом своем начале повествования историческое событие прихода некоего Драгоша на новые земли и им тут же названные Молдовой. Любопытно, что ни в одной из перечисленных летописей происхождение Драгоша не раскрывается. (См. таб. I, II). И вместе с тем, все же интересен еще один момент – факты и методы размещения текста данного «Сказания...» в списках Славяно-молдавских летописей.

Славяно-молдавские летописи в свете исторических процессов

Общеизвестно, что с давних исторических времен княжества Молдовы и Валахии поддерживали тесные и многосторонние связи с Русским государством. Они базировались на общности разнонаправленных интересов государств во всех сферах, охватывающих в полной мере политическую и культурную жизнь каждого из государств.

Географическое положение Молдавского княжества не могло в свою очередь не способствовать

тому обстоятельству, что многие культурные связи Руси с южными славянами, столь интенсивные и плодотворные в XV–XVII веках, также нередко осуществлялись через это княжество. Кроме того, после захвата турками Болгарии, Сербии и Греции многие деятели культуры этих стран переселились в Дунайские княжества, прежде всего в Молдавское, откуда нередко переезжали в Россию, что также не могло не благоприятствовать развитию ее культурных взаимоотношений с этими княжествами.

Наряду с литературными взаимосвязями России и Молдовы отметим контакты в области общественно-политической мысли, которые прослеживаются на основе выявленных материалов, начиная со второй половины XV века. К концу этого века относится анонимное послание к Ивану III, авторство которого все русские исследователи, обращавшиеся к этому памятнику, отводят молдавскому господарю Стефану III Великому. В послании содержится предостережение России по поводу османской опасности[14]. В сходных выражениях те же мысли изложены в ряде московских летописей под 1480 годом. Видимо, послание Стефана III Великого получило распространение в русской публицистике.[15]

Особой и все еще весьма далекой от своего решения остается в исторической науке проблема происхождения «Сказания вкратце о молдавских господарех» в составе московской летописи, известной под названием Воскресенской[16]. Ее возникновение, как убедительно показали исследования С.А.Левиной, относятся ко времени между 1542 и 1544 годом[17]. Это, естественно, еще ничего не говорит о датировке самого «Сказания вкратце...», так как Воскресенская летопись составлялась из собранных материалов, возникших гораздо раньше ее создания.

Отметим достаточно интересный и немаловажный факт, что рассказ о молдавских воеводах наряду с краткими сведениями о византийских императорах, турецких султанах и литовских князьях оказался в центре внимания составителя летописи. Едва ли стоит объяснять интерес русских книжников к Византии, Турции и Литве, но такое их внимание к Молдавскому княжеству, несомненно, заслуживает внимания.

В связи с этим представляется вполне убедительной точка зрения Л.В.Черепнина[18] и А.В.Болдура[19] в том, что возникновение данного памятника, вероятнее всего, относится к концу XV века. Известно, что это был период тесных отношений между Молдовой и Россией, а дочь Стефана III Великого Елена, жена сына Ивана III, играла весьма активную роль в культурной и общественно-политической жизни русской столицы.

Обращаясь к самому содержанию текста «Сказания...», мы замечаем его весьма существенные отличия от известных нам так называемых Славяно-молдавских летописей.

1. Самый подробный текст повествования о воеводе Драгоше в «Сказании...», размещенном в Славяно-молдавской летописи 1359–1504 гг.

2. Перечень воевод, правивших после него, с указанием лет их правления до Стефана III Великого.

3. Четыре кратких разрозненных известия под 1482, 1484, 1497, 1504 гг. При этом полностью идентичен остальным Славяно-молдавским летописям только перечень воевод. Перечисленные выше немногочисленные общие черты мы находим в ранних Славяно-молдавских летописях, таких, как Бистрицкая, Путнянская I, Путнянская II и Молдавско-польская летопись[20].

Таким образом, есть все основания считать «Сказание...» самостоятельным произведением, по крайней мере, по отношению к существовавшей, насколько нам пока известно, в Молдове традиции летописания. Для ясности приводим зачин этого легендарного текста «Сказания...», состоящим одним из списков Славяно-молдавской летописи 1359–1504 гг.

«От града Виницеи приидоша два брата: Романъ да Влахата, во християнской вере сущи, избегоша от гонениа еретикъ на християне и приидоша в мѢсто, нарицаемое Старый Римъ, и создаша себе градъ по имени своему Романъ, изживше лета, они и род их, доколе отлучися Формосъ папа отъ православиа в латыньство.

И по отлучении веры Христовы, создаша себе латина новый градъ и прозваша его Новый Римъ, и зваша к себе в латыньство романовъцов в Новый Римъ. Романовъци же не восхотиша, начаша велию брань съ ними чинити и не отлучишася отъ ввры Христовы и отъ того времени быша во брани до дръжавы Владислава, короля Угорьского. А Владиславъ краль бе братень сынъ Саве, архиепископу Серьпъскому, и крещенъ бысть от него и дръжаше веру христову во срьдци тайно, а азыкомъ и кральвьским украшением бяше Латынинъ.

И в лето Владислава коралевъства воздвижеся на Угры брань от татаръ, от княза Неимета с своих кочевищъ, с рѢкы Прута и с рѢкы Молдавы. И преидоша чрезъ высокие горы и поперегъ земли Угорьскиа Ердела, и приидоша на реку Морешь и ста ту. И слышавъше же угорьский краль Владиславъ нахождение татарьское и послаша вскоре в Римъ х кесарю и папе, дабы пришли к нему на помощь, к старым римляномъ, к романовцемъ послаша же. Новые же римляне и старые римляне совокупишася и приидоша во Угры, Владиславу королю на помощь.

Новые же римляне послаша грамоту ко Владиславу, королю угорьскому, тайно: «Великому кралю Владиславу, Златый Затокъ, рекше угорьскому. Имеют с нами брань о вере старые римляне, не хотяше с нами в новый римъскый законъ и живаше въ греческой вере во Старомъ Риме. А нынеча они всѢ приидоша с нами к тебе на помощь, едины жены и дѢти малые оставиша во Старомь Риме: и мы есмя с тобою одинъ законъ, приятелемъ и своим есмя заодинъ неприятел. А ихъ бы еси по//слалъ напреди всѢх людей противъ татар, чтобы они побиты были, или от таковыхъ их богъ свободит, и ты бы их оставил у себя во своей земли,

только бы они не возвратилися во Старой Римъ, и мы жены их и дети поемлемъ к себе в римскый законъ».

И немногу времени минувшу, и быша битва велика Владиславу королю угорьскому съ татары, с Нейметомъ княземъ на реки на Тисе, и поидоша старые римляне наперед всех и опосле многие люди угрове и римьляне одинъ латыньский законъ, и побиша татаръ преже старые римьляне и потомъ угрове и рамановове и немного падоша старых римлян.

Краль же Владиславъ угорьскый вельми радовашася о таковомь пособии божии, а старых римлянъ велми жалуа и милуя за их храбость, и показаша имъ грамоту новых римлянъ, что о них писали и о ихъ женах и позваша их к собЬ служити, дабы не пошли въ Старой Римъ, да не погибли от новых римлдяъ. И смотрячи королева писаниа и не имяше веры и просиша у короля, дабы им ослободилъ послати обызрети Старый Рим, есть ли жены их и дети или нет? И поидоша посланни и возвратишася воскоре и сказаша имъ: «Градъ нашь Старый Римъ разоренъ бысть и жены и дЬти наши поимали новые римляне во своей латыньской законъ».

Они же биша челомь Владиславу королю, дабы их не уклонилъ в латыньской законъ и поволилъ бы имъ дръжати християнъской закон греческый и далъ бы им на прожитокъ землю. Владислав же король прия их с великымъ хотением и даде имъ землю в Маромаруше, межи реками Морешем и Тисею, нарицаемое место Крижи и ту вселишася и собрашася римляне и живаше ту и пояше за себя жены угорки от латыньского закону во свою веру християнскую даждь и до ныне».

В «Сказании...» обращает на себя внимание рассказ (в переложении на современный русский язык) о том, что родоначальниками жителей Молдавского княжества были уроженцы Венеции «Роман да Влахата», «новые римляне», как их называет «Сказание...» После отступничества папы Формозы от истинного христианства, их потомки покинули Италию и переселились в Венгрию, где их приютил король Владислав, крещенный, по словам «Сказания», Саввой Сербским.

Ни в одной из научных работ нам не встречалось исследование имен Роман и Влахата, заявленных летописцем в качестве прародителей молдавского народа. А ведь выбор имен совсем не случаен и достаточно красноречив. В корневом смысле имени Роман заложено название города Рим (итал. Roma). То есть читателю легенды летописец указывает на древнеримское происхождение народа. Имя Влахата (вариант Влахта) – этноним, явно указывающий на название народонаселения, проживавшего в Карпато-Дунайском ареале, называвшего себя «влахи», «волохи».

В этой чисто фантастической части «Сказания...» нельзя не обратить внимания на очевидное сходство с памятниками древнерусской письменности. Выходцы из Рима, как предки московских государей, фигурируют в «Сказании о князьях владимирских», возникшем также примерно на грани XV–XVI вв. Здесь следует особо обратить внимание, что вести свою фантастическую генеалогию от Рима было модно в эпоху средневековья. То же было в Литве, Сербии и других государствах[21].

В связи с вышеприведенными любопытными документами и выводами исследователей, есть необходимость обратиться к историческим событиям и времени, в которых создавались списки Славяно-молдавской летописей. В данном случае небезынтересна самая полная версия «Сказания...», находящаяся в Славяно-молдавской летописи 1359–1504 годов, в которой ведется рассказ не только о приходе Драгоша на земли будущей Молдовы и создании герба с геральдической головой тура, но также повествуется о происхождении молдавского народа.

История полной версии славяно-молдавской летописи 1359–1504 гг.

Нарастание турецкой угрозы и падение Константинополя вызвало идеологическую реакцию в близлежащих странах. Это выразилось в усиленном интересе европейских правителей к византийскому наследию, в частности к багрянородным невестам императорской семьи Палеолог. В один год, 1472, были заключены два брака на высшем государственном уровне. Иван III, великий князь московский женился на племяннице последнего византийского императора Константина XII Софье Палеолог. Этим была продемонстрирована претензия Москвы на роль «Третьего Рима».

В том же году политические отношения между крымским княжеством Феодоро и Молдовой были закреплены браком между воеводой Стефаном III Великим и сестрой крымского князя Исаака Марией, вошедшей в историю как Мария Мангупская[22]. Благодаря этому браку воевода вступал в определенные отношения с Палеологами и другими знатными византийскими фамилиями, значившимися в генеалогическом древе его супруги.

В 1480 году Стефан III Великий направил в Москву своего посла, ища союза с могущественным Русским государством против наступающей Османской Турции. Этот союз должен был скрепить брак Елены Стефановны со старшим сыном Ивана III – Иваном Младым, имевшим титул тверского князя. Елена Стефановна (1464–1505) дочь молдавского господаря Стефана III Великого, известная в русском народе под именем Елена Волошанка, сочеталась законным браком с князем Иваном Младым в 1483 году, став тверской княгиней.

На момент приезда Елены в Москве уже властвовала небезызвестная Софья Палеолог. Имея определенную родословную, да еще и европейское воспитание, Софья Палеолог, безусловно, была женщиной властной, гордой, заносчивой и норовистой. Чувствовала себя в «варварской» России далеко не вполне в своей тарелке и, естественно, компенсировала свой моральный ущерб за счет дворцовых интриг – в совершеннейшем духе византийских традиций.

Софья Палеолог довольно своевольно обращалась с княжеской казной, что, по словам летописца, нередко шло вразрез с намерениями мужа. Но эти «растраты» она делала отнюдь не по недоразумению, а преднамеренно, создавая себе опору среди князей и бояр. С начала 80-х годов XV века не было в Московском княжестве почти ни одного крупного политического события или конфликта, в котором не была бы замешана Софья.

В 1490 году, после смерти старшего сына Ивана III, Ивана Младого, первого претендента на московский престол, Софья Палеолог усилила нажим на Ивана III за передачу престола не царевичу Дмитрию, сыну Ивана Младого и внуку Ивана III, а сыну самой Софьи и Ивана III – Василию (в последствии прозванного Темный). Смешно было бы предположить, чтобы Софья Палеолог, в чьих жилах текла кровь коварных византийских императоров, могла безучастно относиться к сложившейся ситуации[23].

В 1497 году Софья организовала даже заговор против мужа и оппозицию великому князю, склонявшемуся к передаче престола его внуку Дмитрию.

Недоброжелательное отношение к Софье Палеолог части придворной знати – сторонников тверской группировки, которая активно поддерживала притязания на престол Дмитрия-внука, понятно; в их глазах она стала символом «самовластья», ограничивавшего их удельные вольности. Свои надежды на возврат «старых обычаев» они связывали с матерью Дмитрия Ивановича, великой княгиней тверской Еленой Волошанкой.

После раскрытия вышеуказанного заговора, Елена укрепила свои позиции при дворе и пыталась вести самостоятельную политику[24]. Осведомленная о внешнеполитических делах, Елена имела личные контакты с польским королем Казимиром IV, пыталась установить связи с Сербией, участвовала в борьбе за автокефалию русской церкви. В 1488 году она направила послом в Венгрию своего соотечественника Штибора.

Исследователь С.М.Каштанов считает, что в 1495 году, при дворе Елены Стефановны, возник летописный свод, в котором отразились характерные черты политики протверской группировки, и содержались материалы о русско-валашском (читай русско-молдавском) союзе[25].

В окружении Елены Стефановны возник и замечательный памятник древнерусского художественного шитья – «пелена», на которой изображен торжественный выход Ивана III и всего его семейства во время коронации ее сына Дмитрия в 1498 году[26].

В противоборстве двух властных женщин отразились не только противоречия различных придворных группировок, на которые они опирались, но и борьба воинствующих церковников с вольномыслием. Софья Палеолог покровительствовала близким к иосифлянам церковным ортодоксам, а Елена Стефановна в некоторой степени – вольнодумцам, выступавшим против духовной диктатуры церкви[27].

Преодоление раздробленности и образование мощного государства создали почву для распространения в русском обществе идеи «Москва – новый Рим».

Как это ни парадоксально, мысль о византийском наследии развивали не «греки» из окружения Софьи Палеолог, а духовные лица и книжники, близкие ко двору Елены Волошанки.

Митрополит Зосима, которого считали единомышленником Елены, выразил новую концепцию в сочинении: «Изложение пасхалии», поданном московскому собору в 1492 году. Пастырь сложил похвальное слово «самодержцу» Ивану III. Не упоминая о браке государя с Софьей Палеолог, Зосима подчеркивал верность Руси Богу и православию. Это превращало Москву в новый Царьград. Своеобразную интерпретацию идея византийского наследия получила в «Сказании о князьях владимирских». Сочинение появилось, очевидно, в связи с коронацией Дмитрия. В раннем Чудовском и других сборниках за текстом Сказания следует «Чин венчания Дмитрия-внука».

Автор «Сказания о князьях владимирских» старался доказать, что владимирские князья давно породнились с византийским императорским домом и стали его наследниками. Обосновывая законность коронации Дмитрия, летописец сочинил легенду об императоре Константине Мономахе, вручившем царские регалии – «шапку Мономаха» внуку Владимиру Мономаху Киевскому[28].

Тесная связь первоначального текста «Сказания о князьях владимирских» с окружением Дмитрия-внука может быть обоснована и еще одним рядом наблюдений. В Воскресенской летописи сохранилась молдавская летопись «Сказания вкратце о молдавских государех», в которой описывается происхождение молдаван от римлян. Исследователи основательно датируют данную летопись 80-ми годами XV века. В частности, исследователь А.В.Болдур полагает и весьма убедительно, что «Сказания...» было написано около 1480 года, во время переговоров о браке Елены Стефановны с Иваном Младым, и вполне допускает, что Елена Волошанка в борьбе с Софией Палеолог ссылалась на «Славяно-молдавскую летопись»[29].

В самом деле, византийскому происхождению Софьи в Славяно-молдавской летописи были как бы противопоставлены более древние предки Елены, вышедшие из самого Древнего Рима: «От града Виницеи приидоша два брата: Романъ да Влахата, во христианской вере сущи, избегоша от гонениа еретикъ на христиане и приидоша в мѢсто, нарицаемое Старый Римъ, и создаша себе градъ по имени своему Романъ, изживше лета, они и род их, доколе отлучися Формосъ папа отъ православиа в латыньство...»

При этом молдаване имели перед «испроказившимися» греками то преимущество, что сохранили православную веру в борьбе с католичеством (в окружении Софьи Палеолог известны доминиканец Вениамин и вообще лица, сочувствовавшие католичеству).

Во всяком случае, изложение Славяно-молдавской летописи особенно интересно поразитель-

ным сходством мотивов двух фантастических историй: «Сказание вкратце о молдавских государех» и «Сказания о князьях владимирских». В обоих произведениях правящие династии выводятся из Рима, а их врагом выступает папа Формос и католичество.

И не столь важно, что вывод исследователя А.В.Болдура о создании Славяно-молдавской летописи именно в 1480 году, не представляется абсолютно доказанным. Эту летопись мог привезти из своей миссии в Венгрию и ставленник царя Ивана III по внешнеполитическим делам Федор Курицын (1482–1485 гг.), на обратном пути посетивший Стефана III Великого: ведь привез же он тогда сказания о Дракуле – Владе Цепеше – воеводе Валахии[30].

Важно, и совершенно не вызывает сомнения, что зачин повествования текста «Сказания вкратце о молдавских государех», посвященный некоему молдавскому воеводе Драгошу – якобы основателю суверенного княжества и обладателю герба в виде геральдической головы тура, явно возник и создавался в период самоутверждения Елены Волошанки.

Сказание о Драгоше

Представление зачина «Сказания вкратце о молдавских государех» ограничим оригинальным повествованием фрагмента, касающегося рассказа о Драгоше.

«...И в нихъ бя чловекъ разуменъ и мужественъ именемъ Драгожь и поиде себе со дружиною на ловъ зверинъ и наидоша под горами высокими следъ туров и поидоша следомь за туромъ чрез горы высокие и перейдоша высокиа планины, сии рече горы и преидоша за туромъ на место долние и краснейшие и наехаша тура у рекы на брегу под вербою и его убиша и насытишася от лова своего.

И прииде имъ от бога во сръдце мысль, дабых разсмотрили себе на жительство место и вселися ту и съвокупишася единомышлено и восхотяша все пребыти ту и возвратишася воспять и поведаша своимъ всем о красоте земли и о реках и о криницахъ, дабы вселися ту, и ихъ дружина мысли их похвалиша и восхотеша пойти тамо, где они бышом и место зглядаша, занеже бы место пусто и во край татарьскых кочевницъ, и биша челомъ Владиславу, королю угорьскому, дабы их отпустилъ пойти. Владиславъ же король отпусти их с великою милостью.

И пойдоша они от Марамуриша со всею дружиною и з женами и з детми через горы высокие, ово лес просекаа, ово камение прибирая, и прейдоша горы божиею помощию и прийдоша на место где Драгошь тура уби, и возлюбиша и вселишася в ту и выбра из своей дружины себе мужа разумна именемъ Драгоша и назваша его себе господаремъ и воеводою. И оттоле начашася божиимъ произволениемъ Молдавская земля.

И Драгошь воевода насади прьвое место на реке на Молдаве и потомъ насадиша место Бани и иные места по рекамъ и по криницамъ и учиниша себе печать воеводскую во всю землю турью голову, и господьствовалъ на воеводстве лета два»[31].

Заметим, что во всех других списках, названных «Сказание...» и размещенных в разных летописных сводах, несколько афористичное повествование о Драгоше ограничивается всего одной, почти телеграфной, строкой, напоминая знаменитое: Veni! Vidi! Vici! (см. табл. I, II).

По представлениям почти всех историков в данном сказании отразились какие-то действительные события и исторические лица, хотя все окутано мистическими явлениями и происходит в легендарно смещенных временных измерениях[32].

Л.Л.Полевой склонен считать, что подобная легенда, связанная с основанием Молдавского княжества, была заимствована из народной традиции первыми молдавскими летописцами[33].

И.Н.Мэнеску, опираясь на летописный текст о Драгоше, предполагает, что этот древний культ – убиение зверя – является символом покорения и устранения местного династа, обладавшего родовым знаком в виде головы тура. Затем исследователь впадает в другую крайность: такой герб мог быть у воеводы Богдана I (1359–1365), так как у Драгоша, вопреки легенде, был якобы герб в виде щита, на котором размещались стрела и полумесяц[34].

Р.Вуя утверждает авторство воеводы Драгоша в создании своего фамильного герба в виде головы тура. Либо потому, по заверению Вуя, что родина Драгоша город Сигет (Трансильвания), в гербе которого существует подобное геральдическое изображение, либо в знак памяти о его легендарной охоте[35].

Х.Саниелевич, как и ряд других исследователей, пытался рассмотреть происхождение этого символа в виде головы тура через призму древнего охотничьего культа, существовавшего в Северных Карпатах и оканчивавшегося убиением и жертвоприношением тура на берегу реки. В частности, на его взгляд, это могло бы объяснить, как легенду об основании Молдовы (в том числе и легенду о Драгоше – воеводе), так и геральдическое изображение только головы, а не всего животного[36].

К мнениям вышеперечисленных исследователей можно было бы привести множество толкований, основанных как на уверенности в подлинных событиях «Сказания...», так и до полного отрицания его в качестве исторического документа, способного удостоверить Драгоша – действительно основателя и первого воеводы Молдовы. Во всяком случае, многие историки согласны, что если переселение воеводы Драгоша из Марамуреша со своим ближайшим окружением и могло состояться, то это был один из подобных ему эпизодов давних связей населения Молдовы с закарпатскими областями, а Драгош лишь обосновался в местной восточнороманской среде.

Нечто подобное представлено в одной из народных исторических легенд о капитане Негре, который властвовал над частью Молдовы между Марамурешем и Ардялом, в Кымпулунге, на восточных склонах Карпат. Во главе общинного

Таблица 1.
Славяно-молдавские летописи.

Славяно-молдавская летопись 1359-1504 г.г.

землю. Владиславъ же король прія ихъ съ великымъ хотѣніемъ, и даде имъ землю въ Маромарушѣ[п], межи рѣками Морешемъ и Тіею, нарицаемое[р] мѣсто Крижи, и[с] ту вселишася, и собрашася Римляне, и живяше ту, и пояше за себя жены Угоркы отъ Латыньского закону во свою вѣру христіяньскую, даждь[т] и донынѣ. И въ нихъ бѣ[у] человѣкъ разуменъ и мужественъ, именемъ Драгожь, и поиде себѣ со дружиною на ловъ звѣринъ, и найдоша подъ горами высокими слѣдъ туровъ, и поидоша слѣдомъ за туромъ чрезъ горы высокіе, и преидоша высокія планины, сіи рече горы[ф], и пріидоша[х] за туромъ на мѣста[ц] долніе и краснѣйшіе[ч], и наѣхаша тура у рѣкы на брегу подъ вербою, и его убиша, и насытишася отъ лова своего. И пріиде[ш] имъ отъ Бога во сердце мысль, да быхъ разсмотрили[щ] себѣ на жительство мѣсто, и вселися ту[ъ], и съвокупишася единомышлено, и восхотѣша вѣ пребыти ту, и возвратишася воспять, и повѣдаша[ы] своимъ всѣмъ о красотѣ земли, и о рѣкахъ и о криницахъ, дабы вселилися[а] ту; и ихъ дружина мысли ихъ похвалиша, и восхотѣша поити тамо, гдѣ они быша; и мѣсто эглядаша, занеже бѣ мѣсто пусто и вокрай Татарьскыхъ кочевищь, и биша челомъ Владиславу королю Угорьскому, дабы ихъ отпустилъ поити: Владиславъ[б] же король отпусти ихъ съ великою милостью. И поидоша они отъ Марамуриша со всею дружиною, и[в] съ женами и съ дѣтьми, черезъ горы высокіе, ово лѣсъ просѣкаа, ово каменіе пробирая, и преидоша горы Божіею помощію, и пріидоша на мѣсто, гдѣ Драгошь тура уби[г], и возлюбиша и вселишася ту[д], и выбра изъ своей дружины себѣ мужа разумна, именемъ Драгоша, и назваша его себѣ государемъ и воеводою. И оттолѣ начашася Божіимъ произволеніемъ Молдавская[е] земля. И Драгошь воевода насади прьвое мѣсто на рѣкѣ на Молдавѣ, и потомъ насадиша мѣсто Бани и иные мѣста[ж] по рѣкамъ и по криницамъ, и учиниша себѣ печать воеводскую во всю землю турью голову, и господьствовалъ[з] на воеводствѣ лѣта два. И по немъ воеводствова сынъ его Сасъ воевода лѣта четыре, и по Сасѣ сынъ его Лятцко восмь лѣтъ[и]; потомъ государьствова[і] Богданъ воевода лѣтъ шесть, и[к] потомъ государьствова[л] Петрь воевода, сынъ[м] Мушатинъ, шестьнатцать лѣтъ[н]; по[о] немъ братъ Петровъ Романъ, три лѣта; по[п] немъ господьствова[р] братъ его Стефанъ, лѣтъ семъ[с]; по немъ господьствова[т] Юга воевода, лѣта два[у].

Путнянская I летопись 1359-1526 г.г.

Сказание въкратцѣ
о молдавскых господарехъ

В лѣто шестотысѫщно и осмосѫтное и шестьдесате и седмое от създаниа мира божиимь произволениемъ начаса Молдавскаа землѣ, нача же са сице:

1. Прииде Драгоше воевода от Угорска землѣ, от Маррамурреша, на ловь за туромь и господствова 2 лѣта.
2. По нем же господствова сынь его Сась воевода 4 лѣта и умрѣт.
3. И господствова Богдань воевода 4 лѣта и умрѣт.
4. Сынь его Лацко воевода господствова 8 лѣть // и умрѣт.
5. Петръ воевода, сынь Мушатинь, 16 и умрѣт.

Путнянская II летопись 1359-1518 г.г.

Сказание въкратцѣ о молдавскых господарехъ
от създаниа мира в лѣто 6867,
оттолѣ произволением божием
начаса Молдавскаа земла

Прииде Драгоше воевода от Угорской земли, от Марамуриша, за туром на лов и господствова 2 лѣта.
И господствова сынь его Сас 4 лѣта.
И господствова Богдан 4 лѣта.
И господствова сынъ его Лацко 8 лѣт.
И господствова сынь Мушатин Петръ 16 лѣт.

ополчения он разбил вторгшихся татар. После этого пришедший сюда из Марамуреша Драгош «со своей четой» (отрядом) женился на дочери Негре и остался, унаследовав, видимо, его знатное положение[37].

Любопытно, что имена Драг и Драгош в научной литературе некоторыми исследователями приводятся совместно. Отмечая данный факт, невольно задаемся вопросом: мог ли один из них действительно стать основателем суверенного княжества и создателем герба.

Как уже упоминалось выше, Драг – исторический персонаж. Но будучи наместником – доверительной личностью венгерского короля, вряд ли был способен поднять антигосударственное восстание и увести население из насиженных мест в неизвестность. Нельзя не учесть немаловажный факт, что против Драга и короля Людовика воевал Богдан I.

По нашему мнению, на подобный поступок, скорее всего, мог решиться волох-простолюдин, на которого, как и на многих жителей волошских сел в Трансильвании, психологически в большей степени могло сказываться давление и пренебрежение венгров, чувствовавших себя полновластными хозяевами. Не исключено, что некий волох по имени Драгош, с ярко выраженными лидерскими качествами, отличавшийся сильным, смелым и ярким эмоциональным характером, обладавший явно выраженной физической силой, поднял восстание и либо погиб в боях за свободу своих соплеменников, либо был одним из лидеров первых этапов переселения на новые земли.

Известно, что в народной памяти чаще всего откладываются имена людей, поднявших оружие и погибших за счастье и свободу. (Подобных «народовольцев» можно привести специальным списком). Счастье и свобода – это, пожалуй, единственные символы, которые на подсознательном уровне владеют умами всех народов. Именно о таких личностях, отдающих себя за народное дело, и складываются песни, баллады, легенды и сказания.

Легендарный Драгош на наш взгляд – скорее всего собирательный образ героя, ставшего воеводой, любимого народом. Так, на молдавском и древнеславянском языках имя Драгош означает «дорогой, любимый, желанный». Это имя одно из самых употребительных в древнем молдавском эпосе, и не исключено, что все песенно-

легендарные сюжеты о Драгоше – охотнике и герое могли увязываться с Драгошем – правителем, воеводой[38].

Обратимся еще раз к тексту «Сказания...» и попытаемся постичь логику древнего летописца, утверждавшего, что первым воеводой, который увел волошское население из Трансильвании, создал герб и основал суверенное княжество – был Драгош.

Здесь уместно привести «Сказание вкратце о молдавских государех» в переводе на русский язык из Молдавско-польской летописи 1352–1564 гг. (предлагаем введение и начальный фрагмент). Начинается оно так: «Списано с хроники о земле Молдавской, также и о господарях ее, как молдаване впервые пришли в землю Молдавскую и кто первый господарь или воевода у них был, от года первого создания мира 6860, от рождества Христова 1352. В году 1566, месяца октября 28, в Яссах.

По воле господа, первый воевода Драгош пришел из Венгерской земли из города и реки Марамуреша как охотник на охоту за туром, которого убил на той реке Молдаве, и там же веселился со своими панами. Ему та земля понравилась, и остался там, и на земле поселил тех же венгерских молдаван, и был господарем два года. Затем сын его был господарем, не пишет, какое имя у него было. Затем Богдан, не пишет, чей сын, был господарем четыре года. Затем сын Богдана, Яцко, был господарем восемь лет. Затем сын Мушатинов, Петр, был господарем 8 лет. Затем сын Петра, Роман...»

В данном фрагменте одного из многочисленных вариантов «Сказания...», переписанного польским летописцем в 1566 году, отмечается отсутствие упоминания об обладании какого-либо герба у Драгоша, а также не упоминается имя его сына, хотя говорится о его правлении и т.д.

Любопытное изложение «Сказания...» приводится историком Дмитрием Кантемиром, который упоминает в своем труде «Описание Молдовы», что Драгош: «...пожелал, чтобы на гербе нового княжества была изображена голова дикого быка – зубра»[39]. По Кантемиру выходит, что Драгош не создал герб, а лишь пожелал. Как известно, что пожелание и реализация есть не тождественные функции. Позднее Д.Кантемир вообще отказался от версии о достоверном существовании Драгоша – основателе Молдовы.

Выводы

При изучении вышеперечисленного исследовательского материала нами отмечались доказательства, научные факты и правдоподобные версии, которые касались либо конкретно относились к проблеме достоверного существования Драгоша. Исследователи, которые приходили к выводам и утверждениям, основываясь на летописный текст «Сказания...», страдали, мягко говоря, указанным комплексом «praezumtio continuitas»[40] в по-

Таблица 2.
Славяно-молдавские летописи.

Славяно-молдавская летопись 1359-1512 г.г.

От създаниа же миру [1] до лѣта сих царие [2] 6867 лѣть [3].

Оттолѣ произволениемь божиемь начаса Молдавскаа земли [a]. Прииде Драгоше воевода от Угрьской земли, от Марамур[е]ша, за туромь на ловь. Въ [4] тожде лѣто [4] турци прѣидоша Калиполе и прѣимиша брод и прияша многыа страны къ западомь и оттолѣ съмящение сътвориса и неустроение // велие и пагуба по мѣстох христианскых. Быша же и труси велици по землѣхь.

Таже двоим мимошедшиимь лѣтом [5], въ лѣто 6869, погыбе Момчило Периторскый.

Осмьдесатому же текящу съврьху осмихь стотинь кь шестим тысащам лѣть умрѣт царь Урошь.

В лето 6901 прияша турци Трьновъ.

В лето 6911 погыбе Баязит амира от Демира под Ангуромь месаца июниа 24 день.

В лето 6921 Мусиа ходи на Ново-Брьдо, а послѣд испустив едно лѣто, разсыпа блъгары и от тогожде лѣта заклань бысть на Истру.

И Александрь воевода молдавскаго ста на господство и // господствова лѣт 32 и месаць 8.

В лето 6929 умрѣть Балша Зетскый и царь султан, рекомый Кришчиа.

Бистрицкая летопись 1359-1507 г.г.

Сий лѣтописець оттоли начаса произволениемь божием Молдавскаа землѣ

В лѣто 6867 прииде Драгоше воевода от Угорской земли, от Марамурыша, за туром на лов и господствовал 2 лѣта.

По него господствовал сынь его Сас воевода 4 лѣта.

По нем сынь его Лацко воевода господствовал 8 лѣт.

И по нем господствовал Богдан воевода 6 лѣт.

И господствовал сынъ Мушатин Петръ воевода 12 лѣт.

Молдавско-польская летопись 1352-1564 г.г.

Spissanie kroniki o ziemi Woloskijej, tak ze i o hospodarach iei, iako napirvei volochovie przisli do ziemie Volosky i ktori napirwssy hospodar albo voievoda ich byl, od roku pirwsego stworzenia swiatha 6860[a], od narodzenia bozego 1352. W roku 1566, 28 die mensis octobris, w Jassiech.

Z bozei voley, napirwssi voievoda Dragossa iako loviecz przissedl od Vegersky ziemie, miasta i rzeki Omaramarussa, za turem na lowy, ktorego zabil na tei rzecze Moldavie i tam ze bil wessol z svoymy pany. Tam ze mu szię ta ziemia podobala i zostal w ny i ziemię ossadzal themiss volochi węgierskiemy i bil hospodarem dvie leczie.

Potem sin iego bil hospodarem, nie pisse iako mu bilo imie.

Pothem Bogdan, nie pisse czij sin bil, bil hospodarem czteri liata.

Potem sin Bogdanow, Jaczko, bil hospodarem osm liath [6].

Potim sin Mussaczinow, Petr, bil hospodarem 8 [liath] [a].

Молдавско-немецкая летопись 1457-1499 г.г.

JESUS [a] MARIA, 1502 JAR ANNO DOMINI
28 APRIL IST GESCHRYBEN WORDEN
DY CRONYCKE DES STEPHAN
VOYVODA AUSS DER WALLACHEY [a] //

CRONICA BREUITER SCRIPTA
STEPHANUS DEI GRACIA
VOYVODA TERRARUM
MOLDANNENSIS NECHON VALACHYENSE

Prymo

Walachyschu zal: A. Creationibus

6965 //

In dem jar [6], als man schreybt nach Christi geburt 1457 in monde Aprilis am dem XI tag an eynem dynstag in der Carwochen vor Osteren do ist kumen Stephanus voyvoda eyn sune Bogdanis [a] voyvoda, der mit cleyner macht kam mit den montanen und mit den nyderen lenden als 6 thausend man. Vnd komen auff Aaron voyvoda an eynem pache ader wasser mit dem namen Hresska beu der Dolschecht. Do hat Stephan voyvoda den Aaron voyvoda geslagen auss dem land, vnd ist selbst her blyben mit macht etc.

пытке неаргументированного «удревнения» списка молдавских воевод.

Анализ приведенных в настоящей статье материалов исторического и палеографического характера приводит нас к следующим выводам.

1. Нам представляется, что в период X–XV веков в центрально-европейском регионе, в силу «универсальной этнокультурной модели»[41], проходил своего рода международный взаимообмен информации. Древние легенды, героические песни, баллады, предания, сказания и в том числе сказки, а также летописи и летописные истории перенимались, перекладывались и видоизменялись на свой лад, меняя в своей основе, имена и место действия.

2. Летописный текст с названием «Сказания вкратце о молдавских государях», видимо, по необходимости «тиражировался» переводился на другие языки и размещался, оказавшись в летописных сводах нескольких государств – Валахии, Польши, Германии и России.

3. Летописные тексты «Сказания...», являя собой своего рода средневековую историю Молдовы, могут фиксироваться различными временными периодами, иметь различные литературные варианты исторического характера.

4. Наиболее полная версия зачина повествования «Сказания...» обнаруживается лишь в одном списке, размещенном в своде Воскресенской летописи, написанная в начале 80-х годов XV века во времена военно-политических и культурных связей Молдовы и России.

5. Ни один исторический источник не указывает на документированность личности Драгоша.

6. Зачин «Сказания...», размещенный в Воскресенской летописи, приобретает фантастическую (вымышленную) историю в виде рассказа о венценосном происхождении молдавского народа и явлении мифического воеводы Драгоша. Комплекс «praezumtio continuitas» вероятно, был присущ представителям власти и в средневековые времена.

7. Существующие тексты о возникновении Молдовы, записанные в изложении Дмитрия Кантемира и молдавских летописцев Григоре Уреке, Мирона Костина, Раду Попеску и других переписчиков истории Молдовы, являются интерполяциями на тему указанного «Сказания...» Подобные в некотором смысле исторические тексты обросли дополнительными, чисто литературными сюжетными линиями и авторскими домыслами, не подтвержденными документированным материалом.

Исследуемое нами «Сказание...» в своем зачине можно было бы смело отнести к историческому жанру художественной литературы, но с другой стороны этот текст носит своеобразный характер явно направленной, можно было бы сказать, намеренной социально-политической мистификации.

Литература и примечания:

1. Sbiera I.C. Traiul românilor înainte de fondarea statelor naţionale. Cernăuţi. 1890; Tradiţii poporane din Bucovina / Ad. de S. Fl. Marian. Bucureşti, 1895. См. Полевой Л.Л. И с того времени началась Земля Молдавская. Кишинев, 1990.

2. Мохов Н.А. Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства. Кишинев, 1959; он же. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.

3. Ibidem.

4. Cihodaru C. Constituirea statului feudal moldovenesc şi lupta pentru realizarea independenţei lui // Studii şi cercetări ştiinţifice. Istorie. N. I. Iaşi.

5. Параска П.Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981.

6. Iosipescu S. Schiţa a constituirii statelor medievale româneşti // Revista de istorie. N. 3. 1983.

7. Iorga I. Istoria Românilor. Ctitorii. Bucureşti. Vol. III. 1937; Sacerdoţeanu A. Succesiunea domnilor Moldovei pîna la Alexandru cel Bun // Romanoslavica. XL. 1965. Gorovei Şt. S. Dragoş şi Bogdan...; Iosipescu S. Op. cit.; Cihodaru C. Op. cit.; Григораш Н. вообще отрицает историчность первого молдавского воеводы Драгоша, в конечном итоге принимая его за мифический персонаж – «Драгош Водэ» (Grigoraş N. Ţara Românească a Moldovei pînă la Ştefan cel Mare).

8. Русская летопись с Воскресенского списка, ч. I. СПб., 1793. // См.: Левина С.А. К изучению Воскресенской летописи. ТОДРЛ. Т. XIII. М.-Л., 1957; она же. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века. ТОДРЛ. Т. XI. М.-Л., 1955; она же: Тринадцатый список Воскресенской летописи // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969.

9. ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856.

10. Wojcicki K. W. Biblioteka starozytna pisarzy polskih. T. VI. Warszawa, 1844.

11. Haşdeu B.P. Cronica cea mai veche a Moldovei // Arhiva istorică a României. T. III. Bucureşti, 1867.

12. Bogdan I.I. Vechile cronice moldoveneşti pînă la Ureche. Bucureşti, 1891; ibidem. Cronice inedite atingătoare de istoria românilor. Bucureşti, 1895.

13. Cronicile slavo-române din sec. XV–XVI publicate de Ioan Bogdan. Ediţie revazută şi completată de P.P. Panaitescu. Bucureşti, 1959.

14. Рогов Л.И. Основные проблемы изучения культурных взаимосвязей России с Дунайскими княжествами в XV–XVII вв. // История Румынии и Молдовы. Т. 1. Dacoromania. 2004–2007.

15. Ibidem.

16. Славяно-молдавские летописи...

17. Левина С.Л. О времени составления и составителе...

18. Черепнин Л.В. Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI в.в. // Вековая дружба. Кишинев, 1961.

19. Болдур А.В. Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964.

20. Славяно-молдавские летописи...

21. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.-Л., 1955.

22. Гонца Г.В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984; Bogdan I.I. Cronicile Slavo-Române din sec. XV–XVI. Editura Academiei Republicii Populare Române, 1959.

23. Демин В.Н. Загадки русских летописей. М., 2001.

24. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.-Л., 1955; Богуславский В.В., Бурминов В.В. Русь Рюриковичей. М., 1999.

25. Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.

26. Богуславский В.В., Бурминов В.В. Русь...; Богуславский В.В. Славянская энциклопедия. М., 2005.

27. Скрынников Р.Г. Третий Рим. СПб., 1994.

28. Ibidem.

29. Болдур А.В. Указ. соч.

30. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1991.

31. Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. IV. С. 258–259. СПб., 1856.

32. Яцимирский А.И. Сказание вкратце о молдавских господарях в Воскресенской летописи. СПб., 1901; Legenda lui Dragoş // Tradiţii poporane din Bucovina / Ad, de S. Fl. Marian. Bucureşti, 1895; Vuia R. Legenda lui Dragoş // Anuarul Institutului de istorie naţională. Vol. 1. Cluj. 1922; Simonescu D. Tradiţia istorică si folclorică în problema «întemeierii» Moldovei // Studii de folclor şi literatură. Bucureşti, 1967; Filipciuc I. Geneza insemnului Cap de Bour // Anuarul Institutului de istorie şi arheologie. T. XIV. Iaşi. 1977; Gorovei St. Tradiţia «descălecării»: inţelesuri si confuzii // Anuarul Institutului de istorie si arheologie. T. XX. Iaşi. 1983.

33. Полевой Л.Л. И с того времени...

34. Mănescu I.N. Stema Moldovei: Origini şi istorie (Lucrare în mss) // Cernovodeanu D. Op. cit.

35. Vuia R. Legenda Lui Dragoş // Anuarul Institutului de istorie naţională. I. Cluj. 1921–1922.

36. Eraldica veche a românilor: Stemele ţărilor în faţa religiunilor daco-romane, cabirismul şi mitraismul. Bucureşti, 1884; Sanielevici H. Stema Moldovei şi cea a Ţării Româneşti. 1934.

37. Креация популарэ молдовеняскэ. Леженде, традиций ши повестирь орале молдовенешть. Кишинэу. 1975.

38. Гацак В.М., Рикман Э.А. Легенда о Драгоше и отражение в ней средневековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье // Этническая история и фольклор. М., 1977; Параска П.Ф. Указ. соч.

39. Дмитрий Кантемир. Описание Молдовы.

40, 41. Термин наш.

Александр и Митридат:

Монета золотая. Статер Лисимаховского типа с портретом Александра Македонского. II–I в. до н. э. г. Каллатис.
Ялтинский историко-литературный музей.

Монета серебряная. Тетрадрахма Митридата VI Евпатора. 73 г. до н. э. Понт.
Ялтинский историко-литературный музей.

Монета серебряная. Кистофор Марка Антония. 39 г. до н. э. г. Эфес, Малая Азия.
Ялтинский историко-литературный музей.

Монета серебряная. Кистофор Августа 28–20 г. до н. э. г. Пергам, Малая Азия.
Ялтинский историко-литературный музей.

Монета золотая. Статер Асандра 24 г. до н. э. Боспор.
Ялтинский историко-литературный музей.

Монета золотая. Статер Динамии 21–20 г. до н. э. Боспор.
Ялтинский историко-литературный музей.

Монеты золотая и субэратная. Статеры г. Херсонеса. 95 г. н. э. и 109 г. н. э.
Ялтинский историко-литературный музей.

Монета золотая. Ауреус Клавдия с портретом его матери Антонии Младшей. 41–45 гг. н. э. Рим.
Ялтинский историко-литературный музей.

Монета золотая. Ауреус Нерона. 64–68 гг. н. э. Рим.
Ялтинский историко-литературный музей.

Ялтинский историко-литературный музей. *Фото 2021 г.*

Золотая кладовая Ялтинского историко-литературного музея. *Фото 2021 г.*